

В 84

„Общепользная Библиотека „Родины“

В СЕМІРНАЯ ІСТОРИЯ

Выпускъ 30-й.

1904 г.

IV.

Новѣйшее время.

(Кн. 8-я.)

(Стр. 576—656 и 12 стран. иллюстрацій: стр. 113—124, рис. 283—314.)

Изданіе
А. А. Каспарн.

С Петербурга.

9091
K-28

При всемъ стремленіи мадьяръ къ возвеличенію и расширенію своего націонализма, въ громадномъ большинствѣ народа господствовало то убѣжденіе, что Венгрія, пока будетъ существовать ея царственный домъ, останется всегда въ неразрывномъ союзѣ съ монархіей. Таково было тоже настроеніе чешскихъ націоналистовъ, но иначе думали итальянцы и поляки, подвластные Австріи. Австрійскіе итальянцы ненавидѣли власть Вѣны, какъ чужеземное иго, и мысль о національной независимости *Италіи* была особенно жива среди духовенства и женщинъ, а въ среднемъ сословіи глава «Молодой Италіи», *Мадзини*, насчитывалъ много сторонниковъ и среди мужчинъ. Австрійское правительство тщетно старалось при-

сближенію съ чехами: сказанные кружки или общества закрывались по распоряженію венгерскаго правительства, словацкій языкъ былъ изгнанъ изъ школъ, а „упрямымъ“ крестьянамъ, которые не хотѣли научиться говорить по-мадьярски, угрожали плети...

Мадьяры надѣялись на такой-же успѣхъ въ Семиградіи, гдѣ населеніе состояло на одну треть изъ мадьярскихъ селлеровъ, уступавшихъ въ числѣ румынскимъ обывателямъ, но „значительно превосходившихъ въ этомъ отношеніи такъ называемыхъ „саксонцевъ“, то есть, нѣмцевъ. Они не переставали посылать адреса въ Вѣну, испрашивая уніи между Венгріею и Семиградіемъ, но нѣмцы твердо противились этому домогательству. Поэтому мадьяры были очень довольны, когда румыны, тоже въ силу своей національной идеи, возстали противъ саксонцевъ, какъ истые хозяева земли. Но вожаки румынскаго движенія, архимандритъ Ковиль, Андрей Шагуна и пр. не хотѣли никакой общности съ мадьярствомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ горномъ округѣ Барлебургъ, дошло до открытаго возстанія поселянъ. Но авторитетъ Шагуны былъ достаточенъ для водворенія спокойствія и для избавленія румынъ, съ помощью правительства, отъ грозившей имъ мадьяризаціи.

„Всемирная Исторія“. Т. IV.

Дозволено цензурою. Спб., 27-го августа 1904 г.

влекъ къ себѣ жителей матеріальными заботами о нихъ въ благодатномъ, многолюдномъ и хорошо воздѣланномъ краѣ. Намѣстникъ, эрцгерцогъ *Райнеръ*, человекъ податливый, не энергичный, пытался привлечь къ себѣ дворянство своею внимательностью и смягченіемъ всякихъ мѣръ, предписываемыхъ ему изъ Вѣны; но дворянство не пользовалось вліяніемъ на народъ. Центромъ общественной жизни былъ *Миланъ*. Здѣсь господствовало благосостояніе; средній классъ богатѣлъ, благодаря промышленности и торговлѣ. Въ *Венеціи*, напротивъ того, главную роль играло дворянство. Правительство старалось освѣжить потускнѣвшій блескъ города св. Марка развитіемъ промышленности, но венеціанскіе «нобили» не хотѣли забыть свое былое гордое прошлое и, подобно своимъ единомышленникамъ въ Ломбардіи, стремились принять участіе въ дѣлѣ Италіи.

Въ Италіи народилось, между тѣмъ, новое ученіе. Радикальное направленіе карбонаріевъ, усвоенное «Молодой Италіей», было заглушено *новой доктриной*, по которой единство итальянскаго государства могло быть достигнуто путемъ *союза съ римскою церковью*. Такова была мысль вдохновеннаго *Винченцо Джіоберти*. Онъ громилъ нападавшихъ на него іезуитовъ, обвиняя только ихъ въ нравственномъ упадкѣ Италіи. Подобный взглядъ высказывали многіе замѣчательные люди: историкъ графъ *Чезаре Бальбо*, маркизь *Массимо д'Азеліо*, зять Манцони, графъ *Маміани* и пр.

1-го іюня 1846 г. умеръ папа *Григорій XVI*. Преемникомъ его былъ 54-лѣтній епископъ *Имолы*, графъ *Мастаи Ферретти*, вступившій на священный престолъ подъ именемъ папы *Пія IX*, человекъ съ живою, воспримчивою душой. Увлекаясь современнымъ

37

Тип. А. А. Маспари.

18300
1842

движеніемъ, онъ освободилъ заключенныхъ за политическіе проступки и даровалъ Риму конституцію. Восторгъ итальянцевъ не имѣлъ границъ. «*Пій Девятый* (Pio Nono)» сталъ лозунгомъ всѣхъ либераловъ и патриотовъ. И прежде всѣхъ привѣтствовалъ реформы король сардинскій, *Карль Альбертъ*. Въ сущности, новый папа вовсе не олицетворялъ того идеальнаго образа, который приписывался ему: въ энцикликѣ отъ 8-го ноября 1846 г. онъ заявлялъ, что всякій прогрессъ не иное что, какъ орудіе дьявола, а глашатаи новыхъ ученій — соблазнитель и мятежникъ, подлежащій проклятію. И, когда Мадзини предложилъ ему стать во главѣ національнаго движенія, онъ отвергнулъ этотъ призывъ.

Двѣ силы выступали на борьбу съ итальянскими надеждами: *Австрія и іезуиты*, и противъ нихъ кипѣлъ ненавистью итальянскій народъ. Противодѣйствіе Карла Альберта австріяцамъ въ дѣлѣ привоза соли вызвало шумный энтузіазмъ въ его пользу; было ясно, что малѣйшаго толчка было достаточно для взрыва возстанія противъ австрійцевъ во всей сѣверной Италіи.

Подобно такому настроенію на югѣ отъ Альпъ, было и господствовавшее къ сѣверу отъ Карпатовъ. *Поляки* стремились тоже къ освобожденію отъ владычества Австріи. Но революціонные элементы гнѣздились здѣсь сильнѣе всего не въ среднемъ сословіи, а въ *дворянствѣ*, у котораго былъ отнять безграничный произволь пана надъ крестьяниномъ, и, хотя надъ этимъ послѣднимъ тяготѣли еще многія подати и повинности, онъ все-же пріобрѣлъ извѣстныя юридическія права. Дворянинъ видѣлъ врага въ своемъ правительствѣ, но крестьянинъ смотрѣлъ на него, какъ на защиту. Такой антагонизмъ между паномъ и мужикомъ выдавался всего рѣзче въ восточной Галиціи, принимая какъ спе-

ціальный, такъ и національно-религіозный характеръ: масса сельскаго населенія была русинскаго происхожденія и держалась греческаго исповѣданія, между тѣмъ какъ мѣстные польскіе магнаты принадлежали къ католической церкви.

Однако, польскіе эмигранты, живя за границей, считали необходимымъ для успѣха возстанія привлечь именно поселянъ, путемъ какихъ-либо приманокъ, и «*Польско-демократическій союзъ*» бывший душою эмигрантовъ во Франціи, выставилъ на своемъ знамени переустройство Польши на социалистически-демократическихъ началахъ. Во главѣ сказаннаго союза стояла «*Централизація*», то есть, коммисія изъ пяти членовъ, засѣдавшая въ Парижѣ. Она высылала агитаторовъ съ цѣлью вербовать сторонниковъ въ ея пользу.

Но рядомъ съ этою организованною агитаціей расла другая, болѣе коммунистскаго направленія, имѣвшая своихъ приверженцевъ преимущественно среди промышленнаго класса въ *Познани*. Главою ея былъ мѣстный книгопродавецъ *Валентинъ Стефанскій*. Наконецъ, *Адольфъ Мальчевскій* образовалъ еще третью партію, надѣявшуюся ускореніемъ возстанія увлечь за собою другія партіи. *Мѣрославскій* набросалъ такой планъ военныхъ дѣйствій: слѣдовало броситься на королевство Польское и, вступивъ въ бой съ русскими, довести дѣло до окончательнаго рѣшенія, а въ отношеніи Пруссіи и Австріи держаться только въ оборонительномъ положеніи. Но ничего нельзя было предпринять, за полнымъ недостаткомъ денегъ въ «*Централизаціи*». Стефанскій рѣшился тогда дѣйствовать на свой страхъ, но прусское правительство заарестовало его. Мѣрославскій прибылъ 31-го декабря 1845 г. въ Познань, но денежныхъ средствъ все еще не было на-лицо.

Онъ началъ свою дѣятельность съ учрежденія національнаго правительства, резиденціею котораго была назначена республика *Краковъ*. Срокомъ для возстанія было выбрано 21-ое февраля 1846 г. Но уже 12-го февраля Мѣрославскій былъ захваченъ прусскими властями, а 15-го числа въ Краковъ вступили австрійскія войска, подъ начальствомъ генерала *Коллина*. Все казалось потеряннымъ, но врачъ *Иоганнъ Тиссовскій* объявилъ себя диктаторомъ въ Краковѣ (24-го февраля) и попытался организовать возстаніе. Однако, австрійцы снова выступили противъ инсургентовъ и 4-го марта заняли Краковъ совмѣстно съ пруссаками и русскими.

При извѣстии о возстаніи въ Краковѣ *познанскіе* повстанцы составили планъ овладѣнія крѣпостью, но это имъ рѣшительно не удалось и повело лишь къ многочисленнымъ арестамъ.

Въ *Галиціи* инсургенціонная попытка завершилась печально. Поселяне были нерасположены къ

возстанію и прогоняли краковскихъ повстанцевъ, откуда только могли. При этомъ не могла не разгорѣться ихъ злоба противъ дворянъ и нашла себѣ исходъ въ кровавой мести. По цѣлымъ днямъ пылали подожженные господскія усадьбы и владѣльцы ихъ считались какъ-бы лишенными покровительства законовъ; наконецъ, правительство остановило силою разгромы и убійства, а затѣмъ стало улучшать положеніе Галиціи, но приступало такъ вяло къ реформамъ, что онѣ были почти незамѣтны. Крестьяне оставались жертвами въ рукахъ евреевъ и предметомъ презрѣнія землевладѣльцевъ; среднее сословіе не имѣло подъ собою почвы, дворянство было раздражено противъ правительства и увлекалось одними зазорными политическими теоріями.

Тремя великими державами было рѣшено еще 15-го апрѣля 1846 г. присоединеніе Краковской республики къ Австріи, и это было исполнено 6-го ноября 1846 года.

Волненія въ Швейцаріи. Междоусобица кантоновъ. (Sonderbundkrieg).

По договору 20-го ноября 1815 г. Швейцарія должна была оставаться нейтральною при всѣхъ европейскихъ конфликтахъ, но это не устраняло вліянія на нее великихъ державъ. Умственные движенія въ сосѣднихъ государствахъ не могли не проникать и въ Швейцарію. Такъ, студенческія общества въ Германіи вызвали здѣсь учрежденіе «*Гельвеціи*», — союза швейцарскихъ студентовъ въ либерально-политическомъ духѣ. Вліяніе іюльской революціи отразилось въ странѣ еще явственнѣе: образовались народныя сходки, на которыхъ обсуждались уравненіе правъ между городами и селами и уничтоженіе всякихъ привилегій. Въ октябрѣ 1830 г. учредились повсю-

ду комиссіи для пересмотра конституціи. Это было вызвано тѣмъ, что конституція Швейцарскаго союза отъ 7-го августа 1815 г. слишкомъ покровительствовала аристократическимъ элементамъ въ кантонахъ и давала духовенству подозрительное для свободы положеніе.

Въ большинствѣ кантоновъ стремленія къ реформамъ достигли успѣха, такъ что старыя конституціи сохранились только въ Аппенцелль, Ури, Унтервальденъ, Цугъ, Женевъ, Гларусъ и Граубинденъ, а въ Швицѣ и Валлисѣ одержала верхъ реакція. Но 17-го марта 1832 г. *Дюрихъ* заключилъ съ Люцерномъ, Берномъ, Золотурномъ, Сень-Галленомъ, Аргау и

Тургау «Союзъ семи» для взаимнаго примѣненія ихъ либеральныхъ конституцій, а въ 1834 г. либералы представили на конференціи, состоявшейся въ Баденѣ (Аргау), свои предложенія, которыя содержали въ себѣ, подъ названіемъ «*Баденскихъ статей*», слѣдующія правила: церковь поставлялась подъ надзоръ государства; вводилась свобода образованія; монастыри привлекались къ общепольнымъ цѣлямъ; духовныя лица должны были присягать на вѣрность конституціи своего кантона. Но папа Григорій XVI осудилъ сказанныя «статьи», что послужило поводомъ къ возбужденію католическаго населенія, а затѣмъ и къ вмѣшательству военной силы. Главный совѣтъ союза счелъ нужнымъ дать успокоительныя изъясненія народу и привести въ полное забвеніе «Баденскія статьи».

Радикалы потерпѣли еще сильнѣйшее пораженіе въ протестантскомъ *Цюрихѣ* (1839 г.). Они вызвали на университетскую кафедру богословія автора книги «*Жизнь Іисуса*», проф. *Давида Штрауса*. Многія изъ кантональных общинъ усмотрѣли въ этомъ нападку на христіанство и приготовились дать должный отпоръ. Была подана петиція, выражавшая протестъ противъ избранія Штрауса и направленія церковныхъ и школьныхъ дѣлъ. Но, когда единственнымъ отвѣтомъ на это послѣдовала лишь отсрочка назначенія Штрауса, тлѣвшій противъ радикальныхъ властей огонекъ вспыхнулъ ярко. Изъ всѣхъ деревень собрались толпы сельскаго ландштурма, направляясь къ городу. Радикальное правительство отказалось отъ власти и поселяне замѣнили его другимъ—консервативнымъ.

Эта побѣда цюрихскихъ крестьянъ ободрила на борьбу сельскихъ обывателей и въ другихъ кантонахъ, преимущественно католическихъ. Уже въ 1843 г. *Люцернѣ*

вступилъ въ союзъ съ кантонами *Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Цугъ* и *Фрейбургъ*, къ которымъ присоединился и *Валлисъ*. Этотъ «Зондербундъ (отдѣльный союзъ)» требовалъ на сеймѣ въ Бернѣ наказанія вольныхъ дружинъ и возстановленія монастырей, между тѣмъ какъ радикалы устраивали повсюду свои сходки, обсуждая необходимость изгнанія іезуитовъ и расторженія Зондербунда. Вся Швейцарія раздѣлилась на два лагеря; на сеймѣ одержали верхъ консерваторы, но радикаламъ удалось низвергнуть правленіе въ *Сенъ-Галленѣ* и *Ваадтскомъ* кантонѣ, захвативъ также власть и въ *Женевѣ*, подъ руководствомъ искуснаго демагога, *Джэмса Фази*. Это доставило имъ большинство на сеймѣ и они рѣшили расторгнуть Зондербундъ (20-го іюля 1847 г.), а затѣмъ изгнать іезуитовъ изъ Швейцаріи. Междоусобная война была неизбежна, причемъ радикальное большинство настаивало на неотложномъ изгнаніи іезуитовъ, съ цѣлью придать Швейцаріи твердую общую конституцію.

Большое значеніе имѣлъ взглядъ великихъ державъ, которыя считали такую борьбу принципиальною и интересующею всю Европу. Меттернихъ былъ противъ обращенія Швейцаріи въ союзное государство; сверхъ того, ему были ненавистны вообще радикалы и сама Швейцарія, какъ притонъ революціонеровъ. Подобно тому же, *Гизо*, возставая противъ швейцарскихъ радикаловъ, боролся противъ радикальной оппозиціи у себя на родинѣ. Оба они пришли къ соглашенію и поддерживали Зондербундъ присылкою оружія. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV, заинтересованный владѣніемъ *Нейенбурга*, тоже пылалъ раздраженіемъ противъ швейцарскаго радикализма, между тѣмъ какъ императоръ Николай относился гораздо равнодушнѣе къ швейцарскимъ дѣламъ. Предположенное вмѣшательство Австріи и Фран-

ціи въ швейцарскую борьбу не согласовалось, однако, съ договорами 1815 г., и потому слѣдовало сначала заручиться содѣйствіемъ Англии. Но лордъ Пальмерстонъ былъ рѣшительно противъ помощи Зондербунду и ободрилъ противниковъ этого союза, убѣждая ихъ дѣйствовать рѣшительно, чтобы предупредить военныя мѣры Зондербунда и его покровителей. Это позволило бернскимъ властямъ твердо отвѣтить на грозную ноту четырехъ континентальныхъ державъ.

Предоставленный себѣ Зондербундъ былъ, конечно, не въ силахъ бороться съ противниками, потому что насчитывалъ у себя лишь $\frac{1}{5}$ швейцарскаго населенія и его территорія была разсѣяна между прочими кантонами. Поэтому члены Зондербунда рѣшили оттянуть время, предложивъ на рѣшеніе папы вопросъ объ изгнаніи іезуитовъ и возстановленіи монастырей. Но высшій совѣтъ союза отвергнулъ это предложеніе 29-го октября. Выслушавъ это, уполномоченный отъ Люцерна заявилъ отъ имени Зондербунда, что, при такомъ погрѣшнѣ всѣхъ частныхъ обязанностей союза къ каждому изъ своихъ членовъ, онъ не можетъ принимать долѣе участіе въ преніяхъ сейма, и вмѣстѣ съ прочими представителями кантоновъ изъ состава Зондербунда покинулъ Бернъ.

Это было объявленіемъ войны. Сеймъ призвалъ къ оружію требуемый контингентъ отъ канто-

новъ, передавъ начальство надъ арміей *Дюфуру* (род. 15-го сент. 1787 г., ум. 14-го іюля 1875 г.). Послѣдній направилъ свои войска прежде всего на *Фрейбургъ*. Городъ, защищенный лишь средне-вѣковыми стѣнами и башнями, капитулировалъ еще 14-го ноября. Но главныя силы Зондербунда были сосредоточены у *Люцерна*, не въ достаточномъ, однако, количествѣ для того, чтобы успѣшно защитить всѣ пути къ нему. Командовавшій здѣсь генералъ *Соглио* ожидалъ непріятели въ укрѣпленіяхъ при *мостѣ на Рейсѣ* у *Гисликона*. Утромъ 23-го ноября Дюфуръ подошелъ къ Гисликону; зондербундцы держались три часа въ окнахъ, но непріятельской отрядъ приблизился къ нимъ съ тыла. Тогда они успѣли бѣжать въ Люцернъ. Власти сложили здѣсь съ себя званіе; побѣдители вступили въ городъ, и кантоны, окружающіе *Фирвальдитетское озеро* (озеро четырехъ кантоновъ), изъявили свою покорность сейму. Въ Люцернѣ главою правленія сталъ д-ръ *Штейгеръ*. 30-го ноября война была закончена. Вожаки Зондербунда бѣжали въ Италію, и Швейцарія образовалась въ союзъ съ конституціей, подвергшейся реформамъ въ духъ современныхъ требованій. Эта конституція была окончательно введена 12-го сент. 1848 г. Старый сеймъ былъ устраненъ и высшая власть передана въ вѣдѣніе «*Союзаго собранія*», состоявшаго изъ національнаго и сословнаго совѣтовъ.

Правленіе короля-гражданина Луи Филиппа во Франціи.

Іюльская революція 1830 г. имѣла еще большее значеніе для другихъ европейскихъ странъ, нежели для самой Франціи. Она содѣйствовала проведенію парламентской реформы въ Англии, создала новое королевство—*Бельгію*, потрясла самодержавное владыче-

ство въ Германіи и Италіи. Именно ея быстрое теченіе и счастливыя послѣдствія ея для революціонныхъ идей во всѣхъ государствахъ казались соблазнительными, а быстрое возстановленіе гражданскаго порядка и самой королевской власти въ странѣ

приближали ее къ происшедшей въ 1789 г. Король Луи Филиппъ справедливо называлъ себя *гражданиномъ*, потому что во Франціи теѣперь выдвигалось впередъ гражданское зажиточное сословіе, *буржуазія*. Новый король порвалъ всякую связь съ прошедшимъ уже тѣмъ, что принялъ титулъ не *Филиппа VII*, а лишь *Луи Филиппа*. Правда, что основаніе этого «*гражданскаго королевства*» создало ему тотчасъ-же двухъ враговъ. Сторонники легитимнаго короля, *Генриха V*, у котораго Луи Филиппъ отнялъ корону, не могли примириться съ «похитителемъ престола» и такую-же непримиримую вражду питали къ нему истинные революціонеры, у которыхъ буржуазія вырвала побѣду. И въ политическомъ настроеніи французовъ была опасность для новаго государственнаго строя. Жертвы и бѣдствія наполеоновской эпохи были уже снова забыты въ жизненномъ водоворотѣ. Въ націи пробуждалось сознаніе того, что мирныя условія 1814 и 1815 гг. унизили Францію, лишили ее подобающаго мѣста въ совѣтъ народовъ. Левый берегъ Рейна сталъ снова предметомъ французскихъ притязаній, а буржуазное правительство не сочувствовало этому, не рѣшаясь на большую войну: при несчастномъ исходѣ ея ему угрожало быть снесеннымъ революціонною бурей, а при счастливомъ оно приобрѣло-бы себѣ соперника въ побѣдоносномъ полководцѣ.

Подобныя-же соображенія руководили другими державами и обусловливали ихъ отношенія къ июльской монархіи. Меттернихъ, слыша завѣренія въ миролюбіи короля и его стремленіи къ общему спокойствію, не скрылъ, что все происшедшее въ Парижѣ ему ненавистно и что если Австрія признала Луи Филиппа, то лишь потому, что ей было лучше имѣть оплотъ противъ революціи въ лицѣ Луи Филиппа, чѣмъ не имѣть

никакого. При этомъ Меттернихъ сознавалъ, что плачевное состояніе австрійскихъ финансовъ и арміи не позволяло думать о войнѣ съ новою Франціей. Болѣе склоненъ къ войнѣ былъ сначала императоръ Николай I, но онъ не могъ начать ее безъ содѣйствія Пруссіи, а она относилась къ дѣлу болѣе хладнокровно, нежели онъ. Происходившее на Сенѣ мало затрогивало Пруссію, и потому король рѣшился не отказывать въ признаніи Луи Филиппа, но затѣмъ предоставить его и Францію ихъ судьбѣ. Такъ какъ и Англія не замедлила признать новаго короля французовъ, то и императоръ Николай Павловичъ послѣдовалъ ихъ примѣру.

Первое французское министерство продержалось недолго, хотя въ немъ было нѣсколько блестящихъ именъ. Луи Филиппъ поручилъ иностранныя дѣла графу *Моле*, а народное просвѣщеніе—герцогу *Брольи*; оба они держались умѣренно-консервативнаго настроенія; министромъ внутреннихъ дѣлъ—*Франсуа Гизо*, замѣчательный историкъ своей родины; морскимъ министерствомъ управлялъ генераль *Себастьяни*; какъ онъ, такъ и военный министръ *Жераръ*, принадлежали къ наполеоновской эпохѣ; точно такъ-же служилъ съ успѣхомъ, еще при имперіи, министръ финансовъ, баронъ *Луи*; министръ юстиціи, *Дюпонъ*, былъ убѣжденнымъ республиканцемъ. Безъ особаго портфеля къ министерству были приданы еще *Казиміръ Перье* и популярный банкиръ *Лафиттъ*, какъ сотрудники по высшимъ финансовымъ мѣрамъ. Кромѣ нихъ, въ дѣлахъ участвовали ученый *Биньонъ* и адвокатъ *Дюпенъ*. *Талейранъ* тоже выплылъ опять на поверхность, занимая постъ представителя Франціи въ Англіи. *Лафайеттъ* былъ назначенъ главнымъ начальникомъ національной гвардіи.

Лично не лишенный отваги, Луи

Филиппъ избѣгалъ всякаго рѣзкаго шага. Это былъ разсудительный и трудолюбивый человекъ, но никакъ не самоотверженный, руководимый твердыми принципами властитель. Онъ неутомимо принималъ депутаціи, председательствовалъ въ министерскомъ совѣтѣ, не пренебрегалъ заботою и о мелкихъ колесикахъ государственнаго механизма; весьма цѣня все, что могло способствовать его популярности, онъ часто за просто ходилъ по улицамъ. При дворѣ не было строгаго этикета.

Это заискиваніе популярности было полезно королю лишь въ тѣхъ сферахъ, которыя имъ имѣлись въ виду. Но тѣ элементы, которые лишились плодовъ своихъ усилій черезъ установленіе іюльской монархіи, стали во враждебное къ нему отношеніе. Печать, получившая свободу, пользовалась своимъ положеніемъ; возникло множество республиканскихъ или демократическихъ газетъ; за нѣсколько су продавались всевозможныя политическія брошюры, массаи распространявшіяся среди народа. Такимъ-же успѣхомъ могли похвалиться политическія карикатуры. Въ улицѣ Монмартръ основался клубъ «Друзей народа», въ подраженіе которому расплодилось множество другихъ подобнаго-же характера.

Къ этой агитаціи присоединилась еще *нужда* среди рабочаго класса. Въ промыслахъ и торговлѣ наступилъ застой; многія фирмы прекратили платежи, фабрики сокращали производства или понижали плату. Правительство старалось помогать бѣдственному положенію. Милліоны тратились на то, чтобы дать заработокъ бѣдствующимъ массамъ: весь Парижъ былъ замощенъ снова, въ Елисейскихъ поляхъ было приступлено къ проложенію отводныхъ канавъ, на Марсовомъ полѣ возводились новыя террасы. Это окончательно разстроивало и безъ того плохіе финансы, тѣмъ болѣе, что было

найдено цѣлесообразнымъ понизить акцизъ на спиртные напитки. Правительство было вынуждено къ продажѣ государственныхъ имуществъ.

Новое правительство не было расположено къ дарованію политическихъ правъ народу. При Бурбонахъ *избирательное право* требовало податного ценза въ 300 фр. Теперь этотъ цензъ былъ пониженъ до 240 фр. Это увеличивало число избирателей, но, тѣмъ не менѣе, богатые люди оставались исключительными обладателями важнѣйшаго политическаго права въ государствѣ.

Однако, никто не казался такимъ опаснымъ для іюльской монархіи, какъ престарѣлый *Лафайеттъ*, главнокомандующій національной гвардіей и открыто исповѣдывавшій свои республиканскія убѣжденія. Онъ доставилъ своему единомышленнику, *Одиону Барро*, мѣсто сенскаго префекта и становился совершенно неудобенъ для правительства.

Въ венсенской тюрьмѣ сидѣли министры Карла X; между ними былъ князь *Полиньякъ*. Населеніе столицы требовало его казни, но король и палата депутатовъ были противъ смертнаго приговора, опасаясь его, какъ пролога къ возвращенію террора. Въ палату былъ даже внесенъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія. Барро, усматривая въ томъ поводъ къ новымъ волненіямъ, выпустилъ прокламацію, въ которой, порицая безпорядки, производимые толпою, объявлялъ тоже законопроектъ «несвоевременнымъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ, *Гизо*, естественно, усмотрѣлъ въ такомъ дѣйствіи подчиненнаго ему префекта превышеніе власти и потребовалъ немедленной отставки Барро. Всѣ министры были одного мнѣнія съ Гизо, одинъ только *Дюпонъ* заявилъ, что и онъ оставитъ свой постъ вмѣстѣ съ Барро, а вслѣдъ затѣмъ и Ла-

файеттъ потребовалъ и своей отставки. Луи Филиппъ, опасаясь волнений, убѣдилъ всѣхъ трехъ не покидать своего поста.

Но слѣдствіемъ этого было то, что министры консервативнаго направленія, *Брольи* и *Гизо*, подали въ отставку, а за ними вышли тоже *Перье*, *Моле*, *Дюпенъ* и *Биньонъ*, такъ что пришлось обновлять почти весь составъ министерства. Было понятно, что новые министры могли быть избраны лишь изъ прогрессистскаго лагеря. Составленіе кабинета было поручено *Лафитту* и 2-го ноября 1830 г. мѣсто Гизо получилъ графъ *Монталивэ*, который, подобно Моле, принадлежалъ къ возвысившемуся судебному дворянству; самъ *Лафиттъ* принялъ номинально управление финансами, которыми фактически завѣдывалъ младшій государственный секретарь *Адольфъ Тьеръ*. Военнымъ министромъ сталъ маршалъ *Сультъ*.

Палата стала ареною борьбы партій. Главою прогрессистовъ былъ *Одилонъ Барро*, главою консерваторовъ—*Гизо*. Консерваторы успѣли одержать верхъ, провели *Перье* и *Дюпена* въ президенты палаты и добились того, что пренія по поводу процесса арестованныхъ бурбонскихъ министровъ закончились преданіемъ ихъ суду палаты пэровъ, которая приговорила виновныхъ къ пожизненному заключенію въ крѣпости *Гамъ*. Это смягченіе кары привело народъ въ раздраженіе. Въ разныхъ мѣстахъ произошли беспорядки, которые длились три дня и стихли къ 22-го декабря. Лафайеттъ весьма старался о водвореніи спокойствія, но такъ какъ онъ высказывался тоже противъ казни подсудимыхъ, то массы были недовольны имъ. Король счелъ этотъ моментъ благоприятнымъ для удаленія *Лафайетта*. По внушенію Луи Филиппа, въ палату было внесено и одобрено предложеніе упразднить постъ главнокоманду-

ющаго національною гвардіею. Лафайеттъ тотчасъ-же подалъ просьбу объ увольненіи. Король сталъ просить его сохранить за собою начальство надъ парижскою національною гвардіею, но генераль настоялъ на своемъ рѣшеніи. Но и національная гвардія уже порѣдѣла, вслѣдствіе распоряженія, по которому каждый національный гвардеецъ долженъ былъ обмундироваться и приобрести оружіе на свой счетъ; это заставило лицъ бѣднѣйшаго класса удалиться изъ рядовъ этого войска. *Одилонъ Барро* не замедлилъ отказать отъ префектуры, *Дюпенъ* вышелъ изъ состава министерства. *Лафиттъ* потерялъ при этомъ свою цѣну въ глазахъ короля. До этого времени онъ старался ладить и съ консерваторами, и съ прогрессистами. Этой примирительной политикѣ Лафитта были обязаны своимъ происхожденіемъ законопроекты о новомъ *общинномъ* устройствѣ и о новомъ *порядкѣ при выборахъ*. Но консервативное большинство въ палатѣ внесло такія поправки въ эти проекты, что общинное управление осталось въ рукахъ правительства и хотя избирательный цензъ понизился до 240 франковъ, но подвергся разнымъ другимъ ограниченіямъ. Сверхъ того, банкротство дома Лафитта (19-го янв. 1831 г.) поколебало положеніе банкира и онъ долженъ былъ понять, что время его миновало.

23-го февраля 1831 г. легитимисты служили въ церкви *Сенъ-Жерменъ л'Оксеруа* заупокойную мессу по герцогу Беррійскомъ; вдругъ туда ворвалась толпа черни и разрушила внутренность храма. Правительство знало о готовившемся безчинствѣ, но не приняло мѣръ для его предупрежденія, а въ «*Монитерѣ*» появилась еще замѣтка о «справедливомъ раздраженіи народа». И въ такое время Луи Филиппъ, не сообщивъ даже о своемъ намѣреніи министрамъ, одобрилъ вмѣшательство Австріи

въ итальянскія дѣла; это заставило министерство подать въ отставку (12-го марта 1831 г.).

Президентъ палаты депутатовъ, банкиръ *Казиміръ Перье*, заступилъ мѣсто Лафитта. Онъ былъ гораздо значительнѣе своего предшественника. Человѣкъ энергичный и съ твердыми убѣжденіями, онъ былъ способенъ приводить въ повиновеніе другихъ и сохранялъ свою независимость даже въ отношеніи короля. Онъ держался, собственно, политики «правильной середины», «*juste milieu*», т. е., того пути, который лежалъ между реакціонными наклонностями короля и увлеченіями прогрессивистовъ.

Новые выборы въ палату депутатовъ на основаніи новаго закона о нихъ, но по старымъ податнымъ спискамъ 1830 г., отчасти усилили оппозицію, но не настолько, чтобы консервативное министерство не могло рассчитывать на большинство. Поэтому какъ законъ о скопищахъ, такъ и строгія мѣры правительства противъ тайныхъ революціонныхъ обществъ и газетъ были приняты палатой. Энергичная виѣшняя политика Перье, его вмѣшательство въ пользу бельгійскаго короля *Леопольда* и *дона Педро* въ Португаліи, равно какъ и занятіе *Анконы*, были встрѣчены сочувственно. Но общественное мнѣніе раздражилось тѣмъ, что Перье не воспрепятствовалъ паденію Варшавы. Чтобы загладить впечатлѣніе, король пошелъ какъ-бы навстрѣчу другимъ народнымъ желаніямъ. Однако, обсужденіе цивильнаго листа королю вызвало бурныя сценны въ палатѣ. И строгія мѣры Перье противъ республиканцевъ только способствовали волненію, которое выражалось еще и при Лафиттѣ манифестанціями сорбонскихъ студентовъ и учениковъ политехнической школы и затѣмъ безчинствами черни въ церкви Сенъ - Жерменъ л'Оксеруа. Еще большіе беспорядки произошли въ

годовщину взятія Бастиліи, но благоразумные люди изъ числа рабочихъ и мелкихъ горожанъ присоединились къ національнымъ гвардейцамъ и помогли имъ разогнать чернь и студентовъ.

Но возмущеніе въ *Лионѣ* (ноябрь 1831 г.) было гораздо серьезнѣе: 40.000 рабочихъ съ шелковыхъ фабрикъ, раздраженные пониженіемъ платы, возстали противъ хозяевъ и выгнали изъ города войска. Потребовались большія военныя силы для подавленія мятежа. За нимъ послѣдовали заговоры и возмущенія во многихъ другихъ южныхъ городахъ, а вызванныя тѣмъ аресты и карательныя приговоры крайне озлобили южныя провинціи.

Это общее возбужденіе внушило энергичной *герцогинѣ Беррійской* мысль предпринять поѣздку съ цѣлью возвратить своему сыну, *Генриху V*, его права на французскій престолъ.

Герцогиня возлагала теперь свою надежду на южныхъ роялистовъ и на вѣрную Вандею. Она завязала сношенія съ легитимистами: маршалъ *Бурмонъ* обѣщалъ отпаденіе всей арміи въ ея пользу, и герцогиня, подъ именемъ графини *Сагана*, прибыла изъ Англіи въ Роттердамъ (іюнь 1831 г.). Отсюда, направясь вверхъ по Рейну, она пробралась до Турина, потомъ въ Геную, а отсюда въ Массу, моденскій портъ. Въ сосѣднемъ купальномъ курортѣ, *Лукка*, ее встрѣтили Бурмонъ, Керголаэй и другіе вожди легитимистской партіи. Ей требовалось привлечь къ дѣлу и своего брата, неаполитанскаго короля, но она напрасно понадѣялась на это.

Въ это время въ Парижѣ уже вспыхнуло *легитимистское возстаніе* (2-го февр. 1832 г.). Оно было скоро подавлено, но правительству удалось арестовать лишь нѣсколько сотенъ изъ тысячъ поднявшихся за Генриха V. Вандея было тоже готова поднять оружіе, и на югъ были посланы агенты,

которые приостановили тамъ взиманіе податей, объявили отмену налоговъ на соль и напитки, оказывали помощь бѣднымъ отъ имени Генриха V и щедро раздавали монеты съ его изображеніемъ.

Въ бурную ночь (28-го апр. 1832г.) небольшой пароходъ «Карль Альбертъ» бросилъ якорь неподалеку отъ Марселя. Герцогиня, переодѣтая рыбакомъ, вышла на берегъ въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ, но возстаніе марсельскихъ легитимистовъ неудалось, и герцогиня не осталась болѣе ничего, кромѣ пути въ Вандею. Маленькій отрядъ выступилъ пѣшкомъ, странствуя постоянно подѣ страхомъ быть захваченнымъ. Наконецъ, сторонники герцогини доставили лошадей; но она, со своими спутниками, могла прибыть на ферму *Мелье*, близъ Нанта, все-же не ранѣе 21-го мая. Здѣсь герцогиня облеклась въ костюмъ молодого бретонскаго парня, принявъ при этомъ на себя кличку: «*Petit Pierre*». Однако, большинство крестьянскихъ старшинъ было противъ возстанія. Герцогиня согласилась съ этимъ сначала, но на другой день измѣнила рѣшеніе и назначила 3-ею іюня днемъ народнаго возмущенія.

Происходившее въ Вандеѣ не могло оставаться неизвѣстнымъ правительству; министръ *Монталива* объявилъ спокойные департаменты въ осадномъ положеніи и окружилъ ихъ военнымъ кордономъ. Легитимистскіе инсургенты напали, въ ночь съ 3-го на 4-е іюня, на эти войска разомъ во многихъ мѣстахъ, но безъ опредѣленнаго плана, и вся храбрость вѣрныхъ крестьянъ и молодыхъ дворянъ не могла спасти ихъ отъ пораженія.

Борьба была рѣшена. Герцогиня, переодѣтая крестьянкой, долго скиталась по окрестностямъ, пока не нашла себѣ пріюта въ домѣ одной преданной семьи въ Нантѣ.

Ея сторонники попали въ руки правительства, но, по недостатку уликъ, были снова выпущены на свободу. Вообще, суды присяжныхъ относились снисходительно къ легитимистамъ, но тѣмъ ожесточеннѣе преслѣдовалъ *Монталива* самую несчастную герцогиню. Наконецъ, нашелся одинъ еврей, по имени *Дейцъ*, который согласился открыть министру Тьеру убожище преслѣдуемой женщины. Она была арестована и заключена въ крѣпость *Блей*, близъ Бордо, въ ожиданіи рѣшенія ея участи палатами. Но случилось совершенная неожиданность: герцогиня разрѣшилась отъ бремени дочерью въ своей тюрьмѣ, 9-го мая 1833 г. Оказывалось, что она во время пребыванія въ Италіи вступила въ бракъ съ графомъ *Гекторомъ Лукези-Палли*. Это открытіе отняло политическій характеръ у обвиненія; герцогиня была освобождена и могла возвратиться къ своему мужу въ Палермо.

Этотъ нѣсколько комическій исходъ предпріятія разсвѣлялъ высокіе замыслы легитимистовъ. Они угрюмо уединились въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ или-же поддерживали своими средствами разрушительные планы *республиканцевъ*, надѣясь воздвигнуть бурбонскій тронъ на развалинахъ іюльской монархіи. Вожди демагоговъ съ своею проповѣдью о ниспроверженіи порядка принимались радушно въ салонахъ аристократовъ-легитимистовъ; возникли заговоры и союзы, какъ, напр., «*Общество человеческихъ правъ*», главою котораго былъ *Годфруа Кавеньякъ*. Они распространились по всему государству, руководясь, однако, центральнымъ управленіемъ: республиканская партія начинала принимать твердую организацию. Наряду съ ними орудовали коммунисты и социалисты, мечтавшіе о пересозданіи всего человѣческаго общества и государственнаго строя.

Правительству Луи Филиппа

предстояла ожесточенная борьба съ броженіемъ всей страны. Страшный бичъ, *холера*, занесенная во Францію польскими бѣглецами, усиливала народное волненіе. 16-го мая 1832 г. и Казиміръ Перье палъ жертвою страшной эпидеміи, скошившей въ одномъ Парижѣ 18.000 человѣческихъ жизней.

Король не скрывалъ, насколько смерть Перье облегчала его положеніе: ему было трудно выносить такого «вице - короля», какимъ тотъ оказывался, благодаря своей самостоятельности. Прошли цѣлые мѣсяцы, прежде чѣмъ былъ выбранъ новый кабинетъ. Наконецъ, Луи Филиппъ вновь поручилъ министерство иностранныхъ дѣлъ герцогу *де Брольи*, а министерство народнаго просвѣщенія *Франсуа Гизо*, между тѣмъ какъ внутреннія дѣла были отданы *Тьеру*. Во главѣ кабинета былъ маршалъ *Сультъ*.

Этотъ консервативный кабинетъ, утвержденный 11-го октября 1832 г., не пользовался поддержкою общественнаго мнѣнія. Равнымъ образомъ, не благоволили къ нему и самъ король, такъ что министерство могло рассчитывать лишь на палаты. Оно и не щадило никакихъ средствъ для привлеченія на свою сторону большинства, подкупая чиновниковъ всякими наградами внѣ очереди, банкировъ и фабрикантовъ общественными работами, ссудами, желѣзнодорожными концессіями, а другихъ членовъ парламента — устройствомъ ихъ сыновей или родственниковъ. Независимая пресса дѣйствовала энергично, наполняя столбцы нападками на правительство. Но и тутъ не соблюдалось никакой мѣры, редакторскія дуэли были въ модѣ и жертвою одной изъ нихъ былъ *Арманъ Каррель*, редакторъ «*Націоналя*», перешедшаго въ республиканскій лагерь.

Правительство сочло существовавшіе законы недостаточными для обузданія столь неутомимой и ожесточенной оппозиціи: суды

присяжныхъ почти всегда оправдывали обвиняемыхъ въ проступкахъ политическихъ или злоупотребленіи свободою слова. На основаніи этого, для обузданія прессы былъ изданъ 17-го февр. 1834 г. законъ, по которому ручная продажа газетъ и брошюръ была поставлена подъ надзоръ полиціи, а 25-го марта вышелъ новый законъ о сѣрищахъ, воспрепятствовавшій основанію какихъ-бы то ни было обществъ иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. 9-го апрѣля вспыхнуло возстаніе въ Ліонѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ (*Тренобль*, *Бельфоръ*), немного позднее и въ Парижѣ. Въ Ліонѣ бой длился нѣсколько дней, пока не одержали побѣды раздраженные солдаты. При ложномъ извѣстіи о побѣдѣ инсургентовъ въ Ліонѣ, вечеромъ 13-го апрѣля, Парижъ, какъ по волшебству, покрылся сотнями баррикадъ. На слѣдующее утро маршалъ *Лобо* и генералъ *Бюжо* выступили съ 40.000 солдатъ и такимъ-же числомъ національныхъ гвардейцевъ противъ возставшихъ; вскорѣ послѣ полудня все было окончено. Но солдаты, взбѣшенные выстрѣлами изъ засадъ, били всѣхъ, кто попадалъ имъ подъ руку. Въ улицѣ *Трансноннѣ*, гдѣ командовалъ Бюжо, груды лежали трупы убитыхъ.

Министерство, изъ котораго вышли герцогъ Брольи и нѣсколько членовъ, полагало, что одержанная имъ на улицахъ Парижа побѣда увеличитъ преданное ему большинство въ палатѣ. Новые выборы были назначены на 25-е мая 1834 г.; однако, они не оправдали ожиданій. Большинство осталось консервативнымъ, но образовалась новая партія, не преслѣдовавшая какою-либо особой цѣли, но готовая, смотря по обстоятельствамъ, склониться въ ту или другую сторону, обуславливая тѣмъ побѣду. Главою этой партіи былъ *Дюпенъ*. Король полагалъ, что съ такими людьми ему будетъ удобнѣе править, нежели съ чле-

нами правой, но попытка его вышла неудачной, и онъ былъ вынужденъ вручить главнѣйшіе портфели *Брольи, Гизо и Тьеру* *) (12-го марта 1835 г.)

Въ совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ часто поднимался вопросъ объ убійствѣ короля и даже расклеивались воззванія къ лишенію жизни его. 28-го іюля 1835 г. *Джузеппе Фіески*, бродяга-корсиканецъ, служившій когда-то подъ начальствомъ Мюрата, произвелъ взрывъ адской машины при слѣдованіи короля по Тампльскому бульвару. 18 человекъ изъ сопровождавшихъ Луи Филиппа были убиты; въ числѣ ихъ былъ и маршалъ *Мортъе*. Еще болѣе оказалось тяжело раненыхъ, но самъ король не былъ затронутъ и проѣхалъ далѣе. Слѣдствіемъ этого покушенія были строгіе *сентябрьскіе законы* 1835 г., уничтожившіе свободу печати и угрожавшіе личной безопасности гражданъ черезъ введеніе *тайнаго рѣшенія* въ судѣ присяжныхъ. Оппозиція горячо возстала въ палатѣ противъ этихъ мѣръ, но Тьеръ подошелъ на помощь Брольи и Гизо и

*) Адольфъ Тьеръ (род. 16-го апр. 1797 г.), сынъ торговца сукномъ въ Марселѣ, прибылъ 24-лѣтнимъ человекомъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Минье, въ Парижъ, чтобы попытаться здѣсь счастья, и обратился къ литературнымъ занятіямъ: въ 1823—1827 гг. появилась въ 10 томахъ его „Исторія французской революціи“. Онъ скоро сталъ замѣтенъ тоже, какъ журналистъ и какъ художественный критикъ. Рѣшающимъ для него моментомъ было то, что онъ, подъ эгидою Галейрана, принялъ на себя редакторство вновь основанной орлеанистской газеты „National“ и сталъ вождемъ оппозиціи противъ декретовъ (*ordonnances*). Бывъ выбранъ представителемъ города Э въ палатѣ, онъ занялъ выдающееся положеніе при іюльской монархіи. Въ кабинетѣ 11-го октября 1832 г. онъ состоялъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а съ декабря управлялъ министерствомъ торговли. Рѣчи его отличались дѣловымъ характеромъ и были всегда существенны и поучительны.

добился принятія законопроектовъ. Революція казалась усмирённой, и, когда Гизо и Брольи вышли изъ кабинета, вслѣдствіе несогласія своего съ королемъ въ испанскомъ вопросѣ, Тьеръ сталъ во главѣ кабинета (22-го февраля 1836 г.) въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ, а внутреннія дѣла поступили снова къ *Монталивэ*. Между тѣмъ, Гизо, въ свою бытность министромъ народнаго просвѣщенія провёлъ законъ, который могъ быть истинно благотельнымъ для страны. Этимъ закономъ отъ 28-го іюня 1833 г. каждая община обязывалась учреждать школу; въ случаѣ недостаточности мѣстныхъ средствъ, департаментъ долженъ былъ придти здѣсь на помощь. Въ каждомъ департаментскомъ городѣ, или въ городѣ съ болѣе чѣмъ 6.000 жителей, должна была существовать школа высшаго типа. Конечно, и Гизо не рѣшался еще требовать принудительнаго обученія.

Тьеръ не сошелся, однако, съ королемъ въ испанскомъ вопросѣ и вышелъ въ отставку 25-го августа 1836 г. Премьеръ-министромъ сталъ графъ *Моле*, министромъ просвѣщенія—снова *Гизо*, но Луи Филиппъ скоро избавился и отъ него (апр. 1837 г.), образовавъ министерство *Моле-Монталивэ*.

Казалось, что наступилъ болѣе счастливый періодъ для іюльской монархіи. Повидимому, между престоломъ и націею установилось согласіе; печать почти прекратила свои необузданныя нападки на короля и правительство. Дворецъ Людовика XIV въ Версалѣ былъ открытъ для публики, какъ національный музей, и предъявлялъ французамъ *«Исторію Франціи, начертанную искусствами»*. Король объявилъ амністію политическимъ преступникамъ.

Франція пользовалась уваженіемъ и извнѣ. При поддержкѣ Пруссіи, старшій сынъ Луи Филиппа, *герцогъ Орлеанскій*, вступилъ въ бракъ съ мекленбургъ-

шверинскую принцессю *Еленой* и этотъ союзъ весьма популярнаго принца былъ отпразднованъ 30-го мая 1837 г. въ Парижѣ при сочувственномъ участіи населенія въ торжествѣ. И когда, 24-го апрѣля 1838 г., молодая герцогиня подарила внука Луи Филиппу, онъ могъ считать свою династію упроченной на долгое время.

Недостатокъ военной славы во время его царствованія внушилъ Луи Филиппу мысль отдать дань жившему въ сердцахъ французовъ *наполеоновскому культу*, причеиъ такой шагъ казался ему безопаснымъ, именно послѣ смерти *римскаго короля*, умершаго въ Вѣнѣ 22-го іюля 1832 г. На Вандомской колоннѣ была восстановлена статуя великаго императора, Триумфальная арка покрылась именами и изображеніями его сподвижниковъ, названія улицъ и площадей напоминали о славной эпохѣ. Все это косвенно содѣйствовало тайнымъ желаніямъ и планамъ *Людовика Наполеона*, племянника героя-императора: онъ пытался уже посвятить свои силы польскому возстанію, но, едва услѣвъ прибыть въ Саксонію, узналъ о взятіи Варшавы и остался тогда при своей матери въ Арененбергѣ. Черезъ ея и своихъ друзей онъ получалъ извѣстія изъ Парижа, пришелъ къ тому убѣжденію, что іюльская монархія готова рухнуть, и завязалъ сношенія съ *Страсбургомъ*. Съ помощью своего довѣреннаго лица, *Персиньи*, онъ привлекъ на свою сторону полковника 4-го артиллерійскаго полка *Водри*, который склонилъ къ тому еще нѣсколько офицеровъ, и, когда Людовикъ Наполеонъ, въ мундирѣ своего дяди, появился въ страсбургской артиллерійской казармѣ (30 окт. 1836 г.), онъ былъ принятъ съ одушевленными кликами. Но оставшіеся вѣрными своему долгу офицеры образумили солдатъ: потомокъ Наполеона былъ арестованъ и препровожденъ потомъ Луи Филиппомъ въ Америку.

Іюльское правительство не покидало намѣренія завоевать *Алжиръ* и выработало грандіозный планъ покоренія и колонизаціи алжирской области. Эта война подавала тоже удобный случай для удаленія многихъ недовольныхъ изъ Франціи, соединивъ и всѣхъ политическихъ бѣглецовъ въ африканскій «Иностранный легіонъ». Но завоеваніе оказалось болѣе затруднительнымъ, нежели того ожидали, потому что *Абдъ-эль-Кадеръ* *), избранный въ султаны, т. е., повелители всѣхъ правовѣрныхъ, поднялъ мавровъ во имя «священной войны» и 28-го іюня 1835 г. обратилъ въ бѣгство французскія войска въ битвѣ при *Мактѣ*.

Маршалъ *Клозель* былъ отправленъ въ Африку съ значительными силами. Ему сопутствовалъ и наслѣдникъ престола. Французы выступили въ походъ изъ Боны, разбили мавровъ при *Габрѣ* и заняли *Маскару*, такъ что *Абдъ-эль-Кадеръ* былъ вынужденъ бѣжать въ горы съ своими приверженцами. Но французы были скоро вновь оттѣснены къ *Тафинѣ* и освободились лишь съ прибытіемъ къ нимъ подкрѣпленій изъ Тулона, подъ начальствомъ генерала *Бюжсо*. Онъ

*) *Абдъ-эль-Кадеръ*, родившійся въ 1807 г., называлъ себя потомкомъ Магомета. Его отецъ былъ весьма уважаемый марабу (святой). Онъ жилъ въ Маскарѣ, у подошвы Атласа, и посѣтилъ съ своимъ юнымъ сыномъ священныя аравійскія мѣста. При этихъ странствіяхъ *Абдъ-эль-Кадеръ* познакомился съ могущественнымъ положеніемъ *Мехмеда-Али* въ Египтѣ и почувствовалъ въ себѣ призваніе создать подобную-же державу у себя на родинѣ. Воротясь, онъ сумѣлъ доставить своимъ землякамъ столько доказательствъ своей набожности, отваги и боевыхъ способностей, что они довѣрились ему беззавѣтно и провозгласили своимъ султаномъ его, едва еще двадцатичетырехлѣтняго юношу. И онъ оправдалъ это довѣріе: солдаты и колонисты завоевателей не были никогда обезпечены отъ нападений его *бедуиновъ*.

разбилъ на-голову Абдъ-эль-Кадера 6-го іюля 1836 г. въ битвѣ при слияніи р. *Сикакъ* съ *Иссерой*. Зато Клозеля не удалось овладѣть *Константиной*, изъ которой повелѣвалъ почти надъ всѣмъ восточнымъ Алжиромъ турецкій бей *Ахмедъ*. Эта крѣпость была превосходно защищена своимъ положеніемъ. У Клозеля были лишь легкія полевыя орудія; сверхъ того, дороги были непроѣзжны, и ноябрьскій холодъ давалъ себя чувствовать. Послѣ двухъ неудачныхъ приступовъ маршалъ былъ вынужденъ начать отступленіе.

Подъ впечатлѣніемъ этой неудачи, французское правительство заключило 30-го мая 1837 г. съ Абдъ-эль-Кадеромъ *Тафинскій* договоръ, по которому Франція признавала его властителемъ всего южнаго Алжира и передавала ему даже союзныя съ нею племена. Но затѣмъ она снова обратилась противъ *Константины*, чтобы возстановить свой военный престижъ. Новая экспедиція отправилась подъ командою генерала *Дамремона*, которому былъ приданъ второй сынъ Луи Филиппа, *герцогъ Немурскій*. Атака была поведена противъ сухопутной стороны крѣпости и 13-го октября 1837 г. начался штурмъ. Ген. Дамремонъ былъ убитъ; осажденные оборонялись отчаянно. Ахмедъ-бей, видя усѣхъ штурма и самую цитадель крѣпости въ рукахъ французовъ, умчался въ горы. Восточный Алжиръ былъ покоренъ и кровопролитная война окончена.

Хотя министерство Моле-Монталивэ было по душѣ Луи Филиппу своею угодливостью, оно все-же оказалось недолговѣчнымъ. При благоприятномъ впечатлѣніи, произведенномъ взятіемъ Константины, вышеупомянутой уже амнистіей и бракомъ наслѣдника престола Моле считалъ возможнымъ распустить палату (4-го окт. 1837 г.) Но и новая палата не доставила ему большинства. Онъ выказалъ энергичное сопротивленіе оппози-

ціи, однако, не могъ выдержать ея натискъ. 2-го февраля 1839 г. палата была распущена снова. Правительство употребляло всѣ средства для завоеванія большинства при новыхъ выборахъ, но все было тщетно, побѣда была несомнѣнно за оппозиціей, и тогда Моле вышелъ въ отставку (8-го марта 1839 г.).

Союзъ оппозиціонныхъ партій распался, лишь только отставка министерства открыла поле для погони за портфелями. Король былъ совершенно доволенъ этой борьбою. Но открытіе заговора противъ его жизни и занятіе ратуши—хотя и мимолетное—революціонеромъ *Барбесомъ* съ его вооруженной толпою (12-го мая 1839 г.) заставили его взглянуть на дѣло серьезнѣе. Желая править единолично или имѣть подъ рукою только податливыхъ людей, Луи Филиппъ попытался образовать министерство изъ второстепенныхъ личностей, но послѣдствія этого были таковы, что онъ былъ вынужденъ снова обратиться къ услугамъ Тьера, который 1-го марта 1840 г. снова сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и главой кабинета. *Ремиза* занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Главною заботою новаго кабинета былъ вопросъ о внѣшнихъ отношеніяхъ Франціи. *Абдъ-эль-Кадеръ* снова поднялъ знамя возстанія въ Алжирѣ: его бедуины вторгались съ огнемъ и мечомъ во французскія поселенія. При могущественномъ положеніи *Мехмеда-Али* можно было опасаться, что онъ окажетъ помощь своему единовѣрцу, возставшему противъ христіанской Франціи. Поэтому французскому правительству слѣдовало употребить всѣ усилія къ тому, чтобы привлечь къ себѣ могучаго египетскаго владыку, вслѣдствіе чего оно и стало на его сторону въ возникшей между имъ и турецкимъ султаномъ борьбѣ.

Со времени іюльской революціи Талейранъ, состоя посломъ при

Сентъ-Джэмскомъ дворѣ, поддерживалъ дружескія сношенія съ Англіей. Это имѣло большое значеніе для Европы, потому что политическое согласіе двухъ западныхъ державъ представляло дѣятельный противовѣсъ дѣйствіямъ державъ восточныхъ, какъ это и обнаружилось въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ бельгійскій, и другихъ. Однако, Англія съ недоувѣріемъ смотрѣла на укрѣпленіе Франціи въ Алжирѣ и на ея преобладающее вліяніе на Средиземномъ морѣ и, сверхъ того, не желала допустить усиленіе власти Мехмеда Али на Красномъ морѣ и устьяхъ Евфрата. Поэтому сближеніе Франціи съ египетскимъ владыкою должно было неминуемо служить къ охлажденію ея отношеній къ Англіи.

Вступленіе Англіи 15-го іюля 1840 г. въ «четырёхдержавный» союзъ, который изолировалъ Францію, было для этой послѣдней полнымъ политическимъ пораженіемъ, и вся французская нація, узнавъ о томъ, что восточный вопросъ рѣшенъ безъ всякаго согласія съ ея правительствомъ, выразила явно свое негодованіе. Народъ видѣлъ въ этомъ оскорбленіе національной чести. И на улицахъ Парижа разыгрывались бурныя сцены среди требованія войны въ отмщеніе за обиду. Луи Филиппъ хотѣлъ, чтобы іюльская монархія была продолженіемъ наполеоновской имперіи, и потому оказывалъ предпочтеніе наполеоновскимъ генераламъ; съ тою-же цѣлью Тьеръ домогался у Англіи выдачи останковъ Наполеона, и такъ какъ англійское правительство не усматривало препятствія къ тому, то къ острову св. Елены былъ посланъ фрегатъ подъ командою принца *Жуанвильскаго*, третьяго сына короля, для доставленія праха императора въ Домъ Инвалидовъ.

Палаты не были еще въ сборѣ въ это время и Тьеръ самолично уже сдѣлалъ распоряженіе о воен-

ныхъ мѣрахъ и обезпеченіи Парижа укрѣпленіями, ассигновавъ на это 100 мил. франковъ. Однако, король, обѣщавшій, въ порывѣ гнѣва, напустить революцію на всю Европу, видѣлъ теперь, что громче другихъ требовали войны лишь противники правительства. Притомъ онъ никакъ не заблуждался насчетъ громадности риска войны съ Европою и поэтому рѣшили воздержаться; флотъ, уже выступившій въ море, получилъ приказъ возвратиться; вооруженія были приостановлены. Тьеръ настаивалъ на томъ, чтобы въ тронной рѣчи было заявлено о предстоящемъ завершеніи вооруженій; но Луи Филиппъ хотѣлъ мира. Тьеръ, со всеѣмъ составомъ кабинета, подалъ въ отставку и получилъ ее. Буря пронеслась мимо.

Въ управленіе дѣлами вступилъ мирный кабинетъ. Главою его былъ престарѣлый маршалъ *Сультъ*. Но онъ былъ уже неспособенъ обзрѣвать все, такъ что душою кабинета сталъ *Гизо* *) или, говоря правильнѣе, самъ король.

Франсуа Гизо родился 4-го октября 1787 г. въ Нимѣ, гдѣ его отецъ былъ адвокатомъ. Онъ палъ жертвою террора въ 1794 г., и тогда вдова его бросилась съ сыномъ въ Женеву. Мальчикъ воспитался въ этомъ городѣ. Въ 1805 г. Гизо прибылъ въ Парижъ для окончанія своего юридическаго образованія. Но его влекло болѣе къ философскимъ и историческимъ наукамъ, нежели къ юриспруденціи, и въ 1812 г. онъ получилъ кафедру новѣйшей исторіи въ Сорбоннѣ. Будучи конституціональнымъ роялистомъ, онъ, при возвращеніи Бурбоновъ, получилъ мѣсто генеральнаго секретаря въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и при наступленіи „Ста дней“ сопровождалъ короля въ Гентъ. Какъ ораторъ, онъ умѣлъ поддерживать пренія на слѣдуемой высотѣ, устраняя изъ нихъ все личное. Онъ возставалъ лишь противъ принциповъ, а никакъ не противъ лицъ, и его выводили изъ терпѣнія лишь недомысліе и невѣжество. Но палата и нація переносили съ трудомъ его превосходство, потому что оно выражалось уже слишкомъ явно въ его словахъ. Его личная

Воинственное возбужденіе 1840 г. дало принцу *Людovicу Наполеону* *) поводъ къ новой смѣлой попыткѣ вызвать бонапартійское возстаніе, на этотъ разъ въ Булони. Луи Филиппъ заключилъ неспокойнаго искателя приключеній въ Гамскую крѣпость.

Абдъ-эль-Кадеръ, «аравійскій султанъ», прекрасно устроилъ свое государство послѣ Тафнскаго договора, устранивъ всѣхъ турецкихъ служащихъ, и придалъ ему

честность и нравственность были въ всякихъ сомнѣній; однако, онъ допускалъ нечестныя средства для привлеченія на свою сторону газетныхъ статей и депутатскихъ голосовъ. Въ общемъ, его болѣе занимала внѣшность власти, нежели ея примѣненіе, и весьма скоро обнаружилось, что онъ былъ именно изъ такихъ министровъ, какіе нравились Луи Филиппу, желавшему править лично.

*) Принцъ *Людovicъ Наполеонъ* воротился изъ Сѣв. Америки въ Швейцарію. Раздраженный этимъ, Луи Филиппъ требовалъ его изгнанія, подкрѣпляя это требованіе сосредоточеніемъ 20.000 солдатъ на швейцарской границѣ. Не желая подвергать неприятностямъ своихъ гостепримныхъ друзей, принцъ предпочелъ удалиться добровольно и отправился въ Лондонъ; когда же французскій народъ сталъ ожидать возвращаемыхъ ему останковъ великаго императора, племяннику его показалось время подходящимъ для того, чтобы снова напомнить о себѣ. Въ сопровожденіи всего 60 человекъ, одѣтыхъ въ мундиры бывшей императорской гвардіи, онъ высадился на берегъ близъ Булони (6-го авг. 1840 г.). Въ своей прокламаціи къ народу онъ объявилъ домъ Бурбоновъ-Орлеановъ лишеннымъ правъ на престолъ, учредилъ—на бумагѣ, конечно—временное правительство, съ *Тьеромъ* во главѣ и съ назначеніемъ генерала *Клозеля* главнокомандующимъ арміей. Но и здѣсь воззваніе не произвело дѣйствія на вѣрный долгу присяги линейный полкъ, и наследникъ великаго имени былъ арестованъ. Судъ перовъ приговорилъ его къ пожизненному заключенію и онъ былъ отвезенъ въ крѣпость Гамъ. Съ помощью своего врача онъ успѣлъ бѣжать изъ нея 25-го мая 1846 года, переодѣвшись въ платье одного рабочаго, по имени *Бадингъ*.

національно-религіозный характеръ. Отъ Илемзена почти до самой Константины воздвигся рядъ укрѣпленій, которыя обезпечивали ему всегда надежную линію отступленія. У него явилась постоянная армія, вся сполна вооруженная французскими винтовками, и онъ завелъ даже мастерскую для отливки пушекъ и оружейный заводъ.

Сдѣлавъ такія приготовленія, *Абдъ-эль-Кадеръ* объявилъ новую «священную войну» противъ враговъ ислама. Его полчища разносили погромъ и пожары до крѣпости Алжиръ. Въ началѣ 1841 г. генераль-губернаторомъ Алжира былъ назначенъ генераль *Бюзисо*. Новый главнокомандующій осуществилъ грандіозный планъ, съ помощью котораго и покорилъ область: онъ провелъ первую линію военныхъ пунктовъ вдоль берега для того, чтобы обезпечить себѣ сношенія съ Франціей; вторую—по южному скату горъ и простирающемуся передъ нимъ плато; летучіе отряды могли искрещивать отсюда всю горную мѣстность; третья линія, наконецъ, состояла изъ выдвинутыхъ въ пустыню постовъ. Эта система оказалась удачной: племена стали отпадать отъ *Абдъ-эль-Кадера*. Но главный ударъ былъ нанесенъ эмиру 16-го мая 1843 г.: сынъ Луи Филиппа, герцогъ *Омальскій*, захватилъ *Смалу*, подвижную столицу *Абдъ-эль-Кадера*.

Эмиръ былъ вынужденъ бѣжать съ небольшимъ остаткомъ своихъ подданныхъ въ Марокко. Его марабу разсѣялись по всѣмъ селеніямъ этой области, призывая правовѣрныхъ къ борьбѣ за исламъ. Возбужденіе расло, особенно съ тѣхъ поръ какъ французы, преслѣдовавшіе эмира, разбили лагерь въ священномъ пунктѣ пилигримства, *Лалла-Маграници*, и тѣмъ ее осквернили. Большое марокканское войско, подъ начальствомъ *Сиди-Магомета*, сына марокканскаго султана *Абдъ-эръ-Рахмана*,

заняло позицію на возвышенной равнинѣ на правомъ берегу *Исла*, притока Тафны. Бюжо кинулся съ 8.500 войска на превосходившаго его внятеро непріятели и разбилъ его на-голову 14-го августа 1844 г., а на слѣдующій день французскій флотъ, подъ командою принца *Жуанвильскаго*, принудилъ своею бомбардировкою къ сдачѣ приморскій городъ *Могадоръ*. Это заставило султана Абдъ-эръ-Рахмана поспѣшить заключить миръ съ Франціею въ *Танжеръ*.

Побѣда при Ислѣ лишила Абдъ-эль-Кадера надежды на помощь Марокко. Онъ самъ не принималъ участія въ этой битвѣ и оставался на мароккской границѣ, но его маррабу подготовили возстаніе во всей западной части Алжира. Оно вспыхнуло весною 1845 г.: всѣ французскіе посты подверглись нападенію; отдѣльные отряды были перерѣзаны и одновременно на востокъ, въ *Великой Кабилии*, начались волненія, вызванныя молодымъ пророкомъ *Бумаца*. Бюжо умиралъ возставшихъ; наконецъ, продолжало упорно сопротивляться уже только одно племя *Уледъ-Ріасъ*, но скоро и главное ядро его было загнано *Пелиссье* въ неприступную пещеру. Пелиссье приказалъ забить хворостомъ входъ въ пещеру и поджечь его. Но, несмотря на его обѣщаніе допустить арабовъ возвратиться на родину, если они сдадутъ оружіе, они отвѣчали отказомъ. И, когда 20-го іюня 1845 г. французы пробрались въ пещеру, они нашли мертвыми 500 арабовъ, задохнувшихся отъ дыма. Сульть произвелъ Пелиссье въ генералы.

Осенью Абдъ-эль-Кадеръ появился снова въ Алжирѣ, и тотчасъ-же всѣ горцы взяли за оружіе. Бюжо сжигалъ жилища въ возставшихъ мѣстностяхъ, разстрѣливалъ сотни арабовъ. Онъ хотѣлъ потушить возстаніе страхомъ, между тѣмъ какъ генераль *Ламорисьеръ* гналъ эмира изъ одного „Всемирная Исторія“. Т. IV.

племени въ другое, изъ горы въ гору. Абдъ-эль-Кадеръ лишился почти всѣхъ спутниковъ. Возстаніе неудалось, и онъ былъ вынужденъ бѣжать снова въ Марокко. Бюжо, сознавая, что дѣло покоренія Алжира закончено, покинулъ африканскую территорию. Генераль - губернаторомъ Алжира сталъ герцогъ *Омальскій*.

Султанъ *мароккскій* былъ, однако, не особенно радъ своему гостю. Франція грозила султану своимъ вторженіемъ, если-бы онъ продолжалъ оказывать покровительство бѣглецу, ради котораго уже начинали снова подниматься племена *Бени-Амеръ* и *Гашемъ*. Въ виду этого Абдъ-эръ-Рахманъ собралъ значительное войско и выслалъ его противъ сказанныхъ дружественныхъ эмиру племенъ, которыя и были перебиты. Въ такомъ положеніи эмиръ не видѣлъ для себя другого исхода, кромѣ сдачи французамъ. Онъ отправилъ Ламорисьеру посланцевъ съ вѣстью о томъ, что онъ готовъ сдаться французамъ, если они возьмутъ его и его слодвижниковъ подъ свое покровительство и позволятъ ему удалиться въ Египетъ или въ Сирію. Герцогъ Омальскій принялъ такія условія, предоставляя, однако, окончательное рѣшеніе дѣла на усмотрѣніе короля. Но Луи Филиппъ счелъ опаснымъ подтвердить согласіе своего сына. Абдъ-эль-Кадеръ не получилъ свободы и былъ водворенъ на жительство въ крѣпости *Ламальгъ*. Только Наполеонъ III снова освободилъ храбраго эмира.

Алжиръ былъ покоренъ уже дѣйствительно, но, чтобы удержать за собою это завоеваніе, Франціи требовалось содержать въ немъ стотысячную армію и нести ежегодный расходъ въ 100 мил. франковъ, безъ малѣйшей надежды на возмѣщеніе съ него такихъ убытковъ.

Меттернихъ мѣтко называлъ «сердечное согласіе» между Франціей

и Англіей (*l'entente cordiale*) однимъ изъ наиболѣе живыхъ выраженій дипломатическаго языка. При всякомъ случаѣ Англія выдавала свою зависть къ морскому развитію Франціи, и это заставило Луи Филиппа искать снова сближенія съ восточными великими державами. Онъ вступилъ въ тайную переписку съ Меттернихомъ, который не оставлялъ короля-гражданина своими совѣтами насчетъ управленія.

Въ это время газеты занимались особенно «избирательною реформою», не щадя нападокъ на Гизо и даже на самую личность короля. Радикалы обзывали прямо неспособными или отставшими всѣхъ, сколько — нибудь прикосновенныхъ къ королевской власти. Поддерживая озлобленіе противъ Луи Филиппа, эти газетныя выходки порождали много покушеній на его жизнь—впрочемъ, безрезультатныхъ,—но старѣвшій король рѣшительно не понималъ духа времени въ его настойчивомъ стремленіи къ освобожденію. Въ самой королевской семьѣ никто не смѣлъ поднимать голосъ въ пользу нововведеній, такъ какъ, если кто рѣшался противорѣчить королю, тотъ впадалъ въ немилость, что и было участію герцога *Жуанвильскаго*; кто молчалъ, но оставался, какъ казалось, при своемъ убѣжденіи, тотъ подвергался оскорбительному недоверію; такъ было съ герцогинею *Орлеанской*.

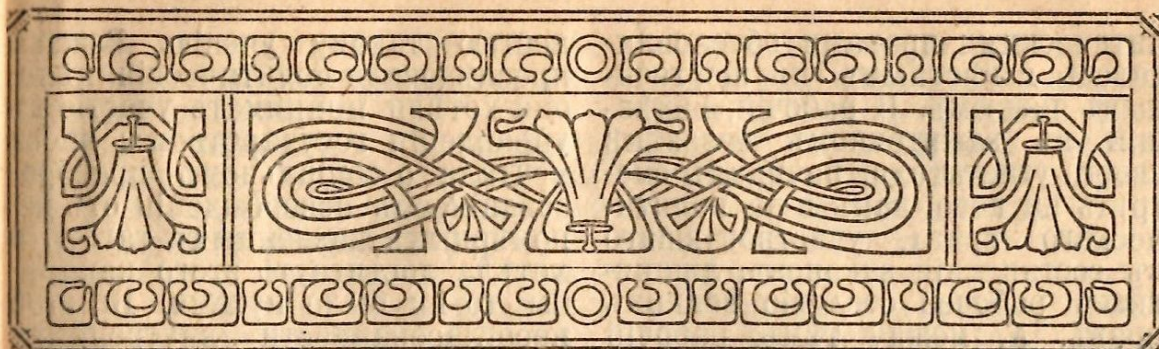
Король покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ попрежнему очень демонстративно; однако, и тутъ просвѣчивало уже нѣчто напускное.

Династіи былъ нанесенъ тяжелый ударъ смертью герцога *Орлеанскаго*. 13-го іюля 1842 г. герцогъ поѣхалъ въ Нелли, чтобы проститься съ родителями передъ своимъ отправленіемъ въ сентъ-омерскій лагерь. Лошади понесли, и онъ, при своемъ прыжкѣ

изъ экипажа, получилъ смертельныя поврежденія. Ему было всего 32 года, а старшій сынъ его, *графъ Парижскій* (род. 4-го авг. 1838 г.), былъ еще четырехлѣтнимъ ребенкомъ. Поднялся вопросъ: кого, на случай смерти Луи Филиппа, слѣдовало назначить регентомъ за двухъ несовершеннолѣтнихъ сыновей покойнаго наследника престола: мать-ли ихъ, *Елену Орлеанскую*, или дѣльнаго, но нелюбимаго брата его, герцога *Немурскаго*? Протестантское вѣроисповѣданіе герцогини заставило отдать предпочтеніе герцогу. Но легитимисты не замедлили воспользоваться несчастьемъ: отправились въ Лондонъ на поклонъ герцогу *Бордоскому*, нарочно для того прибывшему туда. Ему было въ это время 23 года.

Луи Филиппъ защищалъ интересы буржуазіи даже въ мелочахъ, но для сельскаго сословія, составлявшаго $\frac{2}{3}$ населенія, не дѣлалось ничего. Оно терпѣло отъ недостатка въ капиталахъ, платя по 8—11% за займы. Учрежденіе ипотечной системы не улучшило положенія; устройство провинціальнаго банковъ было отклонено. Благодаря противодѣйствію защиточной буржуазіи, не состоялась и проектированная въ 1847 году таможенная реформа. Ради выгодъ фабрикантовъ былъ даже вовсе воспрещенъ ввозъ шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ товаровъ. Проложеніе государствомъ желѣзныхъ дорогъ не правилось крупнымъ банкирамъ, желавшимъ оставить такія выгодныя предпріятія за собою, и правительство должно было удовольствоваться лишь постройкою увеселительной дороги между Парижемъ и Версалемъ. Рабочіе были преданы совершенно на произволъ заводчиковъ: всякая стачка строго каралась, всякое рабочее сообщество подлежало разрѣшенію полицейскихъ властей.

ШЕСТОЙ ПЕРИОДЪ.

Революціонныя возстанія въ 1848 г., ихъ кажущійся успѣхъ и ихъ подавленіе (1848—1852 гг.).

Весьма своеобразно было распространение революціонной войны 1848 г. почти на цѣлую часть свѣта. Нельзя полагать, что если революціонный дух вспыхнулъ впервые во Франціи, то февральская парижская революція была причиною всѣхъ революціонныхъ проявленій въ главнѣйшихъ центрахъ всего остального материка. Притомъ повсемѣстные возмущенія произошли слишкомъ быстро одинъ за другимъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что февральская революція была лишь сигналомъ или ободряющимъ образцомъ для другихъ. Своеобразенъ тоже *національный* характеръ всѣхъ революцій въ 1848 г.—по крайней мѣрѣ, въ Италиі и Германіи,—котораго недоставало движенію 1830 г. въ Германіи; своеобразно тоже *соціалистическое* направленіе, отдѣлившееся тогда уже отъ національнаго и испытавшее свою силу впервые послѣ *Бабефа*, но въ этотъ разъ неудачно.

Долговременный миръ содѣйствовалъ громадному развитію промышленности на всемъ западѣ Европы; примѣненіе механическихъ приспособленій къ работѣ расло съ году на годѣ. Капиталы

посвящались преимущественно промышленности, какъ дающей наибольшій барышъ. Изъ этого возникла громадная конкуренція, заставлявшая фабрикантовъ понижать по возможности цѣны на свои товары. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого было то, что ремесленники, ручной трудъ которыхъ не могъ соперничать съ фабричнымъ въ дешевизнѣ, были вынуждены, ради куска хлѣба, поступать простыми рабочими на фабрики и заводы. Но такой наплывъ рабочихъ дѣйствовалъ на пониженіе заработной платы. И она понижалась, наконецъ, до того, что рабочій едва могъ покрывать ею самыя насущныя потребности. Какое-либо облегченіе жизненныхъ условий, траты на воспитаніе дѣтей, сбереженія на случай болѣзни и наступленія старости, были совершенно недоступны для рабочаго человѣка. Онъ видѣлъ себя, ради того только чтобы не умереть съ голода, совершеннымъ рабомъ хозяина фабрики, который одинъ получалъ съ нея барыши.

При этомъ имущественный классъ имѣлъ не только соціальный, но и политическій перевѣсъ, потому что право пользованія по-

литическими правами обусловливалось извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. И рабочій, видѣвшій въ зажиточномъ человѣкѣ своего угнетателя, начиналъ смотрѣть на него, какъ и на политическаго врага, участвовавшаго въ составленіи законовъ, лишившихъ рабочее сословіе всякихъ правъ. А, между тѣмъ, рабочій классъ былъ самымъ многочисленнымъ въ населеніи государствъ. Въ 1848 г. въ Европѣ насчитывалось около 270 мил. жителей; изъ нихъ 150 мил. приходились на рабочій пролетаріатъ, который находилъ союзниковъ и среди людей болѣе образованныхъ, но неспокойныхъ и возмущавшихся тѣмъ, что государственные законы оставляли и ихъ такими-же безправными, какъ и пролетаріевъ.

Такіе агитаторы заманивали подъ свои знамена рабочую массу не во имя какихъ-либо новыхъ идей; при этомъ обѣ стороны полагали, что извлекутъ—одна изъ другой—пользу для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей. Для привлеченія народа пускались въ ходъ частью идеи Жанъ Жака Руссо, частью заимствованныя у англичанина *Іереміи Бентэма* и перебранныя на континентъ. *Бентэмъ* не подозрѣваетъ, что истинное счастье состоитъ не въ достиженіи желаемого, а въ стремленіи къ усовершенствованію и подчиненію себя идеалу. По его ученію, на государствѣ лежитъ обязанность доставлять всѣмъ охрану, содержаніе, излишекъ и равенство; подданные обязаны повиноваться лишь до тѣхъ поръ, пока предусматриваемыя худыя послѣдствія *повиновенія* менѣе значительны, нежели худыя послѣдствія *сопротивленія* власти. Такимъ образомъ, его основной принципъ полезности ведетъ къ анархической демократіи. Совѣсть признается имъ за *привитое* чувство; наслажденіе музыкой и поэзіей—за одинъ *предразсудокъ*.

Рабочій людъ внималъ съ жад-

ностью такому ученію. Вожаки преслѣдовали политическія цѣли: они хотѣли принимать участіе въ управленіи государствомъ; масса мечтала о социальномъ преобразованіи, объ освобожденіи отъ непомѣрныхъ жизненныхъ тяготъ и хотѣла достигнуть этого какими-бы то ни было путями. Въ этой несогласованности внутреннихъ побужденій былъ слабый пунктъ революціоннаго движенія 1848 г., и оно должно было рухнуть, какъ только массы сознали, что работали за чуждые имъ интересы.

Старая магическая формула французской революціи: «свобода, равенство, братство», давно уже утратила значеніе въ глазахъ молодого поколѣнія. Она переродилась у него въ то убѣжденіе, что *свобода* ведетъ своими послѣдствіями къ угнетенію слабыхъ болѣе сильными, а *равенство*, въ своихъ конечныхъ результатахъ, ограничиваетъ свободу сильныхъ. Поэтому многіе считали задачей столѣтія установленіе правильной связи между свободой и равенствомъ, съ опредѣленіемъ тѣхъ границъ, которыя позволяли-бы избѣгать сказанныхъ послѣдствій того и другого начала. Такая задача была многозначительна и способна увлекать какъ мечтателей, такъ и разсудительнѣйшихъ друзей человечества. Во главѣ ихъ стоялъ графъ *Сень-Симонъ* *), ученикъ котораго, *Огюсть*

*) Графъ Клодъ Анри де Руврэ Сень-Симонъ (род. 17-го окт. 1760 г.) происходилъ изъ стариннѣйшаго французскаго дворянскаго рода. Юноша отличался стремленіемъ къ творческой дѣятельности. Въ своемъ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ заставлялъ будить себя такими характерными словами: „вставайте, г. графъ, вамъ предстоитъ большія дѣла!“. Онъ служилъ потомъ у Вашингтона, дѣйствовалъ въ Мексикѣ, воротился во Францію, потомъ путешествовалъ и прибылъ обратно на родину при вѣсти о вспыхнувшей революціи. Какъ прирожденный идеалистъ, онъ съ радостью отказался отъ своего значительнаго состоянія въ пользу со-

Контъ *), проявилъ себя болѣе какъ философъ, нежели какъ социалополитикъ.

Среди немногихъ сторонниковъ, собранныхъ Сень-Симономъ, выдѣлялся *Олинде Родригезъ*, по происхожденію испанскій еврей, занимавшійся банковыми и биржевыми оборотами. Онъ выдавалъ себя за уполномоченнаго Сень-Симономъ къ распространенію его ученія. Во всякомъ случаѣ, школа продолжала существовать и во главѣ ея стали *Сентъ-Аманъ Базаръ* **) и *Анфантенъ* ***).

чувственного ему движенія, что не избавило его отъ преслѣдованія со стороны якобинцевъ. Находясь въ тюрьмѣ, онъ пришелъ къ мысли создать физико-политическую, то есть, основанную на сліяніи политическихъ и естественно-научныхъ воззрѣній, науку, что, конечно, ему не удалось. Онъ приступилъ тогда къ задачѣ пополнить пробѣлы въ современныхъ общественныхъ порядкахъ. Вѣря въ лучшій міръ, любя человечество и съ надеждою на безусловное осуществленіе намѣченныхъ имъ реформъ, по мѣрѣ улучшенія людской нравственности, онъ умеръ въ крайней бѣдности и почти забытый, 19-го мая 1825 года. Его ученикамъ предстоило вывести его имя опять изъ забвенія.

*) Огюсть Контъ (1798—1857 гг.) въ своей „Положительной философіи (*Philosophie positive*, 1839 г.)“ старался привести въ систему и развить основныя положенія Сень-Симона, причѣмъ доказывалъ, что всѣмъ образованнымъ европейскимъ народамъ суждено было перейти къ республиканской государственной формѣ, образуя между собою союзъ, которымъ управлялъ-бы конгрессъ, засѣдающій въ Парижѣ.

**) Сентъ-Аманъ Базаръ (род. 19-го сент. 1791 г.), бывшій карбонарій, обратился въ двадцатыхъ годахъ къ ученію Сень-Симона и скоро сталъ извѣстенъ, какъ дѣятельный агитаторъ, отличаясь и увлекательнымъ даромъ слова. Пойдя далѣе Сень-Симона, онъ требовалъ, чтобы всѣ средства производства, земля и капиталы, образующіе теперь собственность частныхъ лицъ, были обращены въ общественный фондъ, которымъ каждый могъ-бы пользоваться по мѣрѣ своихъ способностей.

***) Бартеlemi Просперъ Ан-

Непосредственно вслѣдъ за побѣдою польской революціи, 30-го июля 1830 г., Анфантенъ издалъ манифестъ, которымъ требовалъ отмѣны наслѣдственнаго права и освобожденія женщины. Къ нему стали стекаться многочисленные сторонники и въ улицѣ *Тэмбу*, въ обширномъ помѣщеніи, происходило по воскресеньямъ, въ полдень, публичное богослуженіе. Въ половинѣ 1831 г. число исповѣдующихъ новую религію было уже свыше 40.000.

Анфантенъ пошелъ далѣе Сень-Симона, особенно въ семейномъ вопросѣ. Сень-Симонъ признавалъ святость брачнаго союза и требовалъ только равноправности обоихъ супруговъ, а Анфантенъ предлагалъ двойной родъ супружества: постоянный, для глубоко развитыхъ натуръ, и временный, для неустойчивыхъ, такъ какъ общественныя учрежденія должны соответствовать природѣ человѣка, а не наоборотъ. Изъ-за этого принципа произошли большія несогласія, вслѣдствіе которыхъ *Базаръ*,

фантенъ, родившійся въ Парижѣ 8-го февраля 1796 г., близко раздѣлялъ воззрѣнія Базара. Состоя съ 1825 г. кассиромъ въ томъ-же ипотечномъ банкѣ, во главѣ котораго находился Олинде Родригезъ, онъ издалъ въ 1828 г. родъ романа, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія рабочаго человѣка въ 2240 году“, очевидно, навѣяннаго на него идеями Сень-Симона. Въ то будущее время наслѣдственное право по родству будетъ отмѣнено; всякій частный заработокъ исчезнетъ; всѣ получаютъ равномерное даровое воспитаніе. Во главѣ экономическаго производства будетъ находиться центральный банкъ, подъ государственнымъ управленіемъ, и этотъ банкъ будетъ вручать рабочія орудія всѣмъ, смотря по личнымъ способностямъ cadaго. Приверженцы этого новаго ученія составляли родъ духовнаго товарищества. Олинде Родригезъ, считавшій себя какъ-бы истиннымъ духовнымъ наслѣдникомъ Сень-Симона, произвелъ, въ силу завѣщанной ему учителемъ власти, Базара и Анфантена въ „верховные отцы (*pères suprêmes*)“ сень-симонистской религіи.

Пьеръ Леру и другіе выдающіеся вожди въ ноябрѣ 1831 г. были изъ «семейства» Анфантена. Несмотря на то, что 4.000 членовъ изъ рабочаго сословія работали въ мастерскихъ за счетъ общины, опытъ получить прибыль путемъ общественныхъ работъ неудался. Въ апрѣлѣ 1832 г. Анфантенъ съ 40 «братьями» удалился въ свою усадьбу въ *Менильмонтанъ*, гдѣ они въ особомъ живописномъ платѣ, общемъ всѣмъ братьямъ, съ длинными волосами и бородами отдавали время сельскимъ работамъ и благочестію. Но въ августѣ 1832 г. противъ всей общины былъ возбужденъ уголовный процессъ по обвиненію ея въ распространеніи безнравственнаго ученія. Послѣ этого «семейство» распалось.

Но интересъ къ социальнымъ вопросамъ былъ возбужденъ. Этимъ объясняется, что чтенія *Карла Фурье* *) объ осуществленіи социальной гармоніи нашли многихъ слушателей.

Однако, на убѣжденія народной массы Фурье не оказалъ вліянія. Только небольшое число послѣдо-

*) Фурье, родившійся въ 1772 г., былъ бухгалтеромъ. По его системѣ, всѣ страсти должны считаться хорошими, въ виду притягательной силы, существующей между ними и объектами природы. Поэтому дѣятельность каждаго должна согласоваться съ его индивидуальными наклонностями: тогда зло исчезаетъ. Цѣль эта достигнется, когда вмѣсто общины и семьи явятся фаланги — замкнутый рабочій союзъ, составляющій одно крупное хозяйство, а вмѣсто отдѣльныхъ, разбросанныхъ жилищъ явятся фаланстеры — общее обширное жилище, предназначенное для фалангъ. Каждую фалангу Фурье предполагалъ составить изъ 1.800 человекъ обоего пола. Начальства не полагалось, было только правленіе, вознаграждавшее каждаго, смотря по его трудамъ, талантамъ и размѣру вложеннаго капитала. Была сдѣлана дѣйствительная попытка устроить фаланстеръ въ Рамбулье; но она неудалась, такъ-же какъ и послѣдующія, предпринятая послѣ смерти Фурье (въ 1837 г.).

вателей осталось ему вѣрно. Тѣмъ не менѣе, требованія социальныхъ реформъ, организациі труда, охраны труда отъ капитализма уже не прекращались. Последнимъ выраженіемъ идеи сенсимонизма явилось «Путешествіе въ Икарію» *Этьена Кабэ*, (1788—1856 гг.), вышедшее въ 1842 г.

Дальше Кабэ и сенсимонизма пошелъ юноша, который не только стремился работать для народа, какъ сенсимонисты, но видѣлъ въ народѣ средство для достиженія цѣли. Это былъ *Луи Бланъ*, родившійся 11-го октября 1811 г.; въ 1839 г. онъ выпустилъ свою брошюру «Объ организациі труда». Въ то время, когда нужда все болѣе ожесточала рабочее населеніе, когда, благодаря спекуляціямъ, состоянія создавались въ одну ночь, Луи Блана съ его критикой современности читали съ жадностью. Онъ писалъ, что положеніе низшихъ рабочихъ классовъ улучшится лишь тогда, когда они добьются политическаго вліянія, путемъ котораго заставятъ исполнить свои требованія. Разумѣется, онъ предлагаетъ и панacea для всякихъ общественныхъ золъ: такъ, онъ совѣтуетъ «устроить общественныя мастерскія для важнѣйшихъ отраслей отечественной промышленности». Однако, право собственности онъ все-таки оставляетъ фактически неприкосновеннымъ.

Эффектъ брошюры Блана былъ поразительный, и даже въ палатѣ крайняя лѣвая отнеслась къ ней сочувственно и заявила, что высшая обязанность государства — дать работу всѣмъ трудоспособнымъ людямъ. Тысячи рабочихъ благодарили знаменитаго естествоиспытателя *Араго* за то, что онъ первый затронулъ въ палатѣ вопросъ объ организациі труда. Больше всѣхъ шумѣлъ бывший ультрароялистъ, священникъ *Ламеннэ*, авторъ «Словъ вѣры», прервавшій всѣ сношенія съ папствомъ, послѣ того какъ папа не

принялъ предложенной имъ церковной реформы, и возбуждавшій народъ противъ имущихъ классовъ.

Этимъ было подготовлено появленіе *Пьера Жозефа Прудона*. Онъ былъ сыномъ бѣднаго бондаря, родился 15-го іюля 1809 г. въ Безансонѣ (ум. въ 1865 г.), занялся типографскимъ ремесломъ, но употребилъ много труда на свое образованіе; впоследствии Прудонъ пользовался стипендіей академіи г. Безансона и достигъ изумительнаго, по обширности, умственного развитія.

Особенно основательно усвоилъ Прудонъ философію Гегеля. Въ 1840 г. онъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ «Что такое со-

отвѣтственность?», намѣренно тождественнымъ, съ заглавіемъ известной книжки аббата Сійеса.

Но Прудонъ былъ силенъ только въ критикѣ. Въ своихъ социалистическихъ сочиненіяхъ онъ ополчается противъ ученій Сенъ-Симона, Фурье и Луи Блана, доказывая непригодность всѣхъ имѣющихся системъ социальной реформы; но то, что самъ онъ предлагаетъ взамѣнъ, оказывается немногимъ лучше. Единственное мѣрило цѣнности труда онъ видитъ во времени; свидѣтельства объ отработанныхъ часахъ замѣняютъ у него деньги; такимъ образомъ, онъ желаетъ уничтожить всѣ прежнія учрежденія, за исключеніемъ лишь брака и семьи.

Февральская революція.

Въ теченіе цѣлыхъ 17-ти лѣтъ король *Луи Филиппъ* всегда покорялъ своей волѣ министерство, палаты и всю страну: это вселило въ него непоколебимую увѣренность въ умѣнѣ управлять. Старческий возрастъ сдѣлалъ его еще неуступчивѣе; въ семьдесятъ четыре года король былъ совершенно одинокъ даже среди собственной семьи. Король уже много лѣтъ не читалъ французскихъ газетъ и потому не имѣлъ понятія о ростѣ социального движенія во Франціи, о духѣ оппозиціи, охватившемъ даже національную гвардію, а къ оппозиціи въ палатѣ относился съ презрѣніемъ. Онъ не замѣчалъ, что его правленію недоставало оплота народа, которымъ сильна республика, военной славы имперіи, генія и арміи Наполеона, твердости въ принципахъ Бурбоновъ.

Уже много лѣтъ партія оппозиціи въ палатѣ упрекала министерство Гизо въ зависимости французской политики отъ *Англіи*. Ничто такъ не оскорбляло Луи Филиппа, какъ холодное отношеніе восточныхъ державъ, особенно Россіи. Это обособленіе заставило его прибѣгнуть къ Англіи;

но и съ нею неудавалось завязать прочныя отношенія, пока въ сентябрѣ 1843 г. королева Викторія не рѣшила вмѣстѣ съ супругомъ посѣтить его въ замкѣ Э (Eu); король отдалъ имъ визитъ, посѣтивъ Англію; затѣмъ англійская королевская чета вторично посѣтила его въ *Трепортъ*. Въ установившіяся сердечныя отношенія (*entente cordiale*) положеніе дѣлъ въ *Испаніи* внесло сильно дисгармонирующую ноту. Вопросъ о бракѣ молодой испанской королевы *Изабеллы* интересовалъ и англійскій, и французскій дворъ, а также Вѣну и Брюссель. Союзъ ея съ сыномъ претендента донъ Карлоса, въ которомъ Меттернихъ видѣлъ лучшее разрѣшеніе испанскаго вопроса, оказался невозможнымъ въ виду ненависти «христиносовъ» къ карлистамъ. Бельгійскій король Леопольдъ, съ своей стороны, считалъ наиболѣе подходящимъ кандидатомъ на испанскій престолъ своего племянника, принца Леопольда *Кобургъ-Когары*. Но въ виду того, что уже королева Португаліи была замужемъ за кобургскимъ принцемъ, Луи Филиппъ заявилъ протестъ. У не-

го тоже былъ свой планъ относительно этого брака. Ссылаясь на Утрехтскій договоръ, въ силу котораго испанская война за престолонаслѣдіе окончилась въ 1713 году избраніемъ бурбонскаго принца, Луи Филиппъ потребовалъ брака королевы Изабеллы съ бурбономъ; кромѣ того, онъ желалъ выдать замужъ сестру королевы, Луизу, за своего младшаго сына, герцога Монпансье. Противъ этого возстало англійское правительство. Однако, французскій посланникъ Брессонъ сумѣлъ устроить помолвку юной Изабеллы съ севильскимъ герцогомъ дономъ Энрике, убогимъ тѣломъ и духомъ бурбономъ, который приходился королевѣ двоюроднымъ братомъ. 10-го октября 1846 г. состоялось бракосочетаніе, а затѣмъ герцогъ Монпансье женился на Луизѣ, несмотря на обѣщаніе, данное Луи Филиппомъ Англии въ 1845 г., что этотъ союзъ состоится лишь въ томъ случаѣ, если бракъ Изабеллы окажется бездѣтнымъ.

Само собою разумѣется, что во французской палатѣ оппозиція возстала противъ испанскихъ браковъ; Тьеръ въ трехчасовой рѣчи рѣзко напалъ на министерство; народъ-же мало интересовался этимъ вопросомъ. Гораздо больше возбудило всеобщее вниманіе то обстоятельство, что оппозиція обрушилась на министерство за злоупотребленія, происходившія почти во всѣхъ вѣдомствахъ, и за продажность чиновниковъ, ясно удостовѣренныхъ прессою. Правда, благосостояніе страны расло; было констатировано, что съ 1830 по 1848 годъ капиталъ страны увеличился съ 30 до 45 миллиардовъ франковъ. Свободный капиталъ слѣдовало обратить на разныя новыя предпріятія, но именно въ этомъ направленіи правительство не проявляло рациональной инициативы.

Отъ государственныхъ людей требовались не столько дипломатическія способности, сколько из-

вѣстный характеръ убѣжденій; во всѣ должности втерлась масса диллетантовъ, которые интересовались лишь жалованьемъ. Съ вѣншей стороны это выразилось въ томъ, что каждый финансовый годъ заканчивался дефицитомъ и что расходы возрасли съ 960 до 1.260 милліоновъ.

По нѣкоторымъ признакамъ, можно было ожидать повторенія великой революціи. Неурожай 1846 г. повергъ сельское населеніе въ страшную нужду, для облегченія которой правительство ничего не дѣлало. Голодающій народъ разграбилъ хлѣбные склады и оулочныя; нѣсколькихъ землевладельцевъ убили. Къ этому присоединились наводненія; многіе обанкрутились; все это еще болѣе ухудшало положеніе. Возмущеніе всѣхнуло во всей средней Франціи. Тяжелое предчувствіе бури охватило всѣ сословія, не исключая высшихъ.

Цѣлью оппозиціи въ палатѣ было паденіе министерства Гизо и для этого она прежде всего стала стремиться къ *реформѣ выборовъ*, потребовала распространенія выборнаго права на учащихъ и пониженія выборнаго ценза. Нужно было настроить народъ въ пользу этихъ новшествъ. Поэтому послѣ распущенія палаты въ 1847 г. въ Парижѣ остался «выборный комитетъ», составленный изъ членовъ оппозиціи. По его инициативѣ, стали устраиваться такъ называемые «банкеты реформъ», на которыхъ произносились рѣчи, влиявшія на общественное настроеніе.

Но вскорѣ выяснилась вся безполезность этого «банкетнаго» движенія: къ концу года собралась вновь избранная палата и большинство въ ней оказалось снова на сторонѣ приверженцевъ министерства. Тѣмъ не менѣе, король счелъ необходимымъ осудить агитацію въ пользу реформъ. Въ тронной рѣчи 1847 г. онъ упомянулъ о «возбужденіи, поддерживаемомъ враждебными слѣвыми

страстями». Депутацию отъ парижскаго муниципалитета, желавшую сдѣлать представленіе о необходимости реформы, король даже не принялъ. Судя по внѣшнимъ событіямъ, онъ какъ-будто былъ и правъ: 12-го февраля 1848 г. палата приняла адресъ въ той формѣ, какъ желалъ Гизо.

Въ столицѣ замѣчалось явное волненіе. Нѣсколькимъ профессорамъ «Collège de France», между прочимъ, Мишле и Кинэ, запретили продолжать чтеніе лекцій. Студенты подписывали протесты и дѣлали оваціи редакторамъ республиканской газеты «Le National» и социаль-демократическаго органа «La Réforme». Национальная гвардія не скрывала своего неудовольствія. Тайныя общества снова стали проявлять признаки жизни.

Тѣмъ не менѣе, правительство считало, что приняло достаточныя мѣры для водворенія спокойствія, отрядивъ въ Парижъ нѣсколько полковъ. Король ничего не ожидалъ большаго, чѣмъ новое возстаніе республиканцевъ, но число послѣднихъ въ Парижѣ не внушало опасеній: по полицейскимъ спискамъ ихъ насчитывалось не болѣе 4.000. Однако, эти четыре тысячи являлись лишь авангардомъ возстанія. За ними стояли несмѣтныя количества людей, не преслѣдовавшихъ никакихъ политическихъ цѣлей, но вслѣдствіе нужды и ненависти къ имущимъ готовыхъ ринуться въ борьбу, разъ она будетъ начата *).

*) Для иллюстраціи тогдашняго положенія необходимо сказать, что въ Парижѣ насчитывалось въ то время 1.050.000 жителей. Послѣдствіемъ революціи, порвавшей узы религіи и нравственности, было то, что брачныя рожденія относились къ внѣбрачнымъ, какъ 158 къ 100. Поэтому въ 1848 г. въ Парижѣ было около 400.000 незаконно-рожденныхъ, нашедшихъ пріютъ въ воспитательномъ домѣ. Подростающіе питомцы такого дома становились уличными мальчишками, а парижскій гаманъ превращался въ существо, на-

По окончаніи дебатовъ объ адресѣ, въ которыхъ члены оппозиціи въ палатѣ потерпѣли пораженіе, они собрались на совѣщаніе о томъ, что имъ предстоитъ дѣлать. Рѣшили устроить грандіозную демонстрацію и доказать правительству, что народъ на сторонѣ оппозиціи. Избрали комиссію для устройства банкета на Елисейскихъ поляхъ. Было разослано до 1.500 приглашеній, а національной гвардіи было предложено расположиться шпалерами во время торжественнаго шествія приглашенныхъ отъ церкви св. Магдалины къ Елисейскимъ полямъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дешанъ, нашелъ участіе національной гвардіи въ этомъ торжествѣ незаконнымъ и вечеромъ 20-го февраля запретилъ банкетъ, назначенный на 22-е. Но уже вечеромъ 21-го тайныя общества рѣшили воспользоваться случаемъ, чтобы предпринять нѣчто противъ монархіи.

Утромъ во вторникъ, 22-го февраля, безпокойная толпа собралась передъ церковью св. Магдалины; на многихъ гражданахъ былъ мундиръ національной гвардіи. Студенты заплѣли марсельезу; то и дѣло раздавались крики: «да здравствуетъ реформа!». «Долой Гизо!»—кричали въ другихъ группахъ; многіе направились къ министерству иностранныхъ дѣлъ, чтобы выбить окна въ квартирѣ Гизо. Тутъ вмѣшалась муниципальная гвардія и толпа раздѣлилась на части. Кое-гдѣ произошли стычки съ полиціей. У Тюильерій-

водящее ужасъ на цивилизованныхъ людей. Образованія у него хватало ровно настолько, чтобы читать худшій сортъ литературы. И женщинъ они себѣ выбирали похожихъ на себя: ни о семейственности, ни о домовитости у нихъ не было и рѣчи. Такой гражданинъ не имѣетъ никакой собственности, кромѣ здоровыхъ рукъ, которыми онъ иногда пользуется для работы, и отважнаго сердца, готоваго каждую минуту поставить жизнь на карту ради собственнаго удовольствія.

скаго дворца собрались значительные отряды войск; на бульварах разставили пушки; однако, въ юго-восточной части города воздвигались къ вечеру баррикады за баррикадами. Ночь прошла въ безпокойномъ ожиданіи.

Въ среду, 23-го февраля, утро было пасмурное. Была призвана на помощь часть національной гвардіи; но она ограничилась тѣмъ, что мѣшала столкновеніямъ военныхъ отрядовъ съ крестьянами на баррикадахъ и подписывала петиціи, въ которыхъ требовала въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ отставки Гизо. Депутаты лѣвой — Мари и адвокат-еврей Кремье — передали петиціи палатѣ, и комендантъ національной гвардіи, генераль Жакмино, лично передалъ ея желаніе королю. Луи Филиппъ былъ въ нерѣшимости; королева умоляла его уступить и дать Гизо отставку. Королю приходило уже въ голову отказаться отъ престола; но онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ совѣтываться съ самимъ Гизо. Министръ предложилъ назначить на его постъ графа Моле и, когда король на это согласился, возвратился въ палату, чтобы лично объявить ей о своей отставкѣ. Вечеромъ того дня всѣ окна были иллюминированы, на бульвары высыпали радостныя толпы народа.

Около 9 часовъ на бульварахъ появилась толпа народа съ факелами и фонарями; расцѣвая марсельезу, она проходила церемониальнымъ маршемъ. Эта толпа добралась до министерства иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь линейный батальонъ загородилъ ей дорогу. Они требовали проуска, но начальникъ отряда, выѣхавъ впередъ, объяснилъ имъ, что обязанъ повиноваться полученнымъ приказаніямъ. Тогда стоявшій въ первомъ ряду процессіи человекъ съ ругательствами поднялъ свой факель, намѣреваясь опалить офицеру лицо. Тотъ спокойно отвелъ его руку, но рабочій не унимался;

тогда начальникъ командовалъ: «въ штыки!», но кто-то изъ солдатъ выстрѣлилъ, а за этимъ послѣдовалъ залпъ въ толпу; 82 раненыхъ попадали на землю. Ударили въ набатъ; на бульварахъ рубили деревья, выворачивали троттуары; вездѣ громоздили баррикады, опустошали оружейныя лавки. Изступленіе овладѣло толпой, и революція была готова.

Тѣмъ временемъ графъ Моле долженъ былъ доложить королю, что попытки его сформировать кабинетъ ни къ чему не привели; онъ настоятельно совѣтывалъ возложить эту задачу на главнаго вождя оппозиціи — Тьера, командованіе же войсками поручить маршалу Бюжо, и король рѣшился послѣдовать совѣту.

Тьеръ былъ призванъ къ королю въ 2 ч. ночи. Долго продолжалась ихъ бесѣда, и Луи Филиппъ, наконецъ, уступилъ убѣжденіямъ Тьера, для успокоенія народа требовавшего осуществленія выборной реформы. Съ Бюжо король легко пришелъ къ соглашенію: слѣдовало немедленно подавить революцію. Едва забрезжило утро, Бюжо отрядилъ войска къ Бастиліи, городской ратушѣ и Пантеону. Но новыя министры-либералы иначе смотрѣли на дѣло: они надѣялись мирнымъ путемъ покончить съ революціей и убѣдили короля отозвать войска и сосредоточить ихъ у Тюильерійскаго дворца.

Вскорѣ Бюжо долженъ былъ передать командованіе національной гвардіей популярному генералу Ламорисьеру, который вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Одилономъ Барро принялъ личное участіе въ подавленіи революціи. Но у баррикадъ ихъ вмѣшательство было встрѣчено смѣхомъ толпы; Ламорисьеръ получилъ даже рану. Чернь проникала дальше и дальше; въ 10 ч. утра она уже успѣла окружить ратушу. Только у Шато д'О, противъ Палатъ Рояля, она встрѣтила сопротивле-

ніе; дѣло дошло до схватки, задержавшей народную волну на часъ и тѣмъ спасшую королевскую семью.

Грозныя волненія послѣднихъ часовъ сразили престарѣлаго короля и надломили его волю; вчера еще онъ былъ упрямъ и властенъ, а сегодня уже пассивно повиновался противорѣчивымъ совѣтамъ. По мнѣнію Тьера, слѣдовало временно предоставить Парижъ мятежникамъ, собрать войска въ Сень-Клу и затѣмъ отвоевать столицу обратно.

Но чернь стала шумно требовать отреченія короля отъ престола. Въ нерѣшимости своей король выслушивалъ разнообразныя совѣты своихъ новыхъ министровъ и былъ готовъ согласиться на все.

Въ это время принцы сообщили королю-отцу о всеобщемъ желаніи народа, чтобъ онъ отказался отъ престола. Король былъ готовъ повиноваться. Вся семья собралась вокругъ него. «Не отказывайтесь, ваше величество, — вскричала со слезами герцогиня Елена Орлеанская, — корона слишкомъ тяжела для насъ!» Но Монпансье и другіе настаивали на отказѣ. «Я согласенъ. — заявилъ король и, обратясь къ Жерару, прибавилъ: — подите навстрѣчу народу и объявите ему о моемъ отреченіи». Маршалъ сѣлъ на лошадь, съ кинарисной вѣтвью въ рукѣ переѣхалъ черезъ площадь «Карусель» и приблизился къ баррикадѣ. Однако, блузники отказывались вѣрить извѣстію и толпа принудила его вернуться.

Между тѣмъ, король у себя во дворцѣ снова сталъ колебаться. Въ комнату его вошелъ безъ доклада редакторъ «Прессы», *Эмиль де Жирарденъ*. Рыданія и волненіе затихли; блѣдный, онъ быстро проговорилъ: «Отрекитесь немедленно, Sire!». Король, услышавъ эти слова, съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства положилъ перо. Изъ Шато д'О доносились выстрѣ-

лы, а король въ нерѣшимости повторялъ: «отречься!» Затѣмъ медленно онъ написалъ слѣдующее: «Корону, которую я возложилъ на себя, повинуюсь голосу народа, нынѣ слагаю съ себя, уступая ее внуку, графу Парижскому. Да посчастливится ему выполнить великую задачу, выпадающую ему на долю». Затѣмъ онъ всталъ и подалъ листъ одному изъ депутатовъ, чтобъ тотъ отнесъ его въ палату; но вмѣсто него листъ взялъ Ламорисьеръ, сложилъ его и вышелъ, въ полной увѣренности, что теперь революціи будетъ положенъ конецъ.

Это было около часа пополудни (24-го февраля). Изъ Шато д'О доносились до дворца клики тысячи людей, поднимались зловѣщія облака дыма и слышался гулъ напирющей толпы. Тюильерійскій дворецъ былъ въ опасности. Луи Филиппу слѣдовало оставить дворецъ; онъ снялъ мундиръ и орденскую ленту, надѣлъ чернѣйшій фракъ и шляпу, взялъ портфель, поклонился присутствовавшимъ и подалъ руку королевѣ. Герцогиня Орлеанская встала, чтобы послѣдовать за нимъ. «Останьтесь, Елена, чтобъ обезпечить сыну вашему корону!» — вскричалъ король, обращаясь къ ней, затѣмъ свелъ королеву внизъ по лѣстницѣ въ подземелье, откуда маленькая дверца вела на террасу.

Генераль *Ренъо де Сень Жанъ д'Анжели*, командовавшій кавалеріей на площади Согласія, зналъ о предстоящемъ отъѣздѣ короля и приказалъ держать свободнымъ проѣздъ черезъ садъ Тюильерійскаго дворца. Такимъ образомъ, королевская семья безпрепятственно добралась до экипажей. Поспѣшно всѣ пятнадцать чловѣкъ сѣли въ нихъ, и экипажи помчались по Елисейскимъ полямъ въ Сень-Клу.

Въ Сень-Клу царственные бѣглецы рѣшились остановиться на нѣсколько минутъ, отпустили эскортъ и продолжали путь черезъ Вер-

саль, гдѣ Луи Филиппъ вынужденъ былъ занять 1.200 франковъ для скорѣйшаго бѣгства въ Трианонъ. Здѣсь путешественники раздѣлились: дѣти и внуки отправились въ замокъ «Э» (Eu), самъ-же Луи Филиппъ и его супруга отправились въ Дре, гдѣ провели ночь. Окольными дорогами Луи Филиппъ на другой день достигъ морского берега у *Гонфлера*. Но море было слишкомъ бурно для переѣзда. Королевской четѣ пришлось скрываться нѣсколько дней въ сельскомъ уединеніи, пока, наконецъ, англійскій вице-консулъ не предложилъ ему сѣсть на англійскій почтовый пароходъ, снабдивъ его англійскимъ паспортомъ на чужое имя.

3-го марта Луи Филиппъ вступилъ на территорію Англии и избралъ мѣстомъ жительства замокъ *Клармонъ*, принадлежавшій его зятю, бельгійскому королю. Здѣсь вокругъ него опять понемногу собрались члены его семьи, которые покинули Францію. Въ послѣднее время жизни, какъ передаютъ, престарѣлаго изгнанника занимала мысль о примиреніи народа съ Бурбонами: для этой цѣли онъ хотѣлъ убѣдить свою семью признать права на престолъ за *Генрихомъ V*, *графомъ Шамборомъ*; но Елена Орлеанская воспротивилась отнятію правъ у ея сына, графа Парижскаго. Луи Филиппъ скончался въ *Клармонѣ* 26-го августа 1850 г.

Генераль Ламорисьеръ надѣялся покончить съ революціей, объявивъ народу объ отреченіи короля; но именно въ это время она одерживала рѣшительную побѣду взятіемъ Шато д'О*) — этого послѣдняго пренятствія, мѣшавшаго ей штурмовать Тюильерійскій дворецъ.

*) Замокъ Шато д'О, расположенный прямо противъ Палэ-Рояля, сѣрое, мрачное зданіе въ стилѣ рококо, называется „водянымъ замкомъ“, потому что въ немъ былъ устроенъ бассейнъ. Именно, во избѣжаніе нападеній съ

Припасы осажденныхъ въ замкѣ понемногу истощались, и, наконецъ, они вышли, чтобы штыками пробиться сквозь толпы противниковъ, но тотчасъ-же упали, пронзенные пулями. Подъ дверь замка подложили огонь, и пламя проникло внутрь зданія. Тогда и остальные защитники замка бросились вонъ, причемъ одни погибли, а другіе спаслись бѣгствомъ.

Революція одержала побѣду, которая далась ей легко. Пока еще у Шато д'О продолжалась борьба, часть толпы вошла въ Палэ-Рояль, гдѣ многіе въ погребахъ угощались винами Орлеанскаго дома. Другая часть забавлялась тѣмъ, что сжигала въ саду мебель замка. Но, какъ только замокъ былъ взятъ, всѣ бросились въ Тюильери.

Тамъ *герцогъ Немурскій*, послѣ бѣгства своего отца, принялъ командованіе надъ войсками, напоявшими дворъ замка; онъ все еще надѣялся усмирить бурю мирнымъ путемъ. Послѣ часа полудни толпы черни стекались къ площади Карусель; солдаты открыли ей ворота. Только два полка держали себя корректно и были отведены на площадь Согласія герцогомъ Немурскимъ, переставшимъ уже думать о сопротивленіи. Своей невѣсткѣ, герцогинѣ Орлеанской, скрывавшейся въ правомъ флигелѣ дворца, онъ послалъ записку, въ которой предлагалъ ей слѣдовать за нимъ.

Когда *Елена Орлеанская* готовилась повиноваться герцогу Немурскому и оставить Тюильери, ей прислали сказать, что король опять передумалъ и ожидаетъ ее на площади Согласія. Она поспѣшила туда съ двумя сыновьями, но оказалось, что экипажи уже

улицы, Луи Филиппъ велѣлъ окружить окна рѣшетками и обить входную дверь желѣзомъ, вслѣдствіе чего толстыя стѣны сдѣлались неприступны. Въ лѣвомъ флигелѣ постоянно стоялъ на часахъ солдатъ національной гвардіи.

уѣхали. Тогда она рѣшила отпра-виться въ расположенный поблизо-сти Бурбонскій дворець, съ той цѣлью, чтобы представители на-рода провозгласили сына ея коро-лемъ. На площади національная гвардія встрѣтила принцессу ра-достными возгласами и выстрои-лась шпалерами, чтобы дать ей пройти; командовавший офицеръ подалъ ей руку и проводилъ ее до дворца, а толпа восторженно при-вѣтствовала ее.

При входѣ принцессы депутаты повставали съ мѣсть; передъ ора-торской трибуной поставили три кресла для нея и для маленькихъ принцевъ; герцогъ Немурскій сталъ рядомъ съ ней. Онъ самъ просилъ ее, чтобы она приняла регентство за графа Парижскаго, и она рѣшилась на это. На трибу-ну вошелъ *Дюпенъ* и провозгла-силъ восшествіе на престолъ гра-фа Парижскаго и назначеніе гер-цогини Орлеанской регентшей. Со-брание шумно выразило свое одоб-реніе.

Тогда всталъ *Ламартинъ* и по-требовалъ перерыва засѣданія, пока герцогиня и молодой графъ не удалятся. Это было смертель-нымъ ударомъ для монархіи. Гер-цогиня встала и удалилась въ послѣдній занятый депутатами рядъ, гдѣ и сѣла рядомъ съ Кремье. Въ залѣ стоялъ гулъ голосовъ; въ нее проникла толпа народа, за-нявшая мѣста передъ трибуной. Депутатъ Мари объявилъ регент-ство герцогини незаконнымъ и предложилъ назначеніе времен-ного правительства. Въ эту минуту въ залъ ворвались толпы черни и студентовъ, кричавшія: «Долой мо-нархію!». Суматоха все расла; всѣ желали говорить вмѣстѣ. Кремье подалъ герцогинѣ листокъ бумаги, на которомъ набросалъ каранда-шомъ краткую рѣчь; смыслъ ея былъ тотъ, что она съ упованіемъ ждетъ рѣшенія народа; но у гер-цогини уже не было надежды. На-конецъ, депутату крайней лѣвой *Ледрю-Роллену* удалось заставить

себя слушать: онъ снова предло-жилъ утредить временное прави-тельство. Послѣ него сталъ гово-рить Ламартинъ. «Имена, имена новыхъ правителей!»—немедленно закричала толпа, прерывая его. «Единственную свою задачу новое правительство будетъ видѣть въ томъ, чтобы слѣдовать совѣтамъ народа»,—продолжалъ Ламартинъ.

Въ эту минуту снаружи разда-лись выстрѣлы, и въ залъ вторг-лась новая ватага революціоне-ровъ. Большинство депутатовъ обратилось въ бѣгство; герцогиня тоже незамѣтно покинула шумный залъ засѣданій. Во время этого отступленія ее разлучили съ дѣть-ми. Графъ Парижскій былъ вскорѣ ей доставленъ, но младшаго сына ей возвратили лишь на слѣдующій день. Съ этихъ поръ она стала осмотрительно приготовляться къ бѣгству.

Новую ватагу привелъ съ собой *Эммануэль Араго*. Предсѣдатель *Созэ* звонилъ въ колокольчикъ, желая возстановить спокойствіе, но никто не обращалъ вниманія. Тогда онъ оставилъ предсѣдатель-ское кресло и такимъ образомъ закрылъ засѣданіе. По предложе-нію Ламартина, кресло это было затѣмъ занято *Дюпономъ*, такъ какъ предстояло заняться выбо-ромъ *временного правительства*. Всѣ присутствовавшіе толпились около трибуны; депутаты (около 30-ти), рабочіе, студенты—всѣ по-давали сразу свои бюллетени, по-крытые именами предлагаемыхъ кандидатовъ. Ламартинъ принялъ ихъ всѣ и быстро, руководствуясь собственными соображеніями, со-ставилъ по нимъ списокъ избран-ныхъ. Ледрю-Ролленъ прочелъ его, и толпа шумно привѣтствовала имена избранныхъ: *Дюпонъ де л'Эръ* (Eugé), *Ламартинъ* *),

*) Альфонсъ Ламартинъ, родив-шійся въ 1790 г. въ Маконѣ, былъ вос-питанъ въ усадьбѣ, близъ Мильи, своей матерью, женщиной выдающагося ума. Его „Политическія идеи“ встрѣтили

Франсуа Араго, Мари, Гарнье-Пажесъ, Ледрю-Ролленъ, Кремье.

Тѣмъ временемъ старый маршалъ Удино привелъ отрядъ солдатъ и заставилъ его войти въ залъ засѣданій со штыками на плечѣ. Самъ онъ шелъ впереди въ штатскомъ платьѣ. «Впередь! — скомандовалъ онъ солдатамъ. — Да здравствуютъ король и герцогиня Орлеанская!» Но они опоздали.

Около половины пятого избранные члены временнаго правительства прибыли къ ратушѣ и тамъ распредѣлили между собой обязанности: *Дюпонъ* сталъ председателемъ совѣта министровъ, *Ламартинъ* — министромъ иностранныхъ дѣлъ, *Ледрю-Ролленъ* — внутреннихъ дѣлъ, *Кремье* — юстиціи, *Мари* — общественныхъ работъ, *Франсуа Араго* — морскимъ министромъ; *Гарнье-Пажесъ* — мэромъ Парижа. Что касается Луи Блана, то онъ долженъ былъ съ нѣсколькими

живой откликъ въ публикѣ; къ славѣ его едва-ли много прибавили и вышедшія впоследствии стихотворенія его, хотя они и открыли ему доступъ во французскую академию. Во времена Бурбоновъ онъ занималъ дипломатическіе посты въ Италіи и Англии; послѣ июльской революціи сталъ жить частнымъ человѣкомъ и, женившись на богатой англичанкѣ, предпринялъ путешествіе на Востокъ. По возвращеніи онъ былъ избранъ въ палату депутатовъ, гдѣ постепенно сталъ сближаться съ либеральной оппозиціей. На значеніе и положеніе его, какъ писателя, имѣла рѣшающее вліяніе его „Исторія жирондистовъ“, вышедшая въ 1847 г. Своимъ героямъ, онъ вложилъ въ уста такія возвышенныя рѣчи, окружилъ ихъ такимъ ореоломъ, что возбудилъ къ нимъ живѣйшій интересъ, заставивъ горячо желать возвращенія времени революціи. Сильное впечатлѣніе производила также его виѣшность. У него были высокая, стройная фигура, привѣтливое, хотя полное достоинства, обращеніе и природное изящество. Онъ говорилъ выразительнымъ, образнымъ языкомъ, давая волю своей живой фантазіи, такъ что даже противники охотно слушали его. Это былъ народный трибунъ, всегда готовый къ безстрашной и неутомимой дѣятельности для успокоенія страстей.

Другими довольствоваться мѣстомъ товарища статсъ-секретаря. Вскорѣ оказалось, однако, что радикалы получили перевѣсъ надъ партіей умѣренныхъ. Луи Бланъ предложилъ провозгласить республику; солидарный съ нимъ Ледрю-Ролленъ поддержалъ это предложеніе. Изъ партіи умѣренныхъ къ нему примкнулъ Ламартинъ; тогда и остальные нерѣшительно согласились. Шумная толпа, наполнявшая ратушу, все время вырвалась въ комнату засѣданій, бурно требуя того или другого декрета: въ такихъ случаяхъ кто-нибудь изъ новыхъ министровъ наскоро набрасывалъ декретъ, ближайшій къ нему сосѣдь подписывалъ его карандашомъ и передавалъ въ толпу. Такимъ образомъ рѣшено было насаждать «древа свободы», всѣмъ носить въ петлицѣ розетку изъ красныхъ лентъ, возстановить прежнее республиканское обращеніе: «гражданинъ». Наконецъ, была написана прокламація, положившая начало новому періоду во Франціи. Она заканчивалась словами: «Правительство *желаетъ республики*, если на то будетъ воля народа, о которой онъ будетъ немедленно спрошенъ».

Затѣмъ, послѣ 10 часовъ, на балконъ ратуши вышелъ человѣкъ, прочелъ прокламацію, а копіи ея выбросилъ толпѣ. Франція стала республикой.

Въ иллюминированныхъ окнахъ уже гасли огни; толпы начинали рѣдѣть.

Но на разсвѣтѣ слѣдующаго дня — пятницы, 25-го февраля — шумъ въ городѣ возобновился. Съ трудомъ удавалось охранять сокровища искусствъ въ Луврѣ и Версалѣ. Чтобы оградить Тюльерійскій дворецъ отъ опустошенія, его обратили въ уѣжище для инвалидовъ труда; другія общественныя зданія спасли отъ разгрома тѣмъ, что водрузили на нихъ надпись «національная собственность». Манифесты правительства рвали на части, строились барри-

гады. Со вторника всѣ магазины были закрыты, работы были прекращены; голодъ былъ причиной злобы рабочихъ противъ имущихъ классовъ; голодъ заставилъ ихъ собираться тысячами передъ радушней.

Группа ихъ проникла въ залъ, гдѣ засѣдало правительство; рабочие требовали общности имущества, учрежденія «правительства для рабочихъ», принятія краснаго знамени. Чтобы успокоить ихъ, вслѣдъ за декретомъ № 19, которымъ каждому гражданину обезпечивалось занятіе, былъ изданъ декретъ № 42, въ которомъ заявлялось, что пора положить предѣлъ страданіямъ рабочаго населенія. Для этой цѣли правительство назначило Луи Блана президентомъ «рабочей» комиссіи, избранной для своихъ засѣданій бывшую палату пэровъ въ Люксембургскомъ дворцѣ. Затѣмъ, по плану Эмиля Тома, были учреждены «общественныя мастерскія». Тамъ занимались перевозкой земли въ тачкахъ съ мѣста на мѣсто, съ тѣмъ чтобы на слѣдующій день перевезти ее снова на старое мѣсто; за это платили по 2 франка и не считали этого чрезмѣрной платой; тѣмъ-же «несчастливымъ», которые за избыткомъ рабочихъ рукъ не могли получить работы, платили всего по 1½ франка.

Для правительства было большимъ счастьемъ, что генералы и маршалы поспѣшили отдать себя въ его распоряженіе. Благодаря этому, удалось удалить изъ Парижа остатокъ войскъ, непригодныхъ къ дѣлу, и, такимъ образомъ, избавить рабочихъ отъ страха насилій. Умы начали успокаиваться. Сформированіе 24-хъ гвардейскихъ батальоновъ (по 1½ франковъ въ день на человѣка) должно было помочь возстановленію порядка. Новый префектъ полиціи, *Коссидьеръ*, создалъ своеобразный полицейскій отрядъ: изъ подростковъ 15 — 20 лѣтъ онъ образовалъ корпусъ «монтаньяровъ», и вскорѣ

эти молодые босяки стали такъ усердно служить, что нагоняли ужасъ на чернь.

Было-бы большимъ заблужденіемъ полагать, что французскій народъ желалъ революціи; республики-же онъ желалъ еще меньше. Но вслѣдствіе строгой централизаціи Франціи, послѣдняя согласилась и на ту, и на другую, тѣмъ болѣе, что республиканское правительство поспѣшило обѣщать уменьшеніе податей, за которымъ могло послѣдовать и совершенное ихъ уничтоженіе. Однако, усиленіе арміи съ 370.000 до 580.000 человекъ, изъ которыхъ 530.000 находились подъ знаменами, а также учрежденіе національныхъ мастерскихъ требовали такихъ крупныхъ расходовъ, что правительство распорядилось увеличить налоги на 9 су съ франка, т. е., сразу на 45 процентовъ. Между тѣмъ, прямые налоги лежали, главнымъ образомъ, на мелкихъ землевладѣльцахъ, которымъ принадлежало девять десятыхъ всей территоріи Франціи. Поэтому ихъ негодванію на республиканское правительство не было границъ.

Наконецъ, наступила пора для выбора новой палаты депутатовъ. На каждыя 40.000 душъ предстояло избрать по одному депутату, причемъ никакой цензъ уже не ограничивалъ права выборовъ. Министры внутреннихъ дѣлъ и народного просвѣщенія разослали провинціальнымъ избирателямъ циркуляры, чтобъ дать имъ возможность избрать подходящихъ лицъ. Но агенты правительства были повсюду встрѣчены враждебно и, когда 4-го мая палата депутатовъ собралась въ Парижѣ въ количествѣ около 900 членовъ, оказалось, что только большіе города избрали депутатовъ-республиканцевъ, остальная-же страна избрала консерваторовъ.

Это, разумѣется, способствовало увеличенію антагонизма среди членовъ временнаго правительства. Положеніе умѣренныхъ членовъ

упрочилось, влияние - же радикаловъ, какими были Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ, опиравшіеся, главнымъ образомъ, на множество возникшихъ въ Парижѣ клубовъ, сильно пошатнулось, вслѣдствіе результатовъ выборовъ въ національное собраніе. Поэтому они стали серьезно стремиться къ распущенію собранія и къ удаленію умѣренныхъ изъ состава правительства.

Уже 17-го марта, а затѣмъ 16-го апрѣля «красные», т. е., революціонеры и члены социалистическихъ клубовъ, организовали массовыя сборища, съ цѣлью заставить умѣренныхъ членовъ правительства удалиться; но вслѣдствіе вмѣшательства Ламартина и помощи, своевременно оказанной національной и подвижной гвардіей, попытки эти ни къ чему не привели.

Планъ состоялъ въ томъ, чтобы, принудивъ умѣренныхъ къ уходу массовымъ возстаніемъ, сдѣлать *Ледрю-Роллена* диктаторомъ и тѣмъ обезпечить «красной» республикѣ господство. Префектъ полиціи, *Коссидьеръ*, и его лейбъ-гвардія также сочувствовали этому плану. Вышполненіе его было назначено на 15-е мая. Но въ послѣднемъ засѣданіи «клубъ изъ клубовъ» рѣшилъ, чтобъ диктаторомъ былъ не Ледрю-Ролленъ, а Луи Бланъ. Послѣдствіемъ этого было то, что Ледрю-Ролленъ немедленно отправился къ Ламартину и предупредилъ его о грозящей опасности.

15-го мая огромная толпа, состоявшая изъ членовъ различныхъ клубовъ, двинулась къ Бурбонскому дворцу, якобы съ цѣлью подать учредительному собранію петицію въ пользу Польши, въ которой наивно требовалась сущая бездѣлица, — чтобы была объявлена война Россіи. Во главѣ толпы стояли *Распайль* и *Гюберъ*. Не встрѣчая сопротивленія, толпа проникла во дворецъ и, наконецъ, она заняла и залъ, въ которомъ

засѣдало собраніе. Поднялся страшный шумъ: всѣ окружили трибуну и говорили вмѣстѣ. *Барбесъ* взошелъ на трибуну и требовалъ отправки войска въ Польшу, налога на богатыхъ въ размѣрѣ одного миллиарда, удаленія изъ Парижа всѣхъ войскъ. *Бланки* и *Распайль* совѣтывали объявить войну всей Европѣ. Предсѣдатель *Бюше* все время звонилъ; наконецъ, его заставили покинуть президентское кресло и вмѣстѣ съ большинствомъ депутатовъ устремиться къ выходу. Заговорщики же занялись выборомъ *новаго* революціоннаго *правительства*. Тутъ съ улицы раздались звуки марша, призывавшаго гвардію къ оружію. Это подѣйствовало: повстанцы очистили дворецъ и быстро разошлись по улицамъ. *Барбесъ*-же и его приверженцы были взяты въ плѣнъ и отведены въ Венсанъ. На другой день той-же участи подверглись *Бланки* и *Распайль*, а *Коссидьеръ* былъ отрѣшенъ отъ должности.

Послѣ революціи парижская промышленность была въ полномъ застоѣ; не покупали даже предметовъ первой необходимости; о сбытѣ-же предметовъ роскоши нечего было и думать. Нужда загнала рабочихъ въ устроенныя правительствомъ мастерскія; вслѣдствіе-же неудавшагося майскаго возстанія число кандидатовъ туда настолько возрасло, что къ 19-му мая въ национальныхъ мастерскихъ было записано 87.942 рабочихъ.

Въ мартѣ еще не было недостатка въ работѣ; но теперь уже городъ былъ вымощенъ, мусоръ вывезенъ, баррикады снесены. Даже фонарные столбы были вычищены; послѣднимъ ресурсомъ оставались бесполезныя земляныя работы, а число кандидатовъ все расло. Между тѣмъ, регулярной почтенной работы имѣлось, самое большее, для 2.000 рабочихъ. Остальные, слѣдовательно, толпились праздно по городу, получая по 1½ франка и ища развлеченій.

Ежедневные расходы национальных мастерских простирались до 200.000 франковъ, а, между тѣмъ, финансовое положеніе республики было весьма печальное. Не успѣла она просуществовать и трехъ мѣсяцевъ, какъ уже правительство открыло на 206 милліоновъ чрезвычайныхъ кредитовъ, вырубилло на 25 милліоновъ государственнаго лѣса, а къ 1-му іюня нуждалось въ новомъ займѣ въ 150 милліоновъ франковъ. Франція быстрыми шагами приближалась къ банкротству.

Крайность принудила, наконецъ, правительство прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Наличныя деньги уже настолько повысились въ цѣнѣ, что за монету въ 20 франковъ платили 34 франка. Поэтому было сдѣлано распоряженіе, чтобы въ сберегательныхъ кассахъ не выплачивали суммъ свыше 100 франковъ.

Вторая мѣра въ виду финансового кризиса была еще опаснѣе. 17-го мая правительство издало декретъ, въ силу котораго всѣ неженатыя рабочіе 18 — 25 лѣтъ зачислялись въ армію; изъ числа же остальныхъ мастера-ремесленники должны были избрать нужныхъ имъ рабочихъ по спискамъ национальных мастерскихъ. Однако, численность рабочихъ въ национальных мастерскихъ дошла до такихъ размѣровъ, что правительство рѣшило отправлять рабочихъ въ провинцію, чтобы тамъ исправлять дороги, высушивать болота и пр. Уничтоживъ сплоченность рабочей арміи, ее можно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обезсилить. Вызванный изъ Алжира и назначенный военнымъ министромъ генералъ *Каваньякъ* получилъ предписаніе увеличить численность войскъ около Парижа до 55.000 человекъ.

Но смутьяны и бездѣльники все не намѣревались заняться серьезной работой. Единомышленники охотно прислушивались къ

ихъ подстрекательствамъ; поддразнились имъ и настоящіе рабочіе и всѣ приняли рѣшеніе не соглашаться на раздѣленіе ихъ и на отсылку части рабочихъ въ провинцію.

Многіе еще возлагали надежды на «рабочій парламентъ», состоявшій изъ мастеровъ и подмастерьевъ различныхъ цеховъ и созданный, подъ председательствомъ *Луи Блана*, въ Люксембургскомъ дворцѣ; но долгіе дебаты не привели ни къ какому результату, и вскорѣ «парламентъ» былъ распущенъ.

Рѣшающее значеніе имѣло для этого вопроса сдѣланное 20-го іюня министромъ общественныхъ работъ, *Треля*, предложеніе собранію ассигновать три милліона франковъ на національныя мастерскія. Большинство членовъ палаты давно уже рѣшило не кормить болѣе парижскихъ революціонеровъ на счетъ страны, и лишь съ большимъ трудомъ исполнительная комиссія могла побудить собраніе ассигновать эти три милліона; оно потребовало, чтобы было немедленно приступлено къ зачисленію въ войско способныхъ къ военной службѣ рабочихъ.

Возбужденію рабочихъ не было границъ; съ ругательствами и проклятіями рѣшили они собраться съ оружіемъ въ рукахъ. Это повело къ *іюньской битвѣ*, разразившейся въ Парижѣ съ 23 — 26-е іюня и ознаменовавшей начало конца республики.

Рано утромъ 23-го іюня вооруженныя толпы, дышавшія ненавистью и злобой, собрались передъ Пантеономъ. Оттуда *Пюжоль* повелъ ихъ къ Бастильской площади.

Назначенный 17-го іюня военнымъ министромъ *Каваньякъ* (род. 15-го октября 1802 г., ум. 23-го октября 1857 г.), въ виду грозившей опасности сдѣланный главнокомандующимъ линейныхъ войскъ и національной гвардіи, собралъ

всѣ свои войска. Ему удалось довести численность гарнизона до 24.000 чел.; кромѣ того, въ его распоряженіи было 16.000 ч. подвижной гвардіи и 2.500 республиканскихъ гвардейцевъ. Въ резервъ у него было еще 8.000 чел., расположенныхъ вдоль желѣзнодорожной линіи, ведущей въ Буржъ.

Было уже около полудня, когда мятежные рабочіе сами начали нападеніе ружейнымъ залпомъ. Послѣ этого бой быстро распространился на весь городъ. Выдвинутыя войска встрѣтили сопротивленіе. На слѣдующее утро, въ четвергъ, бой продолжался съ еще большимъ озлобленіемъ.

Уже 23-го іюня извѣстное число депутатовъ хотѣло заставить исполнительный комитетъ подать въ отставку и замѣнить его диктатурой. Въ виду продолжающагося кризиса 24-го іюня депутатъ *Паскаль Дюпра* предложилъ въ собраніи, чтобы Парижъ былъ объявленъ въ *осадномъ положеніи* и чтобы вся исполнительная власть была сосредоточена въ рукахъ *Каваньяка*. Собраніе приняло оба предложенія. Объявленный диктаторомъ, Каваньякъ принялъ рѣшительныя мѣры противъ возстанія и съ помощью артиллеріи отъѣснилъ рабочихъ изъ центра города къ окраинамъ.

Одержавъ побѣду, Каваньякъ 27-го іюня сложилъ съ себя свои полномочія. Но національное собраніе ему ихъ возвратило, сдѣлавъ его «главой исполнительной власти и президентомъ кабинета». Тогда Каваньякъ принялъ строгія реакціонныя мѣры. Национальныя мастерскія и наиболѣе вольнодумные клубы были закрыты, одиннадцать наиболѣе враждебно настроенныхъ газетъ запретили, остальные же отданы на поруки разнымъ лицамъ; осадное положеніе Парижа продолжено на неопредѣленное время.

Только теперь національное собраніе приступило къ своей главной задачѣ — созданію новой кон-

ституціи. 4-го ноября вновь выработанная конституція была принята, а 12-го ноября обнародована на площади Согласія.

Новая конституція содержала увѣреніе, что всякая власть исходитъ отъ верховнаго народа, говорила о неизбежныхъ человѣческихъ правахъ. Этотъ верховный народъ переносилъ отнынѣ свою власть на *законодательное собраніе*, состоящее изъ 750 членовъ, избираемыхъ на три года депутатами путемъ всеобщей подачи голосовъ выборными списками, собираемыми по кантонамъ и въ которыхъ должны были участвовать даже солдаты. Но не эти депутаты, а самъ народъ избиралъ *президента*, который долженъ былъ стоять во главѣ государства срокомъ на четыре года; новые выборы могли состояться лишь по истеченіи четырехъ лѣтъ. Президентъ находился въ особомъ положеніи, благодаря тому, что былъ обязанъ властью непосредственно народной волѣ и могъ апеллировать къ народу, тогда какъ по отношенію къ національному собранію не имѣлъ права «*veto*» и не могъ распустить его. Кромѣ того, онъ несъ одинаковую отвѣтственность со своими министрами, но все-таки имѣлъ возможность дѣйствовать нигдѣ независимо отъ министровъ.

Изъ 15-ти вторичныхъ выборовъ, состоявшихся въ сентябрѣ, 13 были благопріятны монархистамъ; между прочими прошли въ національное собраніе *графъ Моля*, *маршалъ Бюжо*, принцъ *Луи Наполеонъ*; они были избраны въ Парижъ и еще въ четырехъ департаментахъ.

Всѣ стали возлагать надежды на новый порядокъ вещей, обещаемый конституціей; отъ подлежащаго избранію президента ожидали возвращенія къ лучшимъ временамъ. Вначалѣ не подлежало сомнѣнію, что *Каваньякъ* былъ-бы наиболѣе достойнымъ президентомъ, но заявленіе его,

что онъ считаетъ долгомъ быть непримиримымъ врагомъ всѣхъ враговъ республики, лишило его симпатій крайнихъ монархистовъ. Къ этому присоединился римскій вопросъ. Папа нуждался въ помощи противъ разразившейся въ Римѣ революціи. Каваньякъ сперва остался равнодушенъ, но, когда понялъ, какое значеніе это обстоятельство можетъ имѣть для него лично, распорядился отправкой моремъ въ Чивита-Веккію 3.500 человекъ и, кромѣ того, предлагалъ папѣ пріѣхать во Францію. Но уже было поздно; данный Каваньякомъ консерваторамъ уклончивый отвѣтъ побудилъ послѣднихъ обратиться къ принцу *Наполеону*; послѣдняго считали незначительнымъ авантюристомъ, отъ коего, по желанію, можно было легко отдѣлаться, и многіе изъ легитимистовъ стояли за него въ надеждѣ, что впослѣдствіи не трудно будетъ его устранить и предоставить корону Генриху V. Кромѣ того, 11-го октября національное собраніе единогласно отмѣнило направленнй противъ членовъ семейства Наполеоновъ декретъ объ изгнаніи. Принцъ немедленно отозвался на выраженное правой желаніе; въ особенности-же сумѣлъ онъ расположить въ свою пользу вождей ультрамонтановъ—*Монталанбера* и *Фаллу*, обѣщавъ церкви и школѣ свободу, т. е., въ сущности, подчиненіе послѣдней первой. Онъ написалъ также циркуляръ, въ

которомъ высказался за охрану папы. 29-го ноября онъ обратился къ избирателямъ съ манифестомъ, обѣщая уменьшеніе налоговъ, примиреніе партій, увеличеніе жалованья и пенсій унтеръ-офицерамъ и ветеранамъ и много другихъ прекрасныхъ вещей.

Наполеоновская легенда о побѣдоносномъ завоевателѣ также производила дѣйствіе. Бонапартистскіе агенты повсюду дѣятельно работали, тогда какъ самъ принцъ лишь изрѣдка показывался въ собраніи. Особенно-же важно было то, что принцъ держался вдалекѣ отъ борьбы партій, такъ что всѣ партіи могли возлагать на него надежды.

Рѣшительнымъ днемъ было 10-е декабря. Выборы состоялись вездѣ въ совершенномъ спокойствіи и порядкѣ. Результатъ былъ тотъ, что изъ 7.324.672 голосовъ «гражданинъ Луи Бонапартъ» получилъ 5.434.226, имѣя большинство въ 82 департаментахъ. *Луи Наполеонъ* былъ избранъ президентомъ французской республики до второго воскресенья мая мѣсяца 1852 г. 20-го декабря 1848 г. онъ присягнулъ «оставаться вѣрнымъ демократической республикѣ и поддерживать конституцію», а въ обращенной къ національному собранію рѣчи обѣщалъ «видѣть враговъ отечества въ тѣхъ, кто сдѣлалъ-бы попытку измѣнить форму правленія нелегальнымъ путемъ».

Культурная жизнь во Франціи во второй четверти XIX вѣка.

Своеобразные скачки, наблюдаемые въ политической жизни Франціи послѣ смерти Людовика XVIII, замѣчаются также и во французской *литературѣ* этого періода.

Къ эпохѣ строгаго легитимизма принадлежитъ еще *Гюгъ Фелисите Робертъ де Ламеннэ* (1782 — 1854 гг.), родомъ изъ Сень-Мало.

Происходя изъ зажиточнаго и почтеннаго семейства, онъ уже во время имперіи подвергся преслѣдованіямъ полиціи за свою болѣе чѣмъ ультрамонтанскую точку зрѣнія въ «Размышленіяхъ о состояніи церкви въ XVIII вѣкѣ и въ настоящее время». Его книга «Объ индифферентизмѣ къ церков-

нымъ вопросамъ» (1817 — 1823 гг.) сдѣлала ему репутацію столпа церкви, тогда какъ правительство смотрѣло на него съ недоверіемъ: монархизмъ игралъ у него роль какого-то придатка церкви. Зато папа Левъ XII помѣстилъ его портретъ въ своей приемной, когда-же онъ посѣтилъ случайно Римъ — принялъ его съ особымъ почетомъ. Но, когда въ 1826 г., въ сочиненіи «О религіи въ ея отношеніяхъ къ политическому и гражданскому строю», онъ подвергъ осужденію даже правовѣрную Францію, все современное государство и общество, Римъ удалился отъ этого пылкаго радикала, чѣмъ ожесточилъ его и положилъ начало перемѣнѣ его мыслей. Онъ сталъ требовать свободы печати, церкви, обученія, предлагая, чтобы церковь освободилась отъ государства, отказавшись отъ своихъ богатствъ. Около года спустя, въ его «Словахъ вѣрующаго» (1834 г.) появился написанный библейскимъ стилемъ гимнъ революціи, родъ нагорной проповѣди о политической свободѣ и равенствѣ, въ духѣ древнихъ христіанъ. Книга эта была переведена на всѣ европейскіе языки, но папа Григорій XVI проклялъ ее въ особой энцикликѣ.

Подобныя-же метаморфозы пережили *Альфонсъ де Ламартинъ* (1794—1864 гг.), родомъ изъ Маку. Его первыя стихотворенія: «Méditations poétiques (Поэтическія размышленія)» (1820 г.), «Nouvelles méditations (Новыя размышленія)» (1823 г.), «Harmonies poétiques et religieuses (Поэтическія и религіозныя гармоніи)» (1828 г.), положившія основаніе его поэтической славы и открывшія ему въ 1829 г. двери академіи, проникнуты той мечтательностью и элегичностью, которая находила откликъ въ сердцахъ религіозныхъ легитимистовъ. Значительное состояніе позволяло ему вести роскошную жизнь. Іюльская революція глубоко уязвила его, онъ пред-

принялъ путешествіе на востокъ и въ 1835 г. блестяще описалъ его въ четырехъ томахъ. Въ томъ-же году вышло его капитальное поэтическое произведеніе «Жоселанъ» (Joselyn), рисующее проведенное въ жизнь христіанство, добродѣтель и самоотреченіе истинно человѣчныхъ людей, т. е., вещи, все болѣе и болѣе становившіяся чуждыми современности. Но появившаяся въ 1833 г. книга «La chute d'un ange (Паденіе ангела)» встрѣтила положительно холодный приемъ; ею, можно сказать, закончился легитимистскій періодъ. Въ палатѣ онъ все болѣе и болѣе сближался съ оппозиціей и, наконецъ, въ 1847 году въ очень извѣстной своей «Исторіи жирондистовъ» явился вполне солидарнымъ съ республиканскими убѣжденіями своихъ героевъ. Вслѣдствіе этого ему и пришлось играть роль руководителя во время февральской революціи. Онъ написалъ также исторію реставраціи, исторію Россіи, исторію Турціи и проч.; главное достоинство этихъ работъ — изящное изложеніе.

Продуктомъ этого періода броженія былъ также и *Викторъ Гюго* (1802—1885 гг.). Онъ родился въ Безансонѣ отъ офицера-бонапартиста и матери-роялистки; славился онъ, какъ лирическій поэтъ, драматургъ и романистъ. Въ немъ преобладаетъ лирическій поэтъ; его «Осенніе листья» (1831 г.), «Пѣсни сумерекъ» (1835 г.), «Внутренніе голоса» (1837 г.) — мастерскія произведенія. Изъ драматическихъ вещей онъ написалъ «Кромвеля» (1827 г.), «Маріона Делормъ» (1829 г.), «Эрнани» (1830 г.), «Король забавляется» и др. Заявивъ себя вначалѣ въ одахъ своихъ классикомъ и приверженцемъ роялизма, онъ при Карлѣ X перешелъ къ лѣвой партіи, причѣмъ это отразилось и въ его литературныхъ произведеніяхъ. Подъ названіемъ «Вечеря» (Cénacle) вокругъ него сгруппировался кружокъ пылкихъ молодыхъ литера-

торовъ, навязавшихъ ему, какъ поэту, революціонное знамя. Уже «Кромвель» шелъ въ разрѣзъ съ классическимъ направлениемъ, а во время перваго представленія «Эриани» дѣло дошло до кулачной расправы между приверженцами классицизма и романтиками. Пособдіе, наконецъ, побѣдили; это была побѣда романтической драмы надъ классической трагедіей. Принятый во французскую академію, а въ 1845 г. возведенный въ достоинство пэра, Гюго въ общемъ относился къ правительству благосклонно. Но въ послѣдствіи онъ сталъ яркимъ противникомъ Луи Наполеона. Эти противорѣчія и контрасты отразились и въ его сочиненіяхъ, особенно въ его популярномъ романѣ «Соборъ Парижской Богоматери» (1831 г.).

Рядомъ съ Викторомъ Гюго, въ числѣ менѣе крупныхъ представителей романтики, назовемъ *Альфреда де Виньи* (1798—1863 гг.), поэта, изливаемаго свою міровую скорбь въ стихахъ, кромѣ того, извѣстнаго, какъ хорошаго переводчикъ Шекспира, а въ романахъ — ученика Вальтеръ-Скотта; *Проспера Меримэ* (1803—1870 гг.) — хорошаго изслѣдователя древностей и поклонника южной поэзіи, и, наконецъ, *Альфреда де Мюссэ* (1810—1857 гг.), поэта со свободными нравами, даваемаго тонкія характеристики легкомысленнаго, чувственаго и испорченнаго общества временъ буржуазнаго роялизма. Фантастическими преувеличенностями и искусственностью, напоминающими Гюго, отличаются романы *виконта д' Арленкуръ*, а главное — *Фредерика Сулье* (1800—1847 гг.), который своими описаніями испорченности и негодности высшихъ классовъ немало способствовалъ пробужденію и укрѣпленію сословной ненависти въ средѣ социалистической партіи. Напротивъ, *Эмиль Сувестръ* въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ (1808—1854 гг.), затѣмъ, *Ксавье де Мэстръ* (1764—1852 гг.), а главное,

Рудольфъ Тенферъ возвратились къ простотѣ и природѣ.

Во время іюльской монархіи получилъ распространеніе весьма характерный для того періода родъ литературы: современная драма, изобилующая ужасами и потворствующая чувственности, и романъ того-же направленія. Главный представитель этого рода — *Александръ Дюма - отецъ* (1803—1870 гг.), въ безчисленныхъ пьесахъ изображавшій на сценѣ разные историческіе ужасы, а также разочарованную современность, а иногда (напр., въ «графъ Монте-Кристо») пытавшійся въ своихъ романахъ лихорадочно возбуждать нервы своихъ современниковъ. *Сынъ его*, носившій то-же имя (род. въ 1824 г.), какъ въ драмахъ («Дама съ камеліями» *), такъ и въ романахъ охотнѣе всего вращался въ сферѣ полусвѣта и своими пикантными описаніями общественнаго круга съ сомнительной репутацией стяжалъ себѣ такіе-же лавры, какъ и отецъ. Вкусу времени къ легкой литературѣ удовлетворялъ также плодовитый и опытный драматургъ *Авг. Евг. Скрибъ* (1791—1861 гг.).

Въ общемъ романтика болѣе молодыхъ писателей была проникнута духомъ оппозиціи. Такого-же направленія держались и писатели, благодаря изученію античнаго эллинизма ставшіе дѣйствительно на классическую почву. Къ нимъ принадлежали *Августъ Бартеlemi* (1796—1867 гг.) и *Мери* (1798—1866 гг.), осыпавшіе Бурбоновъ ѣдкими насмѣшками и тѣмъ способствовавшіе іюльской революціи. Въ числѣ драматурговъ, искусно умѣвшихъ сочетать романтическія идеи съ классической формой, нужно назвать *Казимира Делавиня* (1794—1848 гг.), получившаго извѣстность въ области исторической драмы и комедіи. Съ другой стороны, симпатіи къ клас-

*) Передѣлана изъ романа того-же заглавія.

сицизму поддерживались, хотя и недолго, увлекательной игрой драматической актрисы-еврейки *Эммы Рашель Феликсъ* (1820—1858 гг.), такъ что даже пьесы Корнеля и Расина вошли опять въ репертуаръ.

Нполюй естественно, что новыя общественныя и экономическія проблемы, прогрессъ точныхъ наукъ и измѣнчивая политическая жизнь Франціи нашли себѣ выраженіе въ романѣ, а именно: въ *соціальному роману*. Первымъ, выступившимъ въ этой области, былъ *Онорэ Бальзакъ* (1799—1850 гг.), родомъ изъ Тура; его замѣчательныя творенія жадно читались не только во Франціи, но также въ славянскихъ и южно-романскихъ земляхъ. У него было крайне пессимистическое міросозерцаніе: «Умъ, вождельнія и воля подтачиваютъ человѣка; жизнь убивается самой жизнью»,—писалъ онъ. *Графиня Жанлисъ* (1746—1830 гг.), *Амабль Тастю* (1798—1849 гг.), *Дельфина Гей Жирарденъ* (1804—1855 гг.)—все это были болѣе или менѣе искусныя, пользовавшіяся, болѣе или менѣе, успѣхомъ представительницы лирики, романа и комедии нравовъ.

Прочное вліяніе въ области соціального романа съ тенденціей имѣла, благодаря своимъ гениальнымъ творческимъ силамъ, извѣстная подъ именемъ *Жоржъ Зандъ* *), баронесса *Аврора Людеванъ*, рожд. *Дюпенъ* (1804—1876 гг.), родившаяся въ Парижѣ, въ семьѣ, родоначальникомъ которой былъ со

стороны отца извѣстный маршалъ *Морицъ Саксонскій*, сынъ Августа Сильнаго и графини Авроры Кенигсмаркъ.

Если въ книгахъ Жоржъ Зандъ всегда выражена нравственная воля автора, хотя-бы и противорѣчащая общепринятой морали, то другіе авторы видѣли въ затронутой ею темѣ ниспосланный судьбой случай поправить свои финансы, благодаря соціальному тенденціозному роману. Наряду съ отцомъ и сыномъ Дюма, никто не постигъ этой тайны лучше *Евгенія Сю* (1804—1857 гг.); послѣ долгихъ путешествій и среди жизни, полной разврата и излишествъ, онъ явился виртуозомъ въ описаніи грязныхъ сторонъ жизни, всего уродливаго, отвратительнаго и безнравственнаго. «Парижскія тайны» и «Вѣчный жидъ» имѣли при появленіи своемъ почти безпримѣрный успѣхъ. Безобиднѣе, хотя едва-ли приличнѣе, была легкомысленная муза *Польде Кока* (1794—1871 гг.), исторійки котораго всюду охотно читались.

Въ тѣсной связи съ все увеличивающейся быстротой жизни стояло развитіе *фельетона*, родиной котораго была Франція. Вслѣдствіе ограниченности отведеннаго ему мѣста, онъ долженъ былъ получить афористическую или эпитиграмматическую форму. Повидимому, положеніе фельетона *подъ* редакціонной чертой снимало съ авторовъ этой болтовни отвѣтственность за серьезное и правдивое отношеніе къ дѣлу и за строго стилистическую разработку ма-

*) Преисполненная стремленія къ творчеству и самостоятельности, она въ началѣ своей дѣятельности имѣла случай ознакомиться съ лишеніями и мрачными сторонами „богеми“—жизни писателей, похожей на цыганскій бытъ. Къ первому періоду ея творчества относятся „Роза и Біанка“, „Индіана“, „Жакъ“, „Валентина“, „Лелія Андрэ“, „Леоне Леони“—романы, въ большей части которыхъ осуждается современныи бракъ и отстаивается свободный выборъ по влеченію сердца. Характеръ романа „Спиридонъ“— мистико-симво-

лическій; слѣды того-же направленія замѣтны вездѣ въ замѣчательномъ романѣ изъ міра искусства—„Консюэло“ (1842 г.). Поддерживая съ 1834 г. сношенія съ республиканцемъ Мишелемъ де Буржъ, Жоржъ Зандъ была выразительницей жаланій „народа“ и антагонисткой буржуазіи, что сблизило ее также съ Ламеннэ. Февральская революція вызвала въ ней большой энтузіазмъ и побудила къ участию въ ежедневной прессѣ (печати); но затѣмъ и у нея наступила реакція.

теріала. *Жюль Жаненъ* (1804 — 1874 гг.), родомъ изъ южной Франціи, еврей по происхожденію, отличался большимъ мастерствомъ въ писаніи фельетоновъ и особенно фельетонныхъ романовъ. Родственнымъ ему по духу былъ *Альфонсъ Карръ* (1808 — 1890 гг.), редакторъ газеты «Фигаро».

Выдающееся положеніе среди французскихъ философовъ занималъ упомянутый уже социалистъ *Изидоръ Огюстъ Франсуа Контъ* (1798—1857 гг.), въ «*позитивизмъ*» котораго вѣрно отражается духъ времени. По его мнѣнію, ни съ теологической, ни съ метафизической точки зрѣнія нельзя удовлетворительно объяснить вселенную и всѣ ея явленія, а можно лишь съ той, которую онъ называетъ позитивной; съ этой точки зрѣнія всѣ явленія подчинены вѣчнымъ законамъ природы, не допускающимъ вмѣшательства ничьей воли, а тѣмъ болѣе сверхъестественной; изучать эти законы призваны по преимуществу точныя науки. Представителемъ идеализма въ духѣ нѣмецкой философіи былъ *Викторъ Кузенъ* (1792—1867 гг.). Онъ выводилъ необходимость вѣры въ этические идеалы изъ самой природы души; онъ придавалъ большое значеніе воспитанію народнаго духа путемъ распространенія знаній, которыя помогли-бы народу освободиться отъ ига безнравственности. Кузенъ — убѣжденный деистъ; для него міръ безъ Бога такъ-же непонятенъ, какъ и Богъ безъ міра. Смыслъ исторіи онъ видитъ въ развитіи идей. На Кузена имѣлъ вліяніе *Руйе Колларъ* (1763—1845 гг.) и, главнымъ образомъ, *Мэнъ де Биранъ* (1766—1824 гг.), котораго онъ называетъ первымъ французскимъ метафизикомъ своего вѣка. Наиболее извѣстнымъ изъ учениковъ Кузена былъ *Теодоръ Жуффруа* (1796—1842 гг.), отличавшійся отъ своего учителя большей методичностью и точностью. Для Кузена, въ особенности съ конца двадца-

тыхъ годовъ, въ философіи играла роль не столько чистая наука, сколько борьба противъ ложныхъ доктринъ. Достиженію намѣченной цѣли не мало способствовали его выдающіяся личныя качества. Послѣ паденія Бурбоновъ во французскихъ школахъ сказывалось исключительно вліяніе философіи Кузена.

Хотя большинство наполеоновскихъ учреждений и не устояло во время реставраціи и іюльской монархіи, однако, въ народномъ образованіи централистическія мѣропріятія императора сохранили свою силу. Военныя упражненія, разумѣется, исчезли, и цѣлью школьнаго распорядка перестала быть дрессировка солдатъ. Зато въ октябрѣ 1814 г. духовныя семинаріи были снова подчинены епископамъ. Въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ замѣчалось стремленіе устранить отъ преподавательскихъ должностей черезчуръ самостоятельныхъ мыслителей, замѣняя ихъ духовными лицами или строго провѣренными наставниками.

Во время іюльской монархіи «*французскій институтъ* (Institut de France)» снова поднялся на прежнюю высоту, благодаря учрежденію академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Въ 1833 г. Гизо озаботился поставить на прочную почву народное обученіе — дать для него матеріальныя средства, сдѣлать общедоступнымъ и отвѣчающимъ своему назначенію. Что-же касается шаблоннаго высшаго образованія, то министерству Гизо не удалось внести въ него улучшенія.

Историческія сочиненія тоже отвѣчали общему характеру эпохи. Имѣлись добросовѣстные исследователи. Сочиненія *Франсуа Гизо* (1787—1874 гг.) — «Исторія цивилизаціи въ Европѣ», «Культурная исторія Франціи среднихъ вѣковъ», «Исторія англійской революціи» — свидѣлствуютъ объ его богатомъ опытѣ и дипломати-

ческомъ навыкѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его пуританская трезвенность, недовѣріе къ гениальнымъ натурамъ, его политико-религіозныя тенденціи и эклектизмъ въ философіи въ общемъ оставляютъ читателя холоднымъ. Романтиками заявили себя *Амедей Тьерри* въ сочиненіяхъ о среднихъ вѣкахъ Франціи («Исторія завоеванія Англіи норманнами», «Разказы изъ временъ Меровинговъ», «Исторія галловъ» и т. д.) и Жанъ Батистъ Оноре Раймонсъ *Канфигъ* (1802—1872 гг.), а также *Сисмонди* (1773—1842 гг.) въ своей «Исторіи Франціи и итальянскихъ республикъ въ средніе вѣка».

Въ области литературы слѣдуетъ упомянуть о превосходныхъ работахъ Абеля Франсуа *Вильмэна* (1790—1870 гг.), какъ, наприм., «Курсъ французской литературы», заявившаго себя и хорошимъ историкомъ въ сочиненіи о «Григоріи VII», а съ 1840 по 1844 г. съ успѣхомъ занимавшаго постъ министра народнаго просвѣщенія; далѣе, объ остроумныхъ бесѣдахъ *Сентъ-Бева* (1803—1869 гг.) и о работахъ *Эдгара Кине* (1803—1875 гг.), посвященныхъ отечественной литературѣ и борьбѣ съ ультрамонтанствомъ. Въ однородной съ нимъ области работалъ и *Жюль Мишле* (1798—1874 гг.), авторъ римской исторіи и весьма популярной исторіи Франціи. Склонность къ республиканству обнаруживаетъ *Анри Мартэнъ* (1810—1883 гг.), хотя его «Исторія Франціи», написанная при монархическомъ правленіи, проникнута безпристрастіемъ и любовью къ истинѣ и основана на строго-точныхъ изслѣдованіяхъ. Объективнѣе, чѣмъ Мишле, отнесся къ французской революціи 1789 г. *Ф. А. Минье* (1796—1874 гг.), доказавъ въ ея исторіи логическую неизбѣжность ея, но также и то, что каждое отступленіе отъ хода естественнаго развитія влечетъ за собою кару и что все преувеличенное недолговѣчно. Поклонникомъ французской рево-

люціи заявилъ себя въ исторіи послѣдней *Адольфъ Тьеръ* (1797—1876 гг.), извѣстный уже намъ государственный человекъ. Но затѣмъ ту-же блестящую реторику, тѣ-же восхваленія находимъ мы и въ его «Исторіи консульства и имперіи», сохранившей до сихъ поръ цѣнность, благодаря пользованію подлинными документами. Въ противоположность ему, *Пьеръ Ланфрей* (1828—1877 гг.) въ «Исторіи Наполеона I» развѣнчиваетъ этого героя. Цѣнный матеріаль для уразумѣнія смысла великаго движенія 1789 г. даетъ графъ *Александръ Токвиль* въ «Исторіи Людовика XV» и сочиненіи «Старый режимъ и революція»; немаловажны также его заслуги, какъ государственнаго человека. *Луи Бланъ* (1813—1882 гг.) написалъ «Исторію десяти лѣтъ» (1830—1840 гг.), вполне выражающую его демократическіе и социалистическіе взгляды; его перу принадлежитъ также «Исторія революціи».

Въ соответствіи съ общимъ умственнымъ направленіемъ того времени, живопись занимала болѣе выдающееся мѣсто въ искусствѣ, чѣмъ скульптура. Классицизмъ Давида и его школы потерпѣлъ окончательное пораженіе, когда въ 1819 г. въ «Салонѣ» появилась картина *Луи Андрэ Теодора Жерико* (1791—1824 гг.)—«Гибель Медузы», поразительно правдиво изображающая страданія потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, сгруппированныхъ на плоту. Въ томъ-же году выставилъ нѣсколько картинъ *Доминикъ Августъ Энгеръ* (1781—1867 гг.), но не имѣлъ прочнаго успѣха. Однако, за свою картину «Обѣтъ Людовика XIII» (1822 г.) онъ удостоился названія «французскаго Рафаэля». Еще болѣе, чѣмъ Жерико, былъ выразителемъ республиканскихъ инстинктовъ своего народа и душевныхъ бурь художникъ *Евгеній Делакруа* (1798—1863 г.); онъ въ своихъ картинахъ «Цантъ и Виргилій у злобствующихъ», «Крова-

вая баня на Хиосѣ», «Охота на львовъ», «Медея», «Баррикады 1830 г., какъ эмблема свободы», и др. изображалъ по преимуществу мрачныя стороны человѣческой природы. Къ этому направленію нерѣдко примѣшивался религіозный, или, вѣрнѣе, церковный отънокъ. Такъ, напр., Энгръ изобразилъ мученичество св. Симфоріона и Иисуса Христа среди книжниковъ; *Ари Шефферъ* (1795—1858 гг.) нарисовалъ «Утѣшающаго Спасителя», «Поклоненіе волхвовъ», «Св. Августина» и пр. Но и въ области реально-романтической исторической живописи онъ далъ замѣчательныя вещи: «Графъ Эбергардъ у трупа сына», «Клодвигъ въ Цюльнихской битвѣ», «Франческа да Римини». Его нѣсколько слащавая мягкость вполне отвѣчала современному вкусу. Въ этотъ періодъ преобладанія реализма выдавался по чистотѣ стиля, гармоніи формъ и красокъ и граціозному идеализму *Леопольдъ Робертъ* (1794—1835 гг.), мастерски, хотя и съ сильной идеализаціей, изображавшій сцены изъ итальянской народной жизни. Сынъ знаменитаго Карла Вернэ (1758—1835 гг.) и внукъ пейзажиста и мариниста Клода Жозефа Вернэ (1714—1789 гг.)—*Орасъ Вернэ* (1789—1863 гг.) развилъ въ себѣ до совершенства присущее всему его семейству художественное чутье; Орасъ Вернэ специализировался на изображеніи военныхъ подвиговъ своихъ соотечественниковъ. Онъ способствовалъ упроченію культа Наполеона путемъ искусства. Его знакомство съ Востокомъ помогло ему достойнымъ образомъ живописать исторію войны съ Алжиромъ (штурмъ Константины, битва при Исли, взятіе лагеря Абдъ-эль-Кадера и т. д.). Занимствовалъ онъ также сюжеты и изъ библейской исторіи; сюда относятся: «Ревекка и Элазаръ», «Юдифъ и Олофернъ». Пройдя строгую школу Давида, много лѣтъ учился въ Италіи *Поль Деларошъ* (1797—1856 гг.),

тонко подмѣчавшій индивидуальныя различія и доведшій до кульминаціонной точки реальное направленіе въ исторической живописи. Съ 1847 г. получили извѣстность картины *Жана Леона Жерома* (род. въ 1824 г.), дышашія ничѣмъ не прикрытой чувственностью. Въ 1836 г. одержалъ свой первый успѣхъ картиной «Шахматные игроки» *Луи Эрнестъ Мейсонье* (1815—1895 гг.). Въ *Феликсъ Филиппото* (1815—1884 гг.) нашла себѣ выразителя историческая программная живопись, изъ которой впоследствии развилась панорамная живопись. До геніальнаго совершенства довелъ пейзажную живопись *Александръ Каламъ* (1810—1864 гг.); творенія его: «Развалины Пестума», «Солнечное сіяніе на Монте-Розѣ», «Дубы во время бури» являются украшеніями Луврскаго музея. Изображеніемъ животныхъ приобрѣли всемірную славу *Роза Бонеръ* (род. въ 1822 г.) и еще болѣе совершенный по технику *Константъ Тройонъ* (1810—1865 гг.).

Въ скульптурѣ, какъ уже было сказано, нѣкоторое время продолжала преобладать школа Кановы въ работахъ *Франсуа Жозефа Бозіо* (1769—1845 гг.). И *Джэксъ Прадье* (1792—1852 гг.) еще слѣдовалъ античному стилю въ первыхъ работахъ; но въ позднѣйшихъ своихъ твореніяхъ онъ проявилъ больше теплоты и внѣшняго эффекта. Напротивъ, представителемъ ярко выраженаго реализма и натурализма нужно считать *П. Ж. Давида* изъ г. Анже (1789—1856 гг.), давшего крупныя, монументальныя творенія, въ родѣ конной статуи Кондэ въ Версалѣ, на фронтонѣ Пантеона, и, кромѣ того, рядъ статуй и бюстовъ знаменитыхъ современниковъ.

Архитектура въ эпоху реставраціи была подъ вліяніемъ романтики. *Жанъ Батистъ Антуанъ Лассю* (1807—1857 гг.) и *Эженъ Эмманюэль Виоле ле Дюкъ* вернулись къ готическому стилю XIII

вѣка и пытались приноровить къ современности тѣ рамки, въ которыхъ жилъ Людовикъ Святой. Напротивъ, классическое направление, или, вѣрнѣе, примиреніе его съ романтизмомъ, наблюдается въ работахъ *Жана Жака Гитторфа* (1792 — 1867 гг.).

Скажемъ еще нѣсколько словъ о парижскихъ *модахъ*, уже во время реставраціи и іюльской монархіи царившихъ надъ всею Европой. Въ женскихъ модахъ неестественность и натянутость высшихъ классовъ получала наглядное выраженіе въ сборчатыхъ платьяхъ, поддерживаемыхъ жестко накрахмаленными юбками, и неестествен-

но пышными рукавами. Очертанія головы исчезали подъ высокими прическами, бантами изъ лентъ и украшенными страусовыми перьями шляпами. Но для домашняго обихода причесывались гладко, съ проборомъ; по бокамъ головы висѣли локоны или косы. Мужской костюмъ, напротивъ, выражалъ демократическія, уравнивающія стремленія вѣка. Фракъ и цилиндръ получили всюду право гражданства; о прежнихъ временахъ напоминали только цвѣтные костюмы (голубые, зеленые, свѣтло-коричневые); очень любили дѣлать жилеты изъ матерій съ крупными цвѣтами.

«Бурный годъ» въ Германіи (Sturmjahr).

Причины и начало движенія. Волненія въ Вѣнѣ.

Въ Германіи съ годами умѣренные либералы все болѣе и болѣе удалялись отъ политической жизни; вслѣдствіе этого руководительство оппозиціей, гдѣ она существовала, перешло по большей части къ *радикаламъ*, считавшимъ необходимымъ для осуществленія своихъ республиканскихъ идей ниспровергнуть существующій строй. При этомъ они рассчитывали на солидарность городского и сельскаго пролетаріата. Существовали не столько партіи, сколько духовныя теченія, различнымъ образомъ выражавшія свой протестъ противъ традицій. Но еще шире разлилось *національное теченіе* — и въ этомъ заключалось существенное различіе 1848 г. отъ 1830 г., — имѣя цѣлью дать своему германскому отечеству достойное его устройство; революціонныя движенія въ Германіи получили совершенно иную окраску, чѣмъ во Франціи. Еще въ ноябрѣ 1847 г. король *Фридрихъ Вильгельмъ Прусскій* черезъ генерала *Радовица* приказалъ выработать для князя Меттерниха памятную записку, цѣлью которой было пре-

образование союза германскихъ штатовъ въ тѣсно сплоченное союзное государство.

Но одновременно началось движеніе въ народѣ. По инициативѣ баденскаго депутата *фонъ Цуштейна*, въ *Гейпенгеймѣ* 10-го октября 1847 г. собралась группа членовъ оппозиціи южно-германскихъ палатъ и прусскаго соединеннаго ландтага, для обсужденія вопроса, какимъ путемъ можно было-бы достигнуть усиленія центральной власти союза. По общему мнѣнію, это должно было совершиться путемъ созванія *германскаго парламента* и что на этотъ предметъ должны были быть внесены предложенія въ палаты отдѣльных штатовъ. Впервые это было исполнено въ собравшейся баденской палатѣ мангеймскимъ книгопродавцемъ *Вассерманомъ* 5-го февраля 1848 г.

Тѣмъ временемъ умственное броженіе охватило и *Баварію*. Тамъ при министрѣ *Абель* ультрамонтанство пользовалось неограниченною властью около десяти лѣтъ. Абель добился учрежденія иезуитскихъ монастырей, а регенсбург-

скій епископъ внесъ въ государственный совѣтъ предложеніе голосовать, что должно имѣть перевѣсъ въ спорныхъ вопросахъ: конституція или заключенный съ папою конкордатъ. Это открыло королю глаза на стремленія ультрамонтанской партіи, и онъ рѣшилъ дать отставку клерикальному министерству. Но Абель былъ настолько искусенъ, что умѣлъ уйти съ достоинствомъ. Король имѣлъ намѣреніе дать титулъ графини *Ландсбергъ* испанской танцовщицѣ *доннѣ Маріи Долоресъ Поррисъ и Монтеъ*, родившейся въ 1820 г. и съ 1846 г. пользовавшейся его благосклонностью. Но для этой цѣли ей необходимо было натурализоваться въ Германіи, и для этого, въ свою очередь, требовалась подпись министра. Этимъ удобнымъ случаемъ воспользовался Абель, съ тремя коллегами-единомышленниками, чтобы въ поданномъ 11-го февраля 1847 г. меморандумѣ совершенно неумѣстно раскритиковать связь короля и заявить ему о невозможности натурализаціи, прося объ увольненіи въ случаѣ несогласія короля съ ихъ взглядомъ. 16-го февраля король принялъ просимую министрами отставку. Главой новаго, антиклерикальнаго министерства былъ сдѣланъ *Мауреръ*, которому, разумѣется, пришлось скрѣпить своей подписью вступленіе *Лолы Монтеъ* въ число баварскихъ подданныхъ. Но такъ какъ *Мауреръ* и его коллеги такъ же, какъ и лучшіе круги Мюнхена, избѣгали открытаго общенія съ графиней *Ландсбергъ*, то и это министерство должно было выйти въ отставку; 1-го декабря 1847 г. первымъ министромъ сталъ князь *Эттингенъ Валлерштейнъ*. Теперь можно было по праву говорить о министерствѣ *Лолы*; его потворство глупымъ выходкамъ *Лолы Монтеъ* очень ожесточило общественное мнѣніе. Студенческая исторія положила конецъ этой трагикомедіи. Корпорация *Палація*

исключила изъ своей среды двухъ членовъ, бывавшихъ у *Лолы* въ ея виллѣ и допустившихъ, чтобы она высовывалась изъ окна съ пфальцской шапочкой на головѣ; эти исключенные основали вмѣстѣ съ сочувствовавшими имъ товарищами новую корпорацію — *Аллеманнио*. Въ концѣ января и началѣ февраля дѣло дошло до сборищъ и кровопролитія, а 9-го февраля *Лола* была оскорблена ругательствами толпы черни. Вскорѣ послѣ этого вспыхнули беспорядки, произведенные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толпою, раздраженною повышеніемъ цѣнъ на пиво и подстрекаемою ультрамонтанами; они стихли, лишь когда король согласился на требованія (11-го февр.) и отдалъ *Лолѣ* приказъ выѣхать изъ Мюнхена. Но поведеніе мюнхенцевъ, которые были одолжены ему столь многими, казалось ему обиднымъ до такой степени, что онъ хотѣлъ сложить съ себя корону. Извѣстія о парижской революціи и новыя волненія въ Мюнхенѣ утвердили его въ этой мысли, и 20-го марта 1848 г. онъ отказался отъ престола въ пользу своего сына, *Максимиліана*. Умеръ *Людвигъ I* въ Ниццѣ 20-го февраля 1868 г.

И при такомъ общемъ возбужденіи, особенно въ южной и западной Германіи, разнеслась вѣсть о парижскомъ переворотѣ. Только что устроенное электрическое телеграфное сообщеніе способствовало тому, что событіе стало извѣстнымъ почти одновременно во всѣхъ главныхъ нѣмецкихъ городахъ. Радикалы и социалисты сочли моментъ самымъ удобнымъ для осуществленія задуманныхъ ими переустройствъ.

Недостатка въ основательныхъ жалобахъ на весьма многое нигдѣ не было. Поселяне страдали отъ барщинъ, права охоты помѣщиковъ и ихъ судебной власти надъ ними; въ городахъ низшее сословіе: ремесленники, мелкіе мастера, поденщики и пр. жаловались на

грубость низшей администраціи, запрещеніе курить, запираніе воротъ, акцизы, полицейскія предписанія. Состоятельные лица, буржуазія, чувствуя для себя опасность, сплотились и старались поддерживать порядокъ, но пользовались тоже такою услугою правительству лишь для расширенія своихъ собственныхъ политическихъ правъ. Правительства-же, встревоженные внезапностью и одновременностью повсемѣстныхъ возмущеній, опасались общаго народнаго возстанія и не осмѣливались дать отпоръ сравнительно еще умѣреннымъ притязаніямъ городскихъ обществъ. Требования, выставленныя народною сходкою, подъ главенствомъ *Мати* въ Мангеймѣ (27-го февр. 1848 г.), а именно: свобода печати, суды присяжныхъ, народное вооруженіе и нѣмецкій парламентъ, были приняты *баденскимъ* правительствомъ и тотчасъ-же облетѣли всю Германію. Предъявленныя во вторую палату мангеймскимъ адвокатомъ *Густавомъ Струве* 12 статей, которыми требовались: отмена карлсбадскихъ постановленій, равно какъ и заключенныхъ Союзомъ въ 1832 и 34 гг., приведеніе арміи къ присягѣ на вѣрность конституціи, отвѣтственность министровъ, уничтоженіе привилегированной охоты, перемѣна министерства и посольствъ отъ имени Союзнаго сейма, — были приняты правительствомъ, по предложенію палаты. И въ *Гессенъ-Дармштадтѣ* *Генрихъ фонъ Гагернъ* потребовалъ (28-го февр.), чтобы великій герцогъ употребилъ свое вліяніе на введеніе одной центральной власти въ Германіи и общаго парламента. Баденъ и Вюртембергъ сами ввели уже у себя свободу печати, а Союзный сеймъ даровалъ 3-го марта эту свободу и всѣмъ членамъ Союза. Примеру Бадена и Вюртемберга послѣдовали почти всѣ мелкія государства въ средней и сѣверной Германіи.

Но большинство населенія не понимало еще, что было этимъ достигнуто. Нѣмецкій народъ, исключенный до тѣхъ поръ изъ всякой политической дѣятельности, былъ въ этой незнакомой ему области невѣжественъ и легковѣренъ, какъ дитя.

Прусскій король, въ согласіи съ саксонскимъ, внесъ въ Союзный сеймъ 9-го сентября 1847 г. предложеніе о пересмотрѣ цензурныхъ правилъ. Но сеймъ рѣшилъ установить свободу печати лишь 3-го марта, какъ сказано выше, то есть, подъ вліяніемъ февральской революціи и опираясь на статью 18-ю союзнаго акта.

Было очевидно, что повсемѣстные волненія выразятся и матеріальнымъ образомъ. Въ сѣверной Силезіи и Богеміи неурожаи послѣднихъ лѣтъ повели къ повторявшимся не разъ беспорядкамъ въ ткацкихъ округахъ. Теперь, при крайне суровой зимѣ 1847—1848 года, положеніе ухудшилось еще, и общая неувѣренность въ будущемъ вызвала полный *застой въ дѣлахъ во всей Германіи*. Спросъ на произведенія промышленности внезапно упалъ; въ торговыя сношенія вкралась недовѣрчивость; чистыя деньги исчезли изъ обращенія, а бумажныя не принимались вовсе внѣ своего государства. Множество фабрикъ прекратили свое производство и тысячи рабочихъ остались безъ хлѣба. И сама либеральная буржуазія была вынуждена считаться съ своими убытками. Шире и шире стало распространяться стремленіе къ возврату прежнихъ спокойныхъ временъ съ обезпеченнымъ заработкомъ.

Либерализмъ почерпалъ свою внутреннюю силу именно изъ того, что сталъ поборникомъ *національной* идеи. Эта національная перспектива составляетъ характерное выгодное отличіе движенія 1848 года отъ происходившаго въ 1830г. И, благодаря этой чертѣ, къ либераламъ примкнули многіе кон-

серваторы, которые были одушевлены патриотическимъ чувствомъ.

Союзный сеймъ тоже перешелъ вполне въ лагерь либераловъ и націоналистовъ. Онъ поставилъ пересмотръ союзной конституціи «на дѣйствительно своевременныхъ національныхъ основахъ», объявилъ (9-го марта) черно-красно-золотой цвѣтъ символомъ союза и водрузилъ на союзномъ дворцѣ флагъ этихъ цвѣтовъ, столь долго подвергавшихся преслѣдованію въ качествѣ принятыхъ студенческими корпораціями. 10-го марта были созваны лица, «почтенныя общественнымъ довѣріемъ», для помощи сейму въ его работахъ по пересмотру конституціи.

Но либераламъ угрожала при этомъ опасность подпасть подъ власть *радикаловъ*. Участники *генпенгеймскаго* собранія и нѣкоторые ихъ сторонники устроили 5-го марта въ Гейдельбергѣ сходку для обсужденія настоятельнѣйшихъ злободневныхъ вопросовъ. Они рѣшили созвать на 31-е марта въ *Франкфуртъ-на-Майнѣ* всѣхъ бывшихъ или настоящихъ членовъ нѣмецкихъ законодательныхъ собраній, всѣхъ депутатовъ прусскихъ городовъ и, сверхъ того, нѣсколькихъ замѣчательныхъ представителей нѣмецкой націи, для совмѣстнаго совѣщанія, что составляло-бы родъ нѣмецкаго парламента. Было ясно, что въ *Франкфуртъ южно-германцы* составятъ большинство, а именно: на безпокойномъ юго-западѣ Германіи былъ главный очагъ радикализма. Но побѣда радикаловъ означала ниспроверженіе всего, — и они нашли готовыхъ пособниковъ въ массахъ безработныхъ.

Опасность таилась еще, но была несомнѣнна. За братьями *фонъ Гагернъ*, *Генрихомъ* и *Максомъ*, остается заслуга попытки къ предотвращенію этого бѣдствія. Прусскій король *Фридрихъ Вильгельмъ* не удовольствовался своею занискою о проектѣ союзной реформы:

онъ послалъ *Радовица* въ Вѣну для личнаго воздѣйствія на пользу его идей. Въ 1840 г., а затѣмъ и въ 1845 г. *Меттернихъ* рѣшительно отклонилъ подобныя предложенія, но февральская революція заставила его быть теперь поуступчивѣе: Австрія и Пруссія сообща пригласили нѣмецкихъ государей прислать своихъ министровъ въ *Дрезденъ* къ 25-му марта для обсужденія *реформы союза*. Гагерны основали на этомъ свой проектъ. *Генрихъ*, состоя министромъ-президентомъ въ *Дармштадтѣ*, а *Максъ*, занимая высокій довѣренный постъ въ *Нассау*, убѣдили своихъ государей поручить какъ созваніе нѣмецкаго парламента, такъ и совѣщанія между парламентомъ и государями, ради единообразнаго направленія реформы, одному изъ нѣмецкихъ правительствъ, а именно *прусскому*. Между тѣмъ, прибыло извѣстіе о революціи въ *Вѣнѣ*, а затѣмъ и болѣе подавляющее еще о такомъ-же событіи и въ *Берлинѣ*.

Созваніе общаго сейма въ Пруссіи заставило князя *Меттерниха* подумать о необходимости ввести хотя нѣкоторыя реформы и въ Австріи; однако, онъ снова отложилъ это на время. Но при первомъ извѣстии о февральской революціи явно обозначилось общее недовѣріе къ правительству и государственнымъ дѣламъ въ Австріи. Публика бросилась къ сберегательнымъ кассамъ, вынимая обратно свои вклады; казначейства буквально осаждались толпами, требовавшими размѣна ассигнацій на звонкую монету; серебро совсѣмъ исчезло и банковые билеты находили помѣщеніе лишь съ трудомъ; всѣ думали, что съ потерей государственнаго кредита всѣ правительственныя бумаги утратятъ всякую цѣнность.

На *венгерскомъ сеймѣ*, заседавшемъ въ *Пресбургѣ*, депутатъ *Балогъ* 3-го марта потребовалъ у правительства точнаго отчета о положеніи *Національнаго банка*.

При этомъ случаѣ *Людвигъ Кошутъ*, радикальный агитаторъ, страшно напалъ на Меттерниха и на всю вѣнскую систему вообще, требуя «свободной конституціи». Сословная палата выразила ему шумно свое одобреніе, но палата магнатовъ холодно отклонила отъ всякаго сочувствія такимъ рѣчамъ. Въ *Прагѣ* чешское общество «*Ренеаль*» издало воззваніе, приглашавшее всѣхъ гражданъ на сходку 11-го марта въ залѣ курорта «св. Венцелы». Это собраніе порѣшило отправить въ Вѣну петицію объ удовлетвореніи «четырнадцати чешскихъ желаній», изъ которыхъ первое состояло въ требованіи полнаго равноправія чешской и нѣмецкой національности.

Вѣна была въ крайнемъ возбужденіи; съ каждою почтою прибывали зажигательныя новости: рѣчь *Кошута*, воззваніе «*Ренеалья*», постановленія *гейдельбергскаго* съѣзда. Наконецъ, 12-го марта государственный совѣтъ порѣшилъ, что императорскимъ именнымъ указомъ будетъ общано созваніе сословныхъ чиновъ изъ всѣхъ провинцій, для уясненія мѣстныхъ нуждъ и способовъ къ устраненію золь. Изъ ниже-австрійскихъ областей чины были созваны въ Вѣну на 13-е марта и либеральные члены ихъ явились съ своими проектами реформъ.

Но обстоятельства были такъ запуганы, направленіе умовъ такъ неопредѣленно, что *студенты* могли выставять себя извѣстною силою въ городѣ. Собравшись въ ресторанѣ одного изъ вѣнскихъ предмѣстій, они составили петицію, въ которой требовали свободы печати, рѣчей, преподаванія, исповѣданія и всеобщаго народнаго правительства. Они домогались конституціи, подобной начертанной *Кошутомъ*. Слышны были крики: «долой Меттерниха!». Толпа, испуганная слухомъ о приближеніи войска съ разныхъ сторонъ, ворвалась въ депутатское помѣщеніе и стала вымещать свое не-

довольство на мебели и оконныхъ стеклахъ. Устрашенные сословные депутаты заявили свою готовность отправиться во дворецъ и просить императора объ исполненіи народныхъ желаній. Они двинулись къ *Гофбургу* въ сопровожденіи большой толпы.

Но такая-же толпа осталась и продолжала ломать и портить все. Прибывшія, наконецъ, войска, тѣснимыя со всѣхъ сторонъ народомъ, не знали, что имъ дѣлать. Послѣ полудня военный отрядъ, подъ начальствомъ эрцгерцога *Альбрехта*, пробился во дворецъ, занятый мятежниками, которые стали кидать обломками разбитой мебели въ головы солдатъ, причемъ былъ задѣтъ и самъ эрцгерцогъ. Солдаты дали тогда два залпа по окнамъ зданія; засѣвшая въ немъ толпа разбѣжалась съ громкимъ крикомъ, разнося по улицамъ вѣсти, которыя усиливали общее возбужденіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были построены баррикады; произошли столкновенія между воинскими командами и народомъ.

Собравшаяся гражданская гвардія требовала отправки посланія къ императору съ просьбою удалить изъ города войска. Студенты яростно домогались выдачи имъ оружія. Одна народная толпа разрушила загородную виллу Меттерниха.

Между тѣмъ, въ государственной конференціи, засѣдавшей въ пріемномъ залѣ эрцгерцога *Людвига*, обсуждалась петиція, поданная императору сословными чинами. Послѣ долгихъ совѣщаній было рѣшено сдѣлать попытку примиренія, объявивъ *свободу печати*, въ надеждѣ на то, что эта уступка отвлечетъ образованныхъ лицъ отъ участія въ движеніи. Князь Меттернихъ тотчасъ-же написалъ проектъ закона о печати для Австріи, по образцу изданнаго въ Пруссіи 8-го марта. Тогда одинъ членъ съ графской скамьи сословныхъ чиновъ воскликнулъ:

«Меттернихъ долженъ выйти въ отставку!». Освободительное слово было произнесено, — и со всѣхъ сторонъ ему отвѣтили крики одобренія. Вызванный въ залъ старый государственный канцлеръ понялъ безысходность своего положенія и покинулъ собраніе съ достоинствомъ. Въ концѣ апрѣля онъ отбылъ въ Англію, гдѣ и оставался, пока революція не стихла въ Германіи; но онъ не игралъ болѣе политической роли; умеръ онъ въ 86-лѣтнемъ возрастѣ, 11-го іюля 1859 г.

Депутаціи выразили смыслъ уда-

ленія Меттерниха однимъ своимъ восклицаніемъ: «все даровано!», и радостно поспѣшили разнести эту вѣсть. Но правительство явно обнаружало свою неустойчивость, даже свое безсиліе. Оно подумало снова о серьезномъ сопротивленіи, вручивъ фельдмаршалу князю *Виндизгрецу* диктаторскую власть, но уже черезъ нѣсколько часовъ само отмѣнило эту мѣру, — и вечеромъ 14-го марта государственная конференція, совместно съ засѣдавшими въ ней эрцгерцогами, порѣшила составить проектъ *конституціи для всей Австріи*.

Начало движенія въ Пруссіи.

Февральская революція повліяла и на Пруссію, но еще сильнѣе подѣйствовали на нее вѣнскія событія. Начиная съ марта, во многихъ мѣстахъ стали устраиваться сходки и составлялись адреса къ королю съ изложеніемъ нуждъ и желаній народа. Въ самой столицѣ было неспокойно. 6-го марта значительное число студентовъ и газетныхъ писателей собрались въ «Палаткахъ», какъ называлось увеселительное помѣщеніе на нижнемъ Шпрее, съ цѣлью обсудить положеніе вещей. Здѣсь былъ составленъ адресъ королю въ родѣ тѣхъ, которые появлялись ежедневно въ газетахъ. Но на слѣдующій день у «Палатокъ» собрались еще большія массы народа, и здѣсь былъ сочиненъ новый адресъ королю, которымъ требовалось: общее народное представительство, народное вооруженіе, сокращеніе постоянной арміи, свобода печати и сходокъ. Этотъ адресъ былъ отправленъ почтою королю, такъ какъ городскіе представители отказались его передать.

Возбужденіе толпы расло со дня на день. Сборы у «Палатокъ» принимали бурный характеръ; мѣстами возникали столкновенія между народомъ и военными; была попытка устроить баррикаду. По

городу расхаживали военные патрули; на нѣкоторыхъ пунктахъ были установлены пушки; дворецъ и арсеналъ были заняты солдатами.

Адресъ городскихъ депутатовъ, переданный 14-го марта королю, былъ принятъ имъ благосклонно. Просьба ихъ о скорѣйшемъ созывѣ ландтага была уже выполнена: указъ о томъ на 27-е апрѣля былъ уже подписанъ. Но бреславльскій адресъ требовалъ настоящаго, выбираемаго самимъ народомъ, представительства. Условная свобода печати, дарованная королемъ 8-го марта, казалась теперь тоже не удовлетворительной.

Король находился въ Потсдамѣ, когда имъ было получено извѣстіе о революціи въ Вѣнѣ и о возбужденномъ настроеніи народа въ его столицѣ. Онъ поспѣшилъ въ Берлинъ и долженъ былъ убѣдиться, что либерализмъ охватывалъ всю Германію. Было ясно, что и въ Пруссіи готовится нѣчто рѣшительное, — и король счелъ себя призваннымъ стать во главѣ этого движенія: *Пруссія* должна была совершить переустройство Германіи. Онъ издавна видѣлъ необходимость реформы; теперь наступало время привести въ исполненіе его планы, послѣдствіемъ чего было-бы преобразование Пруссіи

на либеральныхъ началахъ. Въ виду этого требовалось ускорить созваніе ландтага, который и былъ перенесенъ на 2-е апрѣля, причемъ указъ о созваніи долженъ былъ послужить и извѣщеніемъ о намѣреніяхъ Пруссіи относительно предполагаемыхъ переустройствъ. Принцъ Прусскій и министры согласились съ мнѣніемъ короля. Указъ о созваніи ландтага былъ подписанъ утромъ 18-го марта королемъ, принцемъ Прусскимъ и министрами.

Въ то-же утро король призвалъ къ себѣ графа *Арнимъ-Бойценбурга* и возложилъ на него предсѣдательство во вновь образуемомъ министерствѣ, въ составъ котораго вошли двое изъ значительнѣйшихъ вождей лѣвой на ландтагъ: графъ *Шверинъ* и *фонъ Ауэрсвальдъ*.

Но прибытіе кельнской депутаціи 17-го марта много способствовало тому, что и умѣренные сдѣлали массовую демонстрацію, не желая отстать отъ кельнцевъ. Эта депутація была принята королемъ 18-го марта. Принцъ Прусскій присутствовалъ тоже при аудіенціи. Оберъ-бургомистръ *фонъ Витгенштейнъ* изложилъ въ горячей рѣчи опасное положеніе рейнскихъ областей и умолялъ короля принять великодушное рѣшеніе. Фридрихъ Вильгельмъ отвѣтилъ, что выраженные Кельномъ желанія совершенно совпадаютъ съ его собственными, что прокламаціи съ изъявленіемъ согласія на народныя желанія уже печатаются, и отпустилъ рейнскую депутацію, поручая ей успокоить населеніе этой вѣстью.

Между тѣмъ, городскія власти обсуждали тоже посланіе къ королю, испрашивая свободу печати, вооруженіе гражданъ, учрежденіе либеральнаго министерства, введеніе конституціи, равно какъ скорѣйшее созваніе ландтага. Они воротились изъ дворца около 11 часовъ, и принесенное ими извѣстіе о томъ, что король уже исполнилъ

часть ихъ просьбы, а остальную будетъ имѣть теперь-же въ виду, произвело самое отрадное впечатлѣніе.

При столь успокоительныхъ намѣреніяхъ правительства подготовлявшаяся демонстрація на дворцовой площади становилась совершенно безцѣльной. Тѣмъ не менѣе, на сказанной площади собралась громаднѣйшая толпа, громогласно оглашавшая воздухъ привѣтствіями въ честь короля. На внутреннемъ дворцовомъ дворѣ стояли гвардейскіе батальоны, но солдаты просто курили или болтали между собою. Бургомистръ *Наунинъ*, выйдя на балконъ вмѣстѣ съ королемъ, провозгласилъ зычнымъ голосомъ: «Король даруетъ все! Король желаетъ, чтобы конституція на либеральныхъ основахъ объяла всѣ нѣмецкія земли и чтобы Пруссія стала во главѣ этого движенія!». Снова раздались радостные клики въ честь короля; онъ выпелъ вторично на балконъ и благодарилъ народъ.

Но скоро сцена перемѣнилась. Большинство горожанъ разошлось, но рабочіе и ремесленные подмастерья стали собираться въ группу и число ихъ умножалось. Одна кучка, протѣсняясь до дворцовыхъ воротъ, увидѣла расположенныхъ на внутреннемъ дворѣ солдатъ и стала кричать: «Прочь военныхъ!». Этотъ возгласъ раздавался все громче и громче и толпа стала грозно напирать на дворецъ. Король, слыша, что всѣ слова почтенныхъ людей, увѣщавшихъ толпу разойтись, были напрасны, счелъ нужнымъ прибѣгнуть уже къ мѣрамъ строгости. Онъ передалъ начальство надъ войскомъ генералу *фонъ Притвицу* и приказалъ очистить конницею дворцовую площадь. Но тогда быстро стали строиться баррикады: менѣе, нежели черезъ два часа, даже самыя отдаленныя улицы въ городѣ покрылись окопами, на которыхъ развѣвались черно-красно-золотистые флаги.

Но король сдѣлалъ еще попытку прекратить начавшуюся борьбу. Два человека вынесли изъ дворца громадный холстъ, растянутый на двухъ жердяхъ и съ надписью громадными буквами: «*Недоразуміе! Король желаетъ всего лучшаго!*». Но никто не отозвался на этотъ призывъ; даже двѣ быстро отпечатанныя правительственныя прокламаціи не оказали вліянія.

Тогда баррикады подверглись обстрѣливанію картечью. Депутаціи за депутаціями спѣшили къ королю, прося его прекратить эту уличную битву; онъ могъ отвѣтить имъ лишь одно, а именно, что удалить войска, какъ только будутъ сняты баррикады. Но наступила ночь, а со всѣхъ городскихъ колоколенъ разносился еще зловѣщій набатъ и на сѣверной сторонѣ города расло зарево отъ горѣвшаго артиллерійскаго завода, пугая объятыхъ ужасомъ обывателей еще новымъ бѣдствіемъ отъ огня. Король не спалъ и приказалъ расклеить новую прокламацію, рассчитанную на успокоеніе города.

Къ утру благоразумные изъ жителей рѣшили принять мѣры къ водворенію порядка и стали разбирать баррикады. Это послужило къ повороту дѣла: депутація горожанъ заявила королю о происшедшемъ, прося его отозвать теперь войска, чтобы покончить этимъ борьбу, и поручить охрану дворца гражданской стражѣ. На королевскомъ совѣтѣ голоса раздѣлились, однако, король приказалъ отозвать военныя команды. Этотъ приказъ былъ не совсѣмъ вѣрно понятъ, и вмѣсто того, чтобы воротиться во дворецъ, войска были совершенно выведены изъ города 19-го марта, оставивъ короля почти совершенно беззащитнымъ. Только въ 2 часа пополудни, послѣ согласія короля на народное вооруженіе, гражданская стража заняла дворцовыя кауальни.

„Всемирная Исторія“. Т. IV.

Прокламація короля, въ которой онъ возвѣщалъ о назначеніи *новаго министерства* (*Арнимъ-Бойценбургъ, Шверинъ, Ауэрсвальдъ, Арнимъ-Штрикъ, Бюне, Борнеманъ*), произвела самое радостное впечатлѣніе. Восторгъ былъ всеобщій; горожане выразили свою благодарность устройствомъ иллюминаціи. Радикалы и социалисты истолковывали общее ликование въ смыслъ торжества революціи, но своеобразность берлинской революціи заключалась именно въ томъ, что она, не выразась никакимъ непосредственнымъ результатомъ, почти не измѣняла прежняго, до-революціоннаго порядка вещей. Въ глубинѣ ея таился, однако, тотъ фактъ, что связь между престоломъ и либералами не порвалась, а радикалы умѣли тоже удержаться на своей позиціи.

Движеніе 18-го марта не было возстаніемъ противъ трона. Если главы возстанія и подстрекатели имѣли цѣлью ниспроверженіе монархіи, то тысячи изъ послѣдовавшихъ за ними на баррикады были далеки отъ этого, и 20-го марта король издалъ прокламацію, въ которой объявлялъ общую амнистію за политическія преступленія. Этимъ отворялись двери тюрьмы и для *поляковъ*, осужденныхъ въ 1846 г. Между ними были: *Мѣрославскій, Либельтъ* и др. отъявленные враги Германіи. Теперь Мѣрославскій, держа въ рукахъ красно-черно-золотистое знамя, обратился къ народу съ воззваніемъ къ братскому единенію польской и нѣмецкой націй. Шествіе двинулось мимо дворца; король стоялъ на балконѣ и изъ толпы раздавались только громкіе клики въ его честь.

Но Мѣрославскій вовсе не думалъ примѣнить къ дѣлу свои благозвучныя рѣчи. Прибывъ въ Познань, онъ нашелъ всю область уже въ большомъ возбужденіи; пользуясь этимъ, онъ обратился

къ народу съ рѣчью о «независимой, свободной Познани», и тотчасъ же стало организоваться полное возстаніе.

Поляки требовали переустройства Познанскаго герцогства и подчиненнаго положенія нѣмцевъ, терпимыхъ лишь пришельцами. Самъ король далъ польской депутаци, прибывшей къ нему, съ архіепископомъ *Прилуцкимъ* во главѣ, свое согласіе на возможно скорѣйшую національную реорганизацию великаго герцогства. Желая примѣнять лишь мѣры кротости для успокоенія страны, онъ отправилъ туда генерала *фонъ Виллизена* и заключилъ съ инсургентами *Ярославицкую* конвенцію (11-го апрѣля), почти при-

знававшую дѣло ихъ правымъ. И только при общемъ негодованіи нѣмецкаго населенія противъ этого договора, на мѣсто Виллизена былъ посланъ (1-го мая) генераль фонъ *Ифуль*, съ порученіемъ возстановить спокойствіе въ области. Ему скоро удалось оттиснуть инсургентовъ къ русской границѣ и заставить ихъ капитулировать въ *Бордо*.

Мѣрославскій сдался, вмѣстѣ съ остаткомъ своей арміи, остальные разбѣжались, благодаря чему всѣ окрестныя дороги стали небезопасными. Однако, *Ифуль* усмирилъ всю страну побѣдами при *Рогалинѣ* и *Рогалинскѣ*, подавивъ тѣмъ въ конецъ польское возмущеніе (11-го мая).

Предварительный парламентъ. Национальное собраніе во Франкфуртѣ.

Общее вниманіе было обращено теперь на *Франкфуртъ*. *Саксонія* 13-го марта, а *Ганноверъ* 20-го вступили на либеральный путь по примѣру Пруссіи, но этотъ фактъ прошелъ какъ-то незамѣченнымъ: всѣ взоры были устремлены на *предварительный парламентъ*, засѣдавшій съ 31-го марта во Франкфуртѣ, въ составѣ 500—600 членовъ. То были частныя лица, созданныя тоже частными лицами: уполномочены они были только общественнымъ мнѣніемъ.

Мѣстомъ для засѣданій была избрана церковь св. Павла. Предсѣдателемъ былъ профессоръ *Миттермайеръ*. «Комиссія семи», выдѣленная гейдельбергскимъ собраніемъ, предложила составленную ею программу конституціи на монархическихъ основахъ. Радикалы, подъ главенствомъ баденскаго депутата *фонъ Струве*, представили другую, вполне демократическую, частью даже вѣдухъ социализма. Возникли ожесточенныя пренія, закончившіяся, однако, отклоненіемъ проекта «семи» и предоставленіемъ *Націо-*

нальному собранію рѣшенія вопроса о конституціи.

Въ продолженіе всѣхъ засѣданій одерживали верхъ либералы. Слѣдствіемъ этого было то, что союзный сеймъ и правительства нѣмецкихъ государствъ приняли заключенія франкфуртскаго парламента, въ силу чего провинціи Шлезвигъ, восточная и западная Пруссія и нѣмецкія части Познанской области были приняты въ Германскій союзъ; но для окончательнаго рѣшенія о будущей германской конституціи должно было состояться 1-го мая нѣмецкое *Национальное собраніе во Франкфуртѣ-на-Майнѣ*. При этомъ на каждыя 50.000 человекъ населенія полагалось по одному депутату.

Наконецъ, 4-го апрѣля, въ день закрытія засѣданій, было произведено избраніе 50 членовъ назначенной комиссіи, въ составъ которой вошли и нѣсколько лицъ изъ радикальнаго меньшинства. Въ теченіе всего апрѣля эта комиссія была высшимъ органомъ власти для нѣмецкаго народа, стараясь удовлетворять всѣ насущ-

ныя нужды и поддерживать порядокъ. Союзный сеймъ отступалъ на второй планъ.

Самые горячіе вожаки радикаловъ, *Гекеръ* и *Струве*, не бывъ избраны въ число 50 членовъ комисіи, покинули залъ засѣданія парламента съ 38 своими единомышленниками. Они видѣли въ одномъ насиліи средство осуществить свои радикальные планы и рѣшили призвать населеніе своей родины, Бадена, къ вооруженной борьбѣ за нѣмецкую республику.

Въ баденскомъ и гессенскомъ *Оденвальдѣ* происходили уже крестьянскія возмущенія. Гекеръ, основываясь на извѣстіи о томъ, что толпы нѣмецкихъ рабочихъ придутъ къ нему изъ Франціи и Швейцаріи, понадѣялся на успѣхъ возстанія въ Баденѣ. Полный такихъ надеждъ, онъ отправился въ Констанцъ для встрѣчи швейцарскихъ единомышленниковъ. «Комиссія пятидесяти» послала къ нему депутацію съ приглашеніемъ воротиться; вмѣсто того онъ заарестовалъ этихъ лицъ и продержалъ ихъ у себя въ качествѣ заложниковъ. Съ своей стороны, *Струве* и вюртембергскій поручикъ *Зигель* собрали нѣсколько инсургентскихъ бандъ.

Союзный сеймъ, къ которому баденское правительство обратилось съ просьбою принять мѣры противъ революціоннаго движенія, собралъ изъ Гессена, Вюртемберга и Бадена войска, поручивъ начальство надъ ними *Фридриху фонъ Гагерну*, который выступилъ противъ инсургентовъ 12-го апрѣля. Гекеръ провозгласилъ въ Констанцѣ *республику*. Населеніе привѣтствовало водруженіе республиканскаго флага. Но, когда Гекеръ выступилъ изъ города съ своимъ отрядомъ, въ послѣднемъ насчитывалось лишь 57 чел. Однако, эта кучка значительно увеличивалась по пути сельскими жителями. 19-го апрѣля Гекеръ довелъ своихъ до *Кандерна* въ *Визенталѣ*. Публи-

ности, въ *Шлингенѣ*, стоялъ *Гагернъ*. Поэтому Гекеръ рѣшилъ воротиться для того, чтобы соединиться съ отрядомъ *Зигеля*, прежде чѣмъ подвергнуться атакѣ. Однако, при его выходѣ изъ однихъ воротъ мѣстечка, въ другія входили уже солдаты Гагерна (20-го апр.); столкновеніе было неизбежно. Вольная дружина остановилась и приготовилась къ бою. Гагернъ пригласилъ Гекера къ себѣ для переговоровъ, но тотъ, несмотря на очевидное превосходство военныхъ силъ Гагерна, не хотѣлъ уступать. Тогда Гагернъ двинулъ впередъ свои батальоны, но самъ палъ, сраженный въ грудь. Завязалась борьба, инсургенты были побѣждены; часть ихъ бѣжала къ *Фрейбургу*, подъ предводительствомъ *Зигеля*; другіе разсѣялись; самъ Гекеръ спасся въ *Базель*, *Струве* успѣлъ тоже найти себѣ вѣрное убѣжище.

Судьба возстанія была рѣшена этимъ боемъ: прочія банды сами разошлись или были разбиты. Такова-же была участь французскаго вспомогательнаго отряда: изъ Парижа была дана вѣсть объ отправленіи 6.000 нѣмецкихъ рабочихъ, а между тѣмъ, лишь нѣсколько сотенъ ихъ перешло черезъ Рейнъ, подъ предводительствомъ *Георга Гервега*. При слухѣ о пораженіи Гекера, онъ тотчасъ-же повелъ ихъ обратно, но неожиданно наткнулся на вюртембергскія войска у *Доссенбаха*. Половина его отряда попала въ плѣнъ, другая успѣла спастись бѣгствомъ. Самого его избавила отъ плѣна его смѣлая жена, которая сперва удачно спрятала его, а потомъ перевезла за швейцарскую границу.

Печальный исходъ всѣхъ этихъ республиканскихъ возстаній не могъ остаться безъ вліянія на дѣла радикаловъ, что и выразилось при выборахъ въ *нѣмецкое Національное собраніе*, происходившихъ именно въ это время. Созваніе такого собранія было поста-

новлено не только «франкфуртскимъ парламентомъ», но и Союзный сеймъ рѣшилъ (30-го марта) пригласить всѣ нѣмецкія правительства избрать «національныхъ представителей» для выработки общихъ основъ конституціи для германскихъ государствъ.

18-го мая 1848 г. въ Франкфуртѣ собрались 330 представителей нѣмецкой націи. Они торжественно отправились въ церковь св. Павла, чтобы открыть засѣданія при колокольномъ звонѣ и салютахъ. Каждому было извѣстно, что на собраніи лежитъ задача выработать проектъ конституціи для Германіи, но на съѣздѣ не было ни одного представителя *Союзаго сейма*, не было заявлено ни одного предложенія. Правда, 17 довѣренныхъ отъ союза, или, лучше сказать, бывший ихъ душою, *Дальманнъ* изъ Бонна, предложили проектъ съ главными очертаніями строго опредѣленнаго союзнаго государства, съ наслѣдственнымъ монархомъ во главѣ, но Союзный сеймъ еще не далъ своего заключенія на этотъ проектъ и еще менѣе былъ расположенъ положить его въ основу совѣщаній Національнаго собранія. И такимъ образомъ, самъ по себѣ прекрасный проектъ былъ, какъ частная записка, схороненъ среди прочихъ документовъ Союзаго сейма.

Съѣздъ изобиловалъ интеллигентнѣйшими умами. Нація отправила во Франкфуртъ не менѣе 118 профессоровъ, болѣею частью славившихся своею ученостью и благородствомъ. Но одинъ человекъ пользовался особенно общимъ довѣріемъ и 19-го мая, когда было приступлено къ выбору президента, 305 голосами былъ возведенъ на этотъ постъ. Это былъ дармштадтскій министръ - президентъ *фонъ Гигернъ* *).

*) Генрихъ фонъ Гигернъ (род. 20-го авг. 1799 г. въ Вайрейтѣ, умеръ 22-го мая 1880 г.) происходилъ изъ старинной почтенной фамиліи. Его отецъ, баронъ Гансъ Христофоръ Эрнстъ фонъ

Союзный сеймъ отвергнулъ еще въ мартѣ реакціонныя постановленія 1819, 1832 и 1834 гг., и весь его составъ болѣе соответствовалъ духу времени; однако, общественное мнѣніе продолжало относиться къ нему недовѣрчиво. Поэтому одною изъ первыхъ заботъ Національнаго собранія было учрежденіе *центральной власти* при полномъ устраненіи Союзнаго сейма. Было понятно, что такая мѣра могла окончательно осуществиться лишь *конституціей*; но къ ея обсужденію не было еще и приступлено. Каждый разсудительный человекъ понималъ, что вновь создаваемое государство будетъ прочно лишь въ томъ случаѣ, если центральная власть вручится той странѣ, которая своею силою и всею своею исторіей доказала свое право на главенство въ Германіи. Таковою была Пруссія.

Въ собраніе былъ представленъ проектъ учрежденія «временной» центральной власти. Но возникъ вопросъ: имѣло-ли Національное собраніе право самостоятельно ввести центральную власть или же должно было согласиться въ томъ со всѣми правительствами? Послѣ жаркихъ преній о томъ, собраніе рѣшило самостоятельно вручить центральную власть одному изъ государей, и 29-го іюня *протекторомъ* (*Reichsver-*

teger), былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ проповѣдниковъ необходимости единенія среди нѣмецкихъ владѣтелей. Онъ горячо ратовалъ за возстаніе противъ Наполеона, и потомъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ, съ такимъ-же патріотическимъ одушевленіемъ говорилъ въ пользу переустройства Германіи. Его сыновья унаслѣдовали отъ него тѣ-же идеи. Генрихъ Вильгельмъ Августъ, третій изъ нихъ, сражался при Белль-Альянсѣ; потомъ, будучи студентомъ, участвовалъ въ движеніи студенческихъ корпорацій. Его оппозиція правительству въ гессенъ-дармштадтской палатѣ привела его къ отставкѣ изъ государственной службы въ 1833 году. Поступивъ потомъ снова въ палату, онъ сталъ скоро вождемъ либеральной оппозиціи.

weiser) государства былъ избранъ *австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ*.

По рѣшенію Національнаго собранія, власть протектора была неотвѣтственной, но ему вручалось главное начальство надъ общими военными силами націи и представительство Германіи въ ея правовыхъ, политическихъ и экономическихъ отношеніяхъ, такъ что съ его вступленіемъ на постъ, Союзный сеймъ прекращалъ свое существованіе. Назначаемые протекторомъ министры должны были быть отвѣтственными передъ Національнымъ собраніемъ.

Состоявшееся избраніе было возвѣщено колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою. Депутація собранія отправилась въ Вѣну для заявленія *эрцгерцогу Іоанну* *) объ его избраніи.

Протекторъ Іоаннъ торжественно вступилъ въ Франкфуртъ 11-го Іюля; на слѣдующій день онъ присягнулъ въ Національномъ Собраніи на вѣрность закону, 28-го Іюня. Потомъ онъ отправился въ Союзный сеймъ, который отмѣнялся именно этимъ закономъ, и тутъ-же спокойно выслушалъ отъ президента сейма, *Шмерлинга*, что сеймъ передаетъ ему, протектору, свои права и полномочія, послѣ чего эрцгерцогъ назначилъ членовъ *государственнаго министерства*.

Военный государственный министръ созвалъ на 6-е августа всѣ

*) Эрцгерцогъ Іоаннъ—тотъ самый, который потерпѣлъ пораженіе при Гогенлинденѣ въ 1800 г., а въ 1809 г. опоздалъ прибыть къ Ваграму, былъ простой, добродушный, уже 68-лѣтній человекъ (род. 25-го янв., 1782 г., ум. 10-го мая 1859 г.) Онъ считался либераломъ, потому что былъ женатъ на дочери почтмейстера и обращался запросто съ населеніемъ въ своемъ штейермаркскомъ намѣстничествѣ. Онъ слыгъ и за нѣмецкаго патріота, влѣдствіе легенды о произнесенномъ имъ будто-бы тогдѣ: „Ни Пруссія, ни Австрія! Одна великая Германія, твердая, какъ ея горы!“.

нѣмецкія войска на парадъ для чествованія протектора, но Австрія оставила безъ вниманія это приглашеніе, Ганноверъ запретилъ у себя всякое чествованіе, а Пруссія допустила его, но съ прибавкою: «всякій разъ, когда главъ ея арміи, королю, будетъ угодно представлять прусскія войска подъ начальство протектора государства». Изъ этого было ясно, что недостатокъ какой-либо военной силы линалъ всякаго значенія постановленія собранія. Но учрежденіе парламента вызвало-бы, рано или поздно, междуособную войну. Посламъ протектора въ Лондонъ и Парижъ тоже не удалось достигнуть должнаго къ себѣ уваженія. Между тѣмъ, Національное собраніе принялось лишь теперь за свою существенную задачу, т. е., выработку конституціи.

Франкфуртскій парламентъ подвергся расколу, когда было заявлено, что, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію нѣмецкой конституціи, слѣдовало опредѣлить минимумъ мѣры свободы для каждаго государства. Лѣвая бурно требовала *основныхъ правъ*, какъ гарантіи противъ возвращенія «домартовскаго» положенія вещей. Правая уступила ей весьма неохотно. Эти общія рѣшенія относительно свободы и обезпеченія собственности, свободы совѣсти, свободы культа, свободы науки и печати, равномерности обложенія, суда присяжныхъ, отмѣны всякихъ преимуществъ послужили ареною для самыхъ ожесточенныхъ словесныхъ турнировъ. Даже принятіе вступительныхъ словъ: «каждый нѣмецъ», дало поводъ къ многочасовымъ спорамъ. Эти безконечныя и безплодныя словопренія охлаждали сочувствіе народа къ Національному собранію, вначалѣ внушавшему столько надеждъ. Тутъ наступило событіе, рѣзко прервавшее хитроумные споры въ церкви св. Павла: *Пруссія заключила въ Мальме перемиріе съ Данией*.

Мартовская революція въ Копенгагенѣ сбила и въ Даніи съ позиціи либераловъ, которые стремились, вмѣстѣ съ королемъ Фридрихомъ VII, расширить датскія владѣнія до *Эйдера* и присоединить тѣмъ *Шлезвигъ* къ датской монархіи. Между тѣмъ, Шлезвигъ, равно какъ и принадлежавшая къ «Германскому союзу» *Голштинія*, былъ связанъ съ Даніею лишь личною уніей и потому горячо протестовалъ противъ неуваженія ея старыхъ правъ. Но «эйдерскіе датчане», объявили 24-го марта о присоединеніи Шлезвига къ Даніи.

Слѣдствіемъ этого было то, что извѣстное число почетнѣйшихъ гражданъ Шлезвига и Голштиніи собрались въ Киль и учредили правленіе для обоихъ герцогствъ, причемъ на ихъ сторону стала и армія. Датскія власти бѣжали и Шлезвигъ-Голштинія стала свободной. Но надо было удержать за собой эту свободу. Мѣстные добровольческіе отряды пополнились скоро охотниками изъ сѣверной Германіи, но датчане воротились и разбили шлезвигъ-голштинскую армію принца *Норъ*. Однако, побѣжденные скоро получили подмогу. Король *Фридрихъ Вильгельмъ IV* въ письмѣ отъ 24-го марта 1848 г. признавалъ три основы шлезвигъ-голштинскаго государственнаго права: самостоятельность относительно Даніи, нераздѣльность и наследственность въ мужскомъ колѣнѣ, а 4-го апрѣля союзное собраніе поручило Пруссіи выступить, совместно съ 10-мъ армейскимъ корпусомъ, на защиту Голштиніи и ея отношеній къ Шлезвигу. Прусскія войска, подъ начальствомъ генерала *фонъ Врангеля*, вступили въ герцогство, а Союзный сеймъ подчинилъ ему же контингенты ганноверскій и брауншвейгскій. Врангель атаковалъ 23-го апрѣля оборонительный валъ *Даневирка* при Шлезвигѣ, разбилъ на другой день датчанъ при *Эверзее* и, гоня ихъ передъ собою, перешелъ границу Ютландіи 1-го мая.

Но эта война, на которую король Фридрихъ Вильгельмъ рѣшился такъ быстро, была вовсе не популярна въ Пруссіи. Датчане блокировали прусскіе порты, каперы ихъ захватывали прусскія суда. Военнаго флота для отпора тому не существовало. Комиссія «пятидесяти» обратилась съ воззваніемъ къ сбору денегъ по всей Германіи на созданіе флота, но пожертвованія дали не болѣе 200.000 гульденовъ. Національное собраніе во Франкфуртѣ рѣшило тогда наложить матрикулярный сборъ на всѣ германскія государства, что должно было дать 6 милліоновъ талеровъ, но Австрія не только отказалась отъ своей части, но не согласилась даже послать свои суда для обороны восточныхъ и сѣверныхъ побережій Балтійскаго моря. Такимъ образомъ, все бремя войны возлагалось какъ-бы на одну Пруссію. При такомъ положеніи въ Берлинѣ вняли настояніямъ Россіи и Англии, которыя вовсе не желали ослабленія Даніи; при этомъ еще сильная реакціонерная партія полагала, что можно гораздо полезнѣе употребить военную силу на подавленіе внутреннихъ революціонныхъ движеній. Вслѣдствіе этого прусскія войска были отозваны изъ Ютландіи и война продолжалась лишь вяло. 5-го іюня датчане разбили ганноверцевъ у *Голльбюля*; на другой день у нихъ была битва съ пруссаками у *Дюппеля*, оставшаяся нерѣшенной. Тогда въ южной Германіи возгорѣлось большее желаніе воевать, нежели прежде: баварскій полковникъ, *фонъ деръ Таннъ*, привелъ вольный отрядъ для борьбы противъ Даніи; баденскій и вюртембергскій контингенты двинулись къ сѣверу. Между тѣмъ, Пруссія отказалась отъ продолженія войнцы, заключивъ въ *Мальме* перемиріе съ Даніею: борьба прекращалась на 7 мѣсяцевъ, шлезвигскія войска должны были оставаться въ Шлезвигѣ, голштинскія—въ Голштиніи, и всѣ по-

становленія временнаго правительства въ обоихъ герцогствахъ не имѣли значенія.

Если это перемиріе должно было имѣть силу и для Германіи, то требовалось его признаніе и протекторомъ, и Національнымъ собраніемъ. Эрцгерцогъ Іоаннъ одобрялъ его и предложилъ представить его собранію; это подняло бурю негодованія въ церкви св. Павла, и было рѣшено отмѣнить всякія мѣры, клонящіяся къ поддержанію перемирія, причемъ собраніе оставляло, однако, за собою право согласиться на него.

Вслѣдствіе этого министерство подало въ отставку. Образование новаго было поручено Дальманну, но ни ему, ни баварскому члену совѣта, *фонъ Германну*, не удалось найти министровъ, которые рѣшились-бы принять на себя отвѣтственность въ разрывѣ съ Пруссіей. Волѣе и болѣе распространялось убѣжденіе о необходимости держаться Пруссіи, и 16-го сентября собраніе высказалось въ пользу одобренія перемирія.

Министерство *Шмерлинга* тотчасъ-же вступило снова въ управленіе, но большинство видѣло въ принятомъ рѣшеніи подчиненіе Пруссіи, совершенно умаляющее достоинство Національнаго собранія. Такое настроеніе массы показало *радикаламъ* подходящимъ для возможности разогнать собраніе съ помощью черни, овладѣть правленіемъ и провозгласить нѣмецкую республику. Уже 16-го сентября безпорядочныя толпы оскорбили нѣсколькихъ депутатовъ. На слѣдующій день народъ былъ созванъ на Троицынъ лугъ, у Франкфурта. Явились тысячи и

составили петицію-монстръ, требуя отмѣны постановленія о признаніи перемирія; а 18-го сентября, когда засѣданіе въ церкви св. Павла едва началось, въ нее нахлынуло цѣлое полчище народа съ петиціей. Твердость, съ которою депутаты указали ватагѣ на дверь, подѣйствовала, но толпа принялась строить баррикады.

Министры приняли тоже свои мѣры: они вызвали войска изъ Майнца и Дармштадта. Прибывшіе послѣ полудня солдаты атаковали баррикады и пушечными выстрѣлами разрушили ихъ, а нѣсколько ружейныхъ залповъ разогнали ихъ защитниковъ,—и возстаніе было усмирено.

Немногіе убитые воинскіе чины были похоронены съ почестями 21-го сентября, а 33 инсургента, оставшіеся въ живыхъ, но умершіе потомъ отъ ранъ, были преданы землѣ ночью безъ всякой огласки.

Эрцгерцогъ объявилъ Франкфуртъ на осадномъ положеніи, и для охраны Національнаго собранія были поставлены австрійскія и прусскія команды.

Въ наступившемъ уже октябрѣ была, наконецъ, утверждена ст. I нѣмецкой государственной конституціи: «Нѣмецкое государство состоитъ изъ владѣній, входившихъ доселѣ въ составъ нѣмецкаго Союза». 20-го октября начались пренія по ст. 2: «Ни одна часть нѣмецкаго государства не можетъ войти въ составъ какой-либо не-нѣмецкой страны». Этою статьею опредѣлялись, преимущественно, отношенія къ Австріи, но здѣсь произошло уже рѣшеніе по совершенно другому пути.

Продолженіе революціи въ Вѣнѣ.

Рабочіе вѣнскихъ предмѣстій хотѣли тоже принять участіе въ революціонномъ движеніи 13-го марта; но городскія ворота заперлись во-время передъ ними. Принужденные отступить, они вы-

местили свою неудачу на таможенныхъ складахъ, домахъ фабричныхъ хозяевъ и фабрикахъ, разрушая все и уничтожая самыя машины. Но въ ту-же ночь горожанамъ и студентамъ были розданы

изъ арсенала оружіе и боевые запасы. *Гражданская стража* выступила противъ шаекъ рабочихъ и заарестовала нѣсколько сотенъ безчинствовавшихъ; студенты не приступали, однако, къ подобнымъ арестамъ, что привлекло къ нимъ симпатіи предмѣстій и позволило стать вліятельными вождями толпы. Правительство, стараясь сдѣлать что-нибудь для уменьшенія недовольства, отмѣнило пошлину на необходимѣйшіе жизненные припасы и учредило общественныя работы для занятія безработныхъ землекоповъ. Эти послѣдніе составляли многочисленнѣйшій классъ. Лишенные заработка, вслѣдствіе естественнаго застоя дѣль при революціи, они охотно кинулись на предложенныя работы. Къ нимъ присоединились нѣсколько сомнительныхъ элементовъ, именно, въ лицѣ *богемцевъ*, выгнанныхъ тоже нуждою изъ своей родины. Всѣ эти люди послѣдовали за мечтавшими о «чистой демократіи» студентами. Между тѣмъ, изсякли средства для расплаты съ рабочими, и земляныя работы стали сокращаться. Землекопы обратились за помощью въ комиссію безопасности, состоявшую изъ членовъ національной гвардіи и надворнаго совѣта (Aula). Комиссія назначила особый рабочій комитетъ изъ гражданъ и студентовъ для попеченія о рабочихъ за счетъ вѣнской городской казны, и земляныя работы были возобновлены въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Рабочіе построили себѣ бараки на мѣстахъ занятій и составили потребительныя артели; но вскорѣ они стали приходить къ убѣжденію въ томъ, что работа ихъ безцѣльна, предалися праздности и повели трактирный образъ жизни, что стало соблазнять и многихъ рабочихъ съ фабрикъ. Между тѣмъ, застой въ дѣлахъ давалъ себѣ чувствовать всюду и массы безработныхъ стекались въ Вѣну, а вмѣстѣ съ ними являлось и множество нищихъ и бродягъ.

Чтобы только избавиться отъ нихъ, правительство выдавало имъ по 10 гульденовъ для отправленія на родину.

Все громче и громче жаловались вѣнцы на громадныя расходы, ложившіяся на городъ наплывомъ 50.000 землекоповъ, и на развратъ, который вносили эти землекопы, въ среду городскихъ чернорабочихъ. Горожане требовали уменьшенія числа пришлыхъ и возобновленія порядка. Рабочіе отвѣчали на это насиліями, ожесточаясь все болѣе противъ горожанъ и національной гвардіи, которые платили имъ такую-же ненавистью.

15-го марта императоръ обнаружилъ свое обѣщаніе даровать *конституцію*. Для обсужденія входящихъ сюда вопросовъ не было времени, и онъ просто перенесъ въ Австрію бельгійскую конституцію, доказавшую уже на дѣлѣ свою состоятельность. Ближніе его совѣтники одобрили проектъ, и фамильный императорскій совѣтъ тоже не сдѣлалъ никакихъ возраженій, такъ что конституція была объявлена 25-го апрѣля. Но она была встрѣчена холодно какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи: всѣ громко осуждали то, что члены нижней палаты подлежали непосредственнымъ выборамъ, что рядомъ съ этою палатою стоялъ еще сенатъ и что нигдѣ не были приняты во вниманіе Венгрія и итальянскія провинціи. Дня черезъ два о конституціи перестали и вовсе говорить—вниманіе Вѣны было поглощено другимъ обстоятельствомъ.

Слабость правительства въ отношеніи уличныхъ беспорядковъ и мятежей ободрила радикаловъ. Национальная гвардія и надворный совѣтъ пришли къ соглашенію и учредили 13-го мая «*политическій центральный комитетъ*» для защиты народныхъ правъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ *Пиллерсдорфъ* противился признать его законнымъ. Раздраженіе сту-

дентовъ дошло до крайности. Каждую минуту можно было ожидать возмущенія и потому городскія ворота и гласисъ были заняты войсками. Никакого непріятели не было видно, но 15-го мая вечеромъ собрались большія толпы народа; вмѣстѣ съ національною гвардіею и студенческимъ легиономъ онѣ проникли во дворецъ и въ министерскій совѣтъ, требуя признанія центрального комитета. Для отпора имъ было лишь нѣсколько тысячъ солдатъ, потому что военный министръ отправилъ всѣ свободныя полки въ помощь *Радецкому*, усмирявшему возставшія итальянскія области. Министры были вынуждены къ уступкамъ: они утвердили центральный комитетъ и согласились на требованіе отсрочить введеніе объявленной конституціи, созвать учредительное собраніе и измѣнить законъ о выборахъ; Пиллерсдорфъ отправился къ императору испросить его согласія на эти условія.

Императоръ согласился на все, но событія послѣднихъ дней склонили его къ *бѣгству* изъ Вѣны. 17-го мая дворъ отправился въ *Шенбруннъ*, а затѣмъ кучерамъ былъ отданъ приказъ слѣдовать къ *Сенъ-Пельтену*. Императорская фамилія чувствовала себя до того окруженной опасностями въ Вѣнѣ, что поспѣшила въ *Инсбрукъ*. Министерство, хотя и подавшее въ отставку при полномъ сознаніи своего безсилія, осталось на своемъ посту.

Городъ былъ еще въ радостномъ настроеніи, узнавъ о соизволеніи императора на обсужденіе проекта конституціи учредительнымъ собраніемъ, когда разнеслась вѣсть о выѣздѣ императорской фамиліи. Всѣ были подавлены такою неожиданностью, жаждали восстановленія спокойствія и требовали возвращенія императора. Центральный комитетъ долженъ былъ разойтись. Министерство рѣшилось издать законъ о печати, подчинить національную

гвардію военному начальству и пригрозить военнымъ судомъ за подстрекательство къ беспорядкамъ. Всѣ корпорации послали къ императору депутаціи съ прошеніями объ его возвращеніи. Всѣ газеты наполнились восхваленіями ему.

Но кому-то пришло на мысль приписать отъѣздъ императора и тригамъ *придворной камарильи*, и это предположеніе измѣнило настроеніе вѣнцевъ: они были рады не винить болѣе своего собственнаго поведенія въ отъѣздѣ императора.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней они смотрѣли съ негодованіемъ на забіякъ студенческаго легиона, теперь все это было забыто, и, когда 26-го мая министерство захотѣло распустить *Академическій легионъ*, общее мнѣніе возстало противъ этого и поддержало тѣмъ сопротивленіе студентовъ, отказавшихся отъ повинненія власти. Узнавъ о происходившемъ, массы углекоповъ явились на помощь своимъ «братьямъ». Городскія ворота были заняты войсками для недопущенія толпы въ городъ и столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Однако, солдаты стали отходить. Тогда народъ, вторгнувшись въ городъ, сталъ успѣшно строить баррикады. При видѣ этого Пиллерсдорфъ взялъ назадъ приказъ о распущеніи легиона и воротилъ солдатъ въ казармы. Всякая опасность для защитниковъ баррикадъ миновала, но они тѣмъ упорнѣе не соглашались покинуть ихъ. Удалось заставить ихъ воротиться въ предмѣстья лишь подъ предлогомъ устройства торжественной процессіи.

Венгерія не захотѣла отстать отъ Вѣны: 17-го марта венгерцы потребовали учрежденія ответственнаго министерства. При этомъ первомъ шагѣ къ образованію транслейтанскаго государства въ Венгріи проснулись ея давнишнія поползновенія на власть надъ Семиградіемъ и южно-славянскими

королевствами. *Саксонцы* въ Семиградіи покорились, хотя и неохотно, но *кroatы* и *словены* воспротивились владычеству мадьяръ. *Иванъ Кукулевичъ* проводилъ въ иллирійской «Национальной Газетѣ» идею о защитѣ иллирійской національности посредствомъ общаго славянскаго единенія. Союзникомъ его былъ словакскій проповѣдникъ въ Прагѣ, *Людвигъ Спуръ*; онъ понималъ, что мадьяризмъ столь-же опасенъ для словаковъ, какъ и для иллирійцевъ. Былъ проэктированъ общій славянскій конгрессъ. Особенно сочувственно отнеслись къ идеѣ конгресса *богемскіе* студенты и чешская національная партія. Воспоминаніе о прежней независимости и силѣ Богеміи воскресло въ народѣ и чешскіе патріоты рѣшили 11-го марта отправить къ королю адресъ, въ которомъ испрашивали для себя равноправія съ нѣмцами и соединенія богемскаго, моравскаго и силезскаго сеймовъ. Подъ руководствомъ графа *Лео Туна*, учредилась Национальная комисія для подготовительныхъ работъ къ учредительному сейму, на который императоръ далъ свое согласіе 8-го апрѣля. Но *Палацкій*, бывшій душою чешскаго движенія, отклонилъ Богемію отъ участія въ выборахъ въ нѣмецкое Национальное собраніе. Майскіе беспорядки въ Вѣнѣ были тоже искусно пущены въ ходъ для того, чтобы вынудить у намѣстника назначеніе временнаго правительства. Онъ призвалъ на свою сторону (30-го мая) обоихъ главныхъ вождей чешской партіи, *Палацкаго* и *Ригера*. 2-го іюня конгрессъ открылъ свои засѣданія въ Прагѣ; президентомъ его былъ избранъ *Палацкій*.

Въ городѣ господствовало крайнее возбужденіе, вызванное конгрессомъ. Цѣлый день шумно расхаживали по улицамъ богемскіе студенты, вмѣстѣ съ вооруженными членами чешской национальной гвардіи, и распѣвали гимны

свободѣ. Пражскіе нѣмцы соединились, въ свою очередь, въ кружокъ для поддержанія порядка и спокойствія, и городской комендантъ, князь *Альфредъ Виндингрецъ*, держалъ наготовѣ нѣсколько военныхъ командъ. Чешскіе національные гвардейцы и студенты сочли это за оскорбленіе конгресса и требовали отъ Виндингреца отмены принятыхъ имъ мѣръ, но онъ отказалъ. Послѣ этого на другой-же день (то былъ Духовъ день, 12-го іюня) передъ домомъ коменданта собралась буйная толпа, готовясь устроить кошачій концертъ; караулъ успѣлъ развеять ее, но разбѣжавшіеся стали строить баррикады. До большой уличной рѣзни пока еще не доходило, потому что Виндингрецъ старался уговорить возставшихъ прекратить борьбу. Но, когда въ послѣдующіе дни буйство возобновилось и ночной пожаръ перепугалъ жителей, комендантъ отдалъ приказъ обстрѣливать гранатами дома, занятые мятежниками, и городъ былъ вынужденъ сдать ему на его милость (17-го іюня). Славянскій конгрессъ распался самъ собою.

Духовъ день не обошелся безъ беспорядковъ и въ Вѣнѣ. Землекопы требовали себѣ платы и за праздничные дни и, получивъ отказъ, приняли угрожающее положеніе. Но горожанамъ прискучили уже волненія рабочихъ, и національная гвардія была не прощъ проучить безпокойныхъ и водворить въ городѣ тишину. При повторившихся беспорядкахъ всѣ національные гвардейцы собрались на гласисѣ съ пушками; студенты хотѣли взять на себя примирительное посредничество, но рабочіе сами общали вести себя покойно и выдали вожаковъ. Однако, комитетъ общественной безопасности настоялъ на отставкѣ всѣхъ министровъ и образованіи новаго кабинета, которое слѣдовало бы поручить *Добльгофу*.

Эрцгерцогъ *Іоаннъ*, котораго императоръ назначилъ своимъ на-

мѣстникомъ, находился въ Вѣнѣ, куда и отправилась къ нему депутація демократическаго союза для доклада о рѣшеніи комитета общественной безопасности. Эрцгерцогъ согласился на все, завѣряя, что самъ былъ убѣжденъ въ неудовлетворительности министровъ. Уѣзжая во Франкфуртъ, для вступленія на постъ протектора, онъ, дѣйствительно, поручилъ сформированіе новаго кабинета Добльгофу, а, воротясь въ Вѣну, 8-го іюля, нашелъ это уже исполненнымъ. Австрійскіе депутаты (безъ представителей Венгріи и итальянскихъ провинцій) собрались въ императорскомъ манежѣ 10-го іюля, а 22-го — эрцгерцогъ Іоаннъ открылъ *первый* конституціонный рейхстагъ въ Австріи.

Составъ собранія (383 депутата) былъ до крайности своеобразенъ. Почти четвертая часть его (92) состояла изъ простыхъ *крестьянъ*, закупавшихъ лично на еженедѣльномъ базарѣ свои жизненные потребности. Дворянство почти совершенно отсутствовало. Въ Вѣнѣ въ числѣ 15 депутатовъ находилось лишь 5 радикаловъ. Большинство собранія состояло изъ славянъ, изъ которыхъ многіе не владѣли даже нѣмецкимъ языкомъ. Уже въ третьемъ засѣданіи сынъ силезскаго крестьянина, *Гансъ Кудлицъ*, внесъ предложеніе: отменить рабское положеніе крестьянъ со всеми истекающими изъ него правами и обязательствами. Этотъ вопросъ былъ порѣшенъ, наконецъ, 7-го сентября, а лишь только крестьянамъ были дарованы свобода и гражданскія права, въ Вѣну явилась депутація отъ венгерскаго сейма, требуя своего допущенія въ австрійскій рейхстагъ съ цѣлью вовлечь его въ борьбу противъ правительства.

Рѣчь, произнесенная *Кошутомъ* 3-го марта, и вѣсть о мартовской революціи вызвали посылку громадной депутаціи отъ венгерскихъ сословныхъ чиновъ въ Вѣну 15-го марта. Они добились учрежденія

особаго венгерскаго министерства, президентомъ котораго былъ назначенъ графъ *Баттиани* (22-го марта); *Кошутъ* получилъ постъ министра финансовъ, а графъ *Сечени* — министра общественныхъ работъ. Министерство оказывалось, вообще, консервативнымъ; исключеніе составлялъ лишь радикалъ Кошутъ. Императоръ нашелъ полезнымъ утвердить и всѣ законы, выработанные на этомъ рейхстагѣ до его закрытія. Благодаря имъ, Венгрія пріобрѣтала какъ-бы полную самостоятельность: за императоромъ оставалась лишь власть привлекать и ее къ участию въ государственномъ долгѣ. Новый рейхстагъ, избранный на революціонныхъ началахъ, собрался въ началѣ іюля.

Но Кошутъ посматривалъ съ неудовольствіемъ на Будапештъ. Здѣсь давно сплотился кружокъ людей разнаго соціального положенія, но одинаковаго радикальнаго направленія въ смыслѣ полного низверженія господствующаго порядка вещей. Центромъ ихъ былъ «клубъ оппозиціи». Поэтъ *Александръ Петефи* и писатель *Морицъ Токай* состояли его членами, но главою его былъ *Павель Ніари*. Еще въ половинѣ марта радикалы учредили «комитетъ безопасности» съ цѣлью направлять политическую жизнь города. Но, когда венгерскій рейхстагъ установилъ основныя черты новой свободной конституціи, направленной къ обращенію Венгріи въ самостоятельное королевство императора Фердинанда, и новое правительство, съ эрцгерцогомъ *Стефаномъ*, какъ вице-королемъ во главѣ, переселилось въ Будапештъ (14-го апр.), сказанный комитетъ закрылся.

Венгрія завоевала свою самостоятельность безъ борьбы: ей было даже предоставлено управленіе своими финансами и военною частью, и императоръ относился къ венгерскому вице-королю, какъ къ равноправному съ нимъ государю.

Но возникали столкновения: венгерскіе *сербы* подали петицію о сохраненіи имъ ихъ національности и языка, но венгерское правительство отвѣтило имъ, что въ Венгріи существуетъ лишь одна нація—мадьярская. Такое надменное отношеніе побудило сербовъ къ отпору: они избрали своимъ митрополитомъ архіепископа *Раячича*, а *Георгій Стратимировичъ* выступилъ во главѣ «младо-сербовъ» въ борьбу съ мадьяризмомъ. Большая сходка въ *Карловицъ* закончилась присоединеніемъ *Воеводины* къ Тріединому королевству: *Кроатія-славонія-Далмація*. Въ іюль возгорѣлась яростная междоусобица; центромъ ея былъ сербскій лагерь у «*Римскаго окна*», неподалеку отъ устья *Тейссы*.

Не меньшая буря поднялась и въ *Кроатіи*. Собраніе «иллирійской» національной партіи въ *Аграмъ* требовало своего кроатскаго министерства, кроатскаго начальства для своихъ солдатъ и возвращенія первоначально принадлежавшихъ Кроатіи земель. Венгрія была возмущена требованиями и негодованіе ея возросло еще болѣе, когда австрійское правительство назначило весьма преданнаго императору *Телачича-Бужима* *) баномъ «Кроатіи и Славоніи».

Австрія никакъ не желала какой-либо ссоры съ Венгріей, потому что ея войска были заняты борьбою съ возставшими итальянскими областями и Сардиніей. Поэтому австрійское правительство приказало кроатскому бану покориться распоряженіямъ венгерскаго министерства. Онъ не повиновался. Ему приказали 29-го мая распустилъ аграмскій сеймъ и явиться черезъ 24 часа въ

*) Полковникъ баронъ *Іосифъ Телачичъ-Бужима* родился 16-го октября 1801 г. въ Петервардейнѣ. Онъ былъ человекъ свѣтскій, блестящій остроуміемъ, обладалъ мѣткимъ соображеніемъ и быстрой рѣшимостью.

Инспрукъ для отвѣта за свои дѣйствія. Онъ не исполнилъ и этого. Тогда 10-го іюня его отставили за преступленія по должности; онъ не обратилъ вниманія на отставку и, являсь въ *Инспрукъ* съ депутаціей отъ аграмскаго сейма, сумѣлъ оправдать себя передъ императоромъ и дворомъ и былъ принятъ благосклонно.

Побѣды *Радеукаго* въ Италіи во второй половинѣ іюня вполнѣ измѣнили положеніе вещей. Правительство получило возможность бороться съ радикализмомъ, одерживавшимъ верхъ почти повсюду. Императоръ рѣшился возвратиться въ *Вѣну* и 12-го августа снова вступилъ въ свою столицу. Радикалы были крайне недовольны, но присутствіе императора ободряло правительство на принятіе дѣйствительныхъ мѣръ противъ землекоповъ. Недовольные рабочіе возмутились и четверо сутокъ неистовствовали въ городѣ, пока, наконецъ, были усмирены. Около 30.000 изъ нихъ были употреблены на другія общественныя работы вдали отъ *Вѣны*. Студенческій легіонъ, державшійся нейтрально во время безпорядковъ, былъ тоже сокращенъ до 1.500 человекъ. «Комитетъ безопасности» пригрозилъ министерству тѣмъ, что разойдется, но министерство приняло этотъ вызовъ совершенно спокойно. Послѣдствія такого образа дѣйствій не замедлили обнаружиться: учредились консервативные кружки, стали выходить консервативныя газеты, осмѣливавшіяся рѣзко осуждать радикаловъ.

Ближайшею затѣмъ заботою правительства было упорядоченіе венгерскихъ отношеній. Уступки, сдѣланныя весной, собственно нарушали единство монархіи. 22-го августа императоръ отнялъ у палатина дарованныя ему полномочія и отказался утвердить венгерскій законъ о займахъ и рекрутствѣ. Далѣе, министерство требовало измѣненія государ-

ственныхъ учреждений, дарованныхъ послѣ марта, причемъ имѣло въ виду обезпеченіе единства монархіи и предоставленіе высшаго государственнаго вѣдѣнія австрійской короли. Пересылая меморію объ этомъ палатину, императоръ предлагалъ ему созвать конференцію изъ обоихъ министерствъ для обсуждения предстоявшихъ измѣненій. Эрцгерцогъ Стефанъ отправилъ министровъ *Баттіани* и *Деака* въ Вѣну. Но засѣдавшій въ Будапештѣ рейхстагъ нашелъ австрійскія требованія посягательствами на Венгрію. Было рѣшено отправить въ Вѣну депутацію съ порученіемъ изложить императору всю опасность положенія и пригласить его перенести свою резиденцію въ Будапештъ. Императоръ принялъ депутацію въ Шенбруннѣ 9-го сентября, но отвѣтилъ ей холодно и отклонилъ перевѣздъ въ Будапештъ.

Въ Будапештѣ общее возбужденіе достигло крайнихъ предѣловъ. Радикалы учредили «постоянный комитетъ», принявшій правленіе на себя. Заявленіе палатина рейхстагу объ его намѣреніи самому править временно вызвало еще сильнѣйшее волненіе. *Баттіани* и многіе министры, въ томъ числѣ и *Кошутъ*, подали въ отставку, но *Кошутъ* скоро вернулся на свой постъ и заявилъ себя какъ-бы диктаторомъ.

Однако, Венгрии не удалось усмирить возставшихъ въ это время сербовъ даже силою оружія. Теперь пришла вѣсть о томъ, что кроатскій банъ *Теллачичъ*, собравъ войско, перешелъ 11-го сентября Драву и находится уже на венгерской территоріи. Это ободрило и словаковъ въ сѣверной Венгрии; саксонскіе депутаты изъ Семиградія покинули венгерскій рейхстагъ и комендантъ румынской пограничной черты въ Семиградіи, *Урбанъ*, отказался отъ повиновенія пештскому правительству.

Въ виду такой опасности *Кошутъ* предложилъ послать въ Вѣну

«депутацію къ народу», для заявленія австрійскому рейхстагу, что Венгрія рассчитываетъ «на его содѣйствіе въ своей борьбѣ противъ абсолютизма». Предложеніе было принято и 12 депутатовъ отправившись въ Вѣну. Сверхъ того, *Баттіани* обратился къ австрійскому министерству съ требованіемъ приказать бану отступить, а палатинъ *Стефанъ* согласился вступить въ личные переговоры съ *Теллачичемъ*. Было рѣшено, что онъ встрѣтится съ баномъ на пароходѣ, посреди озера *Блатна*, 21-го сентября. Но *Теллачичъ* не прибылъ на свиданіе. Эрцгерцогъ воротился въ Будапештъ, а затѣмъ скрылся изъ страны, съ тѣмъ, чтобы провести остатокъ своихъ дней въ частной жизни. Но и надежды бана осуществились не тотчасъ-же. 29-го сентября, неподалеку отъ Вѣлграда, при *Веленче*, произошла стычка, въ которой венгерцы, подъ начальствомъ *Мога*, одержали верхъ, такъ что *Теллачичъ* предпочелъ удалиться черезъ границу въ Австрію. Его аррьергардъ изъ 5.000 ч., подъ командою генерала *Ротъ*, былъ окруженъ 7-го октября у Осоры ландштурмами Гергея и Перцеля и вынужденъ былъ сложить оружіе.

Требованія *Баттіани* были отвергнуты вѣнскимъ министерствомъ; мало того, императоръ назначилъ графа *Ламберга* королевскимъ комиссаромъ въ Венгрію и главнокомандующимъ надъ всѣми венгерскими и кроатскими военными силами. Но «Комиссія обороны» въ Пештѣ объявила графа измѣнникомъ за то, что онъ принялъ на себя противозаконно дарованное ему званіе главнокомандующаго. И разнузданныя страсти толпы въ Пештѣ дошли до того, что народъ набросился 28-го сентября на графа, вытащилъ его изъ кареты и умертвилъ. Черезъ два дня послѣ того графъ *Евгеній Зичи* былъ захваченъ на пути его въ кроатскій лагерь; при немъ было найдено много экзем-

пляровъ императорскаго манифеста объ опредѣленіи Ламберга на должность, и за это онъ былъ преданъ военному суду, который, подъ председательствомъ *Артура Гергея*, молодого майора гонимовъ, приговорилъ Зичи къ висѣлицѣ, и онъ былъ казненъ.

Этимъ была порвана всякая возможность соглашенія между кошутовой Венгріей и австрійскимъ правительствомъ. Императорскимъ указомъ отъ 3-го октября венгерскій рейхстагъ объявлялся распущеннымъ; въ Венгріи было введено *осадное положеніе*, а банъ Іеллачичъ назначался главнокомандующимъ и намѣстникомъ короля въ Венгріи. Венгерскій рейхстагъ отвѣтилъ (6-го октября), что не признаетъ императорскаго указа, себя объявляетъ несмѣняемымъ, а бана—врагомъ государства и состоящимъ внѣ закона.

19-го сентября вице-президентъ рейхстага—въ Вѣнѣ, *Штробахъ*, доложилъ, что депутація венгерскаго рейхстага проситъ допущенія ея въ собраніе; но согласія на это не было дано. Зато эти депутаты встрѣтили самый радушный пріемъ со стороны вѣнскихъ демократовъ, обѣщавшихъ мадьярамъ поддержку вѣнскаго населенія. Радикалы постарались возмѣстить своей лучшей организаціей то, что они потеряли въ силѣ въ послѣднее время. По инициативѣ *Таусенау*, 13-го сентября образовался «*Центральный комитетъ радикальныхъ союзовъ*», что создало единство въ агитаціи. 6-го октября, при отправленіи гренадерскаго батальона въ Венгрію по желѣзной дорогѣ, студенты и рабочіе разобрали рельсы и сами гренадеры отказались садиться въ вагоны. Генераль *Бреди* прибѣгнулъ тогда къ насильственнымъ мѣрамъ: онъ приказалъ галиційскому полку атаковать непокорныхъ и ихъ друзей, но галиційцы были отброшены, самъ *Бреди* палъ, а вѣсть объ этомъ возмущеніи быстро распространилась по

всему городу. Тотчасъ-же стали строиться вездѣ баррикады; толпы бросились въ арсеналь за оружіемъ. Двѣ роты польской пѣхоты, подъ командою капитана *Кастель*, защищали это зданіе; ночью оно было подождено и яркое пламя освѣтило мѣсто побоища. Но храбрые солдаты держались и лишь утромъ 7-го октября покинули укрѣпленіе; въ него вторглась одичавшая чернь, все оружіе было расхищено.

Жители должны были скоро испытать послѣдствія такого буйства. Императоръ со всѣмъ своимъ дворомъ выѣхалъ на разсвѣтѣ (7-го окт.) изъ Шенбрунна въ *Ольмоуцъ*, подъ прикрытіемъ военной силы. Пріимѣру его послѣдовали иностранные послы, а въ ближайшіе за тѣмъ дни до 100.000 жителей бѣжали изъ города. Славянскіе депутаты правой и центра объявили о своемъ выходѣ изъ рейхстага и основали въ Прагѣ родъ противопарламента. Графъ *Ауэрсбергъ*, вѣнскій комендантъ, собралъ 10.000 ч., находившихся еще подъ его начальствомъ, въ предмѣстьѣ *Виденъ* и расположилъ ихъ лагеремъ въ Шварценбергскомъ саду. 8-го октября кرواتское войско Іеллачича вступило на австрійскую землю и Ауэрсбергъ выѣхалъ изъ лагеря, чтобы вступить въ сношенія съ баномъ, а 11-го князь *Виндшигрецъ* двинулся со своими полками изъ Праги въ Вѣну, съ цѣлью положить конецъ «анархіи въ столицѣ». Черезъ пять дней императоръ назначилъ его главнокомандующимъ всѣхъ австрійскихъ военныхъ силъ, включая сюда и кرواتскую армію, и наградилъ его фельдмаршалскимъ жезломъ.

Въ виду грозящей бури вѣнцы возлагали свои надежды преимущественно на *Венгрію*. Въ Будапештѣ, въ помощь министерству, учредился «*Комитетъ отечественной обороны*». 8-го октября, при извѣстіи о вѣнской революціи, Кошутъ предложилъ передать

этому комитету фактическое управление Венгріей. Рейхстагъ принялъ предложение, назначивъ самого Кошута председателемъ комитета (Ю-го окт.). Это дѣлало Кошута регентомъ Венгрии. Онъ началъ свое управление выпускомъ бумажныхъ денегъ (кошутовы ассигнаціи) и созвалъ военныя силы страны. Помощь Вѣнѣ была рѣшена, но могла-ли она прибыть во-время и быть достаточной для борьбы съ противникомъ, это составляло еще вопросъ.

Вѣнскій городской совѣтъ и не осмѣливался открыто взывать къ этой помощи. Подобная-же боязнь взять на себя отвѣтственность сдерживала и оставшійся еще въ силѣ «безголовный» рейхстагъ (Reichstags rumpf), который удовлетворялся назначеніемъ «Охранительной комиссіи», подъ предсѣдательствомъ депутата *Шуссельки*. Такимъ образомъ, руководство дѣлами переходило все болѣе въ руки демократическихъ кружковъ, которые возлагали тоже свои надежды на національное собраніе во Франкфуртѣ. Но большинство его отклонило предложение лѣвой придти на помощь вѣнскимъ демократамъ, если не фактически, то хотя словомъ ободренія. Одно только министерство заявило свое имѣ сочувствіе, пославъ въ Австрію комиссаровъ для улаженія дѣлъ въ пользу Вѣны своимъ мирнымъ посредничествомъ. Но Виндишгрецъ, къ которому они явились въ его главную квартиру въ Штамерсдорфѣ, рѣшительно отказывался понять: какія права могло имѣть франкфуртское правительство на подобное вмѣшательство?

По требованію демократическихъ союзовъ, временнымъ коммендантомъ Вѣны былъ избранъ *Венцель Мейссенгаузеръ*, человекъ рѣшительно неспособный для такого поста. При немъ состоялъ командовавшій мобіліями польскій генераль *Бемъ*.

Виндишгрецъ приблизился, меж-

ду тѣмъ, медленно съ сѣвера къ столицѣ и объявилъ въ ней 20-го октября осадное положеніе и полевой судъ.

26-го октября началась медленная атака. Почти цѣлый день гремѣла канонада. Къ вечеру войска овладѣли Пратеромъ и Бригитенскою поляной и отгвѣснили защитниковъ въ предмѣстья; однако, Виндишгрецъ отступилъ снова, издавъ прокламацію съ заявленіемъ, что онъ рѣшился покончить дѣло оружіемъ. На слѣдующее утро войска подступили со всѣхъ сторонъ для осады городскихъ предмѣстій; баррикады были взяты послѣ небольшого сопротивленія и только тамъ, гдѣ командовалъ *Бемъ*, стычка вышла серьезнѣе. Еще до вечера вся Вѣна, до стѣнъ внутренняго города, была въ рукахъ побѣдителей. Общинный совѣтъ отправилъ къ Виндишгрецу депутацию (29-го окт.), заявляя о готовности города подчиниться.

Главнокомандующій созвалъ комиссію изъ офицеровъ и членовъ общиннаго совѣта для установленія порядка обезоруженія Вѣны.

Такъ прошелъ день. Между тѣмъ, послѣ полудня 30-го октября, въ Вѣнѣ разнесся слухъ о томъ, что венгерцы уже подошли. Дѣйствительно, венгерская армія, которую велъ *Мога*, перешла границу и вступила при *Швехатъ* въ бой съ осаждающими; громъ пушечныхъ выстрѣловъ доносился до Вѣны. *Мессенгаузеръ* былъ тотчасъ-же назначенъ вновь главнокомандующимъ; толпы пролетаріевъ снова зашумѣли, заняли крѣпостныя верки и приготовились къ оборонѣ.

Теллачичъ съ нѣмецкими полками бросился навстрѣчу венгерцамъ, національная гвардія которыхъ и добровольцы разбѣжались при первыхъ выстрѣлахъ. Эта канонада ослабѣвала съ часу на часъ и стихла, наконецъ, совершенно: бѣгъ отгвѣснилъ венгерцевъ опять за границу. Мессенгаузеръ умолялъ гражданъ поки-

нуть мысль о борьбѣ въ Вѣнѣ, но чернь презирала всякій благоразумный совѣтъ, такъ что утромъ 31-го октября къ Внндингрецу явилась городская депутація, просившая у него защиты отъ безчинствовавшей толпы. Фельдмаршалъ положилъ конецъ этому. Въ полдень войска пошли на штурмъ внутренняго города. Солдаты ворвались въ него, прокладывая себѣ путь штыками, и защитники баррикадъ бѣжали въ безпорядкѣ. Борьба была окончена. Вѣна была завоевана и побѣдителямъ были дарованы обширнѣйшія полномочія.

Развитіе революціоннаго движенія въ Пруссіи.

Мартовское министерство могло рассчитывать на поддержку короля, который надѣялся еще тогда на удовлетворительное рѣшеніе дѣлъ съ помощью либераловъ. Но возникло двойное затрудненіе: *гражданская стража* приобрѣла, наряду съ воинскимъ сословіемъ, нѣкоторыя права, сообщавшія ей извѣстную независимость, а рабочіе классы заявляли притязанія на народное представительство, въ чемъ не легко было и отказать имъ. Соединенный сеймъ собрался 2-го апрѣля, собственно, лишь для того, чтобы подготовить учредительное народное представительство. Принимая въ основу либеральный законъ о выборахъ, онъ представилъ королю адресъ съ рядомъ пожеланій въ духѣ свободы, подкрѣпиль министерство выраженіемъ довѣрія и затѣмъ разошелся, оставивъ свободную арену для народныхъ движеній.

Послѣ мартовской борьбы порядокъ въ Берлинѣ былъ совершенно ниспровергнутъ. Полиція исчезла, чиновничество оставалось безъ дѣла, городскія власти безъ всякаго авторитета, большинство рабочихъ безъ работы. Общее настроеніе было самое возбужденное. Министерство вытребовало 29-го марта въ столицу 24-й полкъ, состоявшій изъ берлинскихъ уро-

По приказу императора Фердинанда, австрійскій рейхстагъ былъ переведенъ въ *Кремзиръ* (Моравія).

Этотъ пунктъ былъ предложенъ *Палацкимъ*. Засѣданія рейхстага открылись здѣсь 15-го ноября, черезъ недѣлю былъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ князя *Шварценберга* новый кабинетъ изъ лицъ строго консервативнаго направленія, а 2-го декабря императоръ Фердинандъ отрекся отъ престола въ пользу своего молодого племянника, эрцгерцога *Фрица Иосифа*.

женцевъ; однако, охрана общественнаго спокойствія лежала все еще на *гражданской стражѣ*, въ которой насчитывалось 30.000 чел. Она состояла изъ представителей имущей буржуазіи, и этимъ обусловливалось нерасположеніе къ ней со стороны населенія, которымъ усердно старалась воспользоваться радикальная партія.

Послѣдняя возвысила свой голосъ еще 23-го марта, не теряя надежды на конечную побѣду. Цѣлью ея было устраненіе либеральнаго министерства и замѣна его временнымъ правительствомъ, которое дало-бы ей въ руки всю власть надъ государствомъ. Вожаки партіи, *Берендсъ, Эйхлеръ, Юнгъ, Науверкъ*, были заранѣе намѣчены членами этого временнаго правительства, а командующимъ гражданскою стражею назначался *Гельдъ*. Главною своею опорой радикалы считали пролетаріатъ. Поводомъ къ вспышкѣ послужило недовольство постановленіемъ, по которому выборы въ прусское Національное собраніе подлежали двумъ баллотировкамъ, слѣдовательно, избиратели не могли прямо назначать своихъ представителей.

Въ *четвергъ на Пасхѣ* (20-го апр.) стали собираться толпы народа, двинувшіяся съ Александровской площади ко дворцу, въ которомъ

засѣдали министры. Увѣдомленная о томъ гражданская стража заняла ведущія ко дворцу улицы. Видя это, толпы предпочли разсѣяться, и задуманная радикалами демонстрація неудалась.

Большую роль, нежели настоящія газеты, играла въ это время *уличная пресса*. Масса летучихъ листковъ, схватывавшихъ событія дня именно на лету и излагавшихъ ихъ въ своеобразной, въ чисто-юмористической формѣ, раскупались въ тысячахъ экземпляровъ въ нѣсколько часовъ. На углахъ улицъ расклеивались безчисленные плакаты, которые жадно прочитывались публично. Выдающееся мѣсто между личными листками занимали сатирическіе. Эти уличные изданія вызвали новый промыселъ *книжныхъ разносчиковъ*, большею частью подростковъ, которые, стоя на углахъ, громко выкрикивали свой товаръ и навязывали его проходящимъ.

Еще непосредственнѣе старались вліять на массу многочисленныя политическіе союзы, большею частью демократическіе; они старались устраивать *народныя сходки*, привлекавшія часто тысячи человѣкъ. Главную массу слушателей составляли рабочіе. Для успокоенія ихъ послѣ мартовскихъ дней правительство предприняло рядъ общественныхъ работъ, причемъ они получали по полталеру поденной платы. Это привлекло въ Берлинъ много и постороннихъ рабочихъ.

Если дѣло не доходило еще до крупныхъ волненій, то все-же броженіе и тревога не переставали поддерживаться. Между тѣмъ, въ зажиточномъ классѣ болѣе усиливалось желаніе воротить порядокъ. Промышленность была въ застоѣ, имущества падали въ цѣнѣ; все это содѣйствовало раздраженію противъ тѣхъ, которые разжигали народныя страсти. Но все это озлобленіе противъ радикаловъ выражалось пока только въ рѣчахъ;

„Всемирная Исторія“. Т. IV.

либералы не сознавали еще вполне всей опасности, грозившей отъ радикаловъ: къ тому-же они не вполне довѣряли еще правительству и предоставили ему одному справляться съ радикалами. Но въ провинціяхъ дѣло обстояло иначе: общественное мнѣніе тамъ возставало противъ происходившаго въ столицѣ, рѣзко осуждая мартовскія событія.

20-го мая былъ обнародованъ *проектъ конституціи*. Такъ какъ министры были, большею частью, уроженцами рейнскихъ областей, то было естественно, что они положили въ основу проекта бельгійскія, весьма либеральныя, начала, стараясь приладить ихъ къ прусскимъ отношеніямъ. Изъ этого происходило, что «бельгійскую систему продырявили, а потомъ заткнули дыры тряпками». Въ подражаніе бельгійскому сенату, въ проектѣ предлагалась старшая палата, основанная на наследственности и весьма высокомъ цензѣ.

Двумя днями позже, 22-го мая, прусское Національное собраніе, созванное для «принятія конституціи», открыло свои засѣданія въ Бѣломъ залѣ дворца.

Можно было ожидать, что собраніе усердно займется обсужденіемъ проекта конституціи, но этого не случилось, и первыя засѣданія были посвящены болѣе вопросу о томъ, слѣдовало-ли отвѣтить адресомъ на тронную рѣчь короля? Затѣмъ слѣдовали подробныя совѣщанія объ очередномъ порядкѣ дѣлъ. Весь іюнь прошелъ въ этомъ; потомъ начались запросы лѣвой къ министрамъ, что дѣлалось съ цѣлью отдалить обсужденіе конституціи.

При всемъ этомъ господствовало большое возбужденіе, но оно возвысилось до крайности при вѣсти о томъ, что принцъ Прусскій хочетъ возвратиться изъ Англій, съ тѣмъ, чтобы занять свое мѣсто въ собраніи: онъ состоялъ депутатомъ отъ города *Вирцицъ*, въ Познани.

Политическое разногласіе между провинціей и столицей становилось все явственнѣе. Провинціальныя газеты выражали свое презрѣніе къ мартовскимъ днямъ. Радикалы употребили новыя средства для подрѣпленія своей пошатнувшейся популярности. Они стали подстрекать народъ къ принятію мѣръ къ противодѣйствию гражданской стражѣ. И дѣло было такъ просто:—стоило только разграбить *арсеналь*.

Утромъ 14-го іюня передъ арсеналомъ собралась шумная толпа; вообще, въ городѣ стало замѣчаться сильное волненіе, а къ вечеру скопища у арсенала все возрастали. Батальонъ стражи, подъ командою майора *Бенды*, охранялъ входъ въ арсеналь, между тѣмъ какъ верхній его этажъ былъ занятъ капитаномъ фонъ *Нацмеръ* съ частью 24-го полка.

Толпа держала себя угрожающимъ образомъ; скоро изъ нея раздался выстрѣлъ. Бенда отдалъ приказъ отвѣтить на это залпомъ. Тотчасъ-же стали строиться баррикады и беспорядочная толпа, занявъ Александровскую площадь, провозгласила республику. Другая толпа разбила боковую дверь арсенала и окна; капитанъ *Нацмеръ* растерялся и увелъ свою команду, давъ толпѣ полную возможность захватить, что ей было нужно. Но съ Жандармской площади сбѣжала уже на помощь гражданская стража; передъ главнымъ входомъ раздался барабанный бой и тогда картина тотчасъ-же перемѣнилась. Изъ арсенала стали въ страхъ выскакивать всѣ, успѣвшіе награть оружіе; они старались спастись бѣгствомъ, но имъ загораживали дорогу и они бросали свою добычу или добровольно отдавали ее.

Замыслы радикаловъ потерпѣли вездѣ неуспѣхъ. Уже 10-го іюня баронъ *Штокмаръ* совѣтывалъ Фридриху Вильгельму употребить военную силу противъ возбуждаемой анархіи въ Берлинѣ; это одно

могло возвратить національному собранію свободу высказываться и быть обезпеченнымъ отъ насилія, но король колебался. Между тѣмъ, вкорѣ, 18-го іюня, радикальный депутатъ *Улихъ* внесъ предложеніе, по которому Национальное собраніе, отклоняя воинскую защиту, ставило себя подъ покровительство берлинскаго населенія. И собраніе приняло это предложеніе, не усматривая всего его значенія: оно отдавалось теперь во власть черни, руководимой радикалами.

Самое министерство демократизовалось. 15-го іюня депутаты *Вальдекъ* и *Ваксмутъ* внесли предложеніе о назначеніи комиссіи для пересмотра министерскаго проекта конституціи и внесенія въ него поправокъ или полной замѣны его другимъ. Предложеніе было принято, комиссія выбрана, *Вальдекъ* получилъ власть преобразовать проектъ, и министерство вышло въ отставку. Однако, новое министерство приняло скоро консервативную окраску; оно было гораздо уступчивѣе передъ королемъ, нежели онъ того ожидалъ. Новый президентъ берлинской палиции, фонъ *Барделебенъ*, ограничилъ народныя сходки и учредилъ (22-го іюля 1848г.) новый полицейскій корпусъ *стражниковъ*, которыхъ народъ прозвалъ «констаблями».

Король надѣялся еще достигнуть, черезъ новое министерство, вышедшее изъ налаты, удачнаго составленія конституціи. Но окружающіе его выказывали все болѣе возраставшее нерасположеніе свое къ лицамъ, выдвинувшимся въ послѣднее время. Еще сильнѣе и глубже была оппозиція *крупныхъ землевладѣльцевъ*. Законопроектъ *Ганземанна* объ уравненіи налоговъ и снятіи поземельныхъ платежей грозилъ большимъ ущербомъ этимъ владѣльцамъ, особенно въ Помераніи, Бранденбургѣ и Саксоніи. Они образовали въ Берлинѣ союзъ, который велъ неутомимую борьбу противъ «рево-

люціонныхъ» стремленій правительства. И эта борьба должна была ставиться ожесточеннѣе, по мѣрѣ того какъ «юнкерская» партія распространялась.

Поворотнымъ пунктомъ въ положеніи вещей послужила рѣшимость Національнаго собранія затронуть военный институтъ, на которомъ покоилось все національное чувство пруссаковъ. 31-го іюля въ *Швейдницѣ* произошло столкновение между войскомъ и толпою, причемъ нѣсколько лицъ было ранено и убито. Національное собраніе назначило для разслѣдованія этого дѣла комиссію, которая приписала всю вину военнымъ. Тотчасъ-же (9-го авг.) депутатъ *Штейнъ* внесъ предложеніе: поставить военному министерству въ обязанность внушить всѣмъ офицерамъ прусской арміи, что они не только должны воздерживаться отъ всякихъ реакціонныхъ стремленій, но, напротивъ того, содѣйствовать введенію конституціоннаго правленія, причемъ тѣ военнослужащіе, «которые нашли бы это несогласнымъ съ своими политическими убѣжденіями, должны были считать долгомъ чести выйти въ отставку». Толпа громкимъ одобреніемъ встрѣтила это рѣшеніе, но офицеры были возмущены такимъ подчиненіемъ ихъ политики палатному большинству.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерству угрожало сопротивленіе и съ другой стороны. Радикалы считали учрежденіе стражниковъ за вызовъ, потому что эта дисциплинированная команда строго относилась къ личнымъ героямъ, пользовавшимся до тѣхъ поръ свободою дѣйствій, и арестовывала нарушителей спокойствія. Демократическій клубъ въ Берлинѣ созвалъ вечернюю сходку 21-го августа, приглашая приверженцевъ къ отмщенію за несправедливости, къ освобожденію арестованныхъ за политическія преступленія и,

вообще, къ ниспроверженію министерства, «состоящаго изъ фабрикантовъ и лавочниковъ».

Шумная толпа двинулась вдоль *Линовой* аллеи. У президента министерскаго совѣта, *фонъ Ауэрсвальда*, было большое общество и между гостями были многіе иностранные послы. Всѣ окна были освѣщены. Бушевавшая чернь стала ломать желѣзную рѣшетку у дома и швырять камнями въ окна. Гости министра искали спасенія за колоннами зала или спѣшили укрыться въ садъ. Народъ принялся баррикадировать улицу, но подоспѣвшая бѣглымъ шагомъ команда стражниковъ скоро отгнала скопище отъ министерства, а прибывшая вельдъ затѣмъ гражданская стража помогла имъ взять баррикаду и разрушить ее.

Спокойствіе было возстановлено. Ауэрсвальдъ созвалъ министровъ на совѣтъ; они порѣшили издать законъ противъ буйства. На слѣдующій день рѣчь о томъ зашла и въ Національномъ собраніи, но тѣмъ дѣло и кончилось. Министерство утратило всякую энергію.

Такъ наступило 7-е сентября, день, въ который было рѣшено возобновить въ собраніи пренія о предложеніи Штейна. Дебаты закончились тѣмъ, что предложеніе было принято. Эта побѣда досталась лѣвой неожиданно. Министерство потерпѣло полное пораженіе. 11-го сентября, оно явилось въ Національное собраніе въ послѣдній разъ съ заявленіемъ, что оно подало королю просьбу объ отставкѣ и получило ее. Теперь предстоялъ важный вопросъ: изъ какой партіи, правой или лѣвой, составить новое министерство. Предложеніе *Бексрата* спелось на лѣвую, которую отвергнулъ съ негодованіемъ. Между тѣмъ, правая явно дѣлилась на три фракціи: одну образовывали *юнкеры*, ставившіе всею цѣлью своей политики свои сословные

интересы, другую *потсдамцы*, поддерживавшіе связи съ дворомъ, и третью—парламентская *правая*, теоретически несогласная съ центромъ и лѣвою. Не образующая сплоченной массы съ ясно выраженными тенденціями, она не могла пріобрѣтать ни настоящаго уваженія въ публикѣ, ни пускаться корней въ народѣ.

Было естественно, что усиливавшійся демократизмъ Національнаго собранія, не позволявшій ожидать отъ него обнародованія умѣренной конституціи, заставитъ, наконецъ, короля создать противовѣсъ такому направленію. Войска, возвращавшіяся изъ эльбскихъ провинцій, были стянуты въ Берлинъ, а начальство надъ ними въ Маркахъ было поручено генералу *фонъ Врангелю*. Онъ тотчасъ-же издалъ прокламацію къ берлинцамъ, приглашая всѣхъ здравомыслящихъ гражданъ содѣйствовать ему въ поддержаніи порядка и грозя всѣмъ сторонникамъ смуть усмирять ихъ саблями и пулями. Въ то-же время командующій въ Силезіи генераль графъ *Бранденбургъ* объявилъ не менѣе рѣшительно, что отвѣтитъ военною силою на всякое нарушеніе спокойствія во ввѣренной ему области.

При такихъ обстоятельствахъ, положеніе всякаго министерства было затруднительно, — и новые министры были приняты Національнымъ собраніемъ съ нескрываемымъ недовѣріемъ. Президентомъ ихъ былъ генераль *фонъ Пфуль*; онъ-же — военный министръ. Министерство внесло въ Національное собраніе весьма примирительную программу, заявляя въ ней, что будетъ «держаться конституціоннаго пути, отвергая всякія реакціонерныя стремленія и ревностно охраняя всѣ народныя вольности, равно какъ и права короны». Между тѣмъ, угрожающія сборища становились болѣе и болѣе дерзкими, благодаря подстрекательству либераловъ и

большинства лѣвой. Это лишило властей всякаго уваженія къ нимъ со стороны народа, разнуздывало чернь и распространяло въ ней злобу противъ министровъ собранія. Среди этого, собственная задача собранія — соглашеніе конституціи съ королевскими правами — почти совершенно утерялась изъ вида. Но, наконецъ, комиссія *Вальдека* выработала проектъ конституціи, и 12-го октября начались пренія по этому предмету.

Но 16-го октября вспыхнули серьезные беспорядки. Рабочіе, рывшіе каналъ на *Кепеникскомъ полѣ*, раздраженные на министра *Бонина* за его попытки ввести между ними порядокъ, разбили одну машину, считая ее причиною уменьшенія ихъ заработка. Явившаяся на мѣсто волненія гражданская стража была встрѣчена ругательствами и градомъ камней, на что отвѣтила ружейнымъ залпомъ, причемъ нѣсколько человекъ было убито; потомъ она опять удалась, но баррикады начали строиться и уличная борьба казалась неминуемой. Однако, нѣкоторые депутаты лѣвой стороны успѣли усмирить волненіе.

Представители центральной комиссіи демократическаго союза въ Германіи собрались въ Берлинѣ еще въ августѣ мѣсяцѣ съ цѣлью созвать общій конгрессъ, который и состоялся 26-го октября. На этотъ «*Общій демократическій конгрессъ*» явились уполномоченные всевозможныхъ нѣмецкихъ демократическихъ обществъ, а также члены крайнихъ лѣвыхъ партій изъ всѣхъ національныхъ собраній въ Германіи. Въ общемъ набралось около 300 лицъ, которые и открыли свои засѣданія подъ названіемъ «Демократическаго конгресса». Цѣлью его было учрежденіе германской республики. Но съ самаго перваго засѣданія среди членовъ обнаружился расколъ. Умѣренные сторонники республики хотѣли ограничиться мирною пропагандой. Но противъ

нихъ горичо возставали фанатики. Въ виду такого несогласія конгрессъ скоро распался, но его крайняя лѣвая все-же образовала постоянную комиссію изъ своей среды. Однако, можно было ежедневно ожидать прибытія войскъ въ столицу: главная квартира Врангеля находилась въ Шарлоттенбургѣ. Для отпора ему радикалы рѣшили образовать вольную дружину. Вербовка въ нее производилась въ клубномъ помѣщеніи, а во всѣхъ демократическихъ обществахъ собирались нужныя для дѣйствія деньги. Но событія опережали приготовления.

Король, извѣстясь о той быстротѣ, съ которою Виндингрець подавилъ возстаніе въ Вѣнѣ, рѣшился покончить столь-же рѣшительно съ революціей въ Берлинѣ и отдалъ Врангелю приказъ объявить столицу на осадномъ положеніи. При донесеніи Врангеля о томъ, что это будетъ невозможно до тѣхъ поръ, пока Пфуль будетъ министромъ, король отрѣшилъ Пфуля отъ должности, вмѣстѣ со всѣмъ министерствомъ, и 2-го ноября командовавший войсками въ Силезіи, *графъ Бранденбургъ*, извѣстилъ письменно Національное собраніе, что король поручилъ ему составить новое министерство.

Эта вѣсть произвела большое волненіе въ собраніи. Въ своемъ извѣщеніи Бранденбургъ обнаруживалъ крайній консерватизмъ, а твердость свою и рѣшимость онъ выказалъ еще въ юности, будучи офицеромъ во время войнъ за освобожденіе. Павшій теперь на него выборъ указывалъ, что король отказывается уже отъ примирительныхъ путей и намѣренъ твердо отстаивать право короны, и это вызвало въ собраніи раздражительныя рѣчи противъ подобнаго министра-президента. Было рѣшено представить королю адресъ съ цѣлью склонить его къ переменѣ рѣшенія. Король отвѣтилъ на это кабинетнымъ указомъ отъ 3-го ноября, въ которомъ за-

являлъ о своей рѣшимости не отмѣнять однажды принятыхъ, «хорошо взвѣшенныхъ мѣръ». 9-го ноября новое министерство Бранденбурга появилось въ Національномъ собраніи. Во главѣ всѣхъ шелъ графъ Бранденбургъ—сынъ Фридриха Вильгельма II, отъ его морганитическаго брака съ графинею Денгофъ. Собраніе поднялось, чтобы принять королевскій рескриптъ, который и былъ прочтенъ громко. Указывая на безпорядки 31-го октября, король заключалъ свое посланіе такими словами: «Мы считаемъ поэтому цѣлесообразнымъ *перемѣнить собраніе*, созванное для обсужденія конституціи, изъ Берлина въ *Бранденбургъ*; а до этого времени засѣданія сказаннаго собранія откладываются. На основаніи этого требуемъ, чтобы тотчасъ-же по прочтеніи настоящаго посланія собраніе считало себя распущеннымъ, и созываемъ его въ Бранденбургъ на 27-е сего ноября».

Несомнѣнно, корона обладала правомъ избирать то или другое мѣсто для Національнаго собранія. Но приказъ короля поднялъ бурю, и начались разсужденія о томъ, слѣдовало-ли закрыть засѣданіе, или нѣтъ. Министръ-президентъ заявилъ, что считаетъ всякое продолженіе засѣданія «незаконнымъ и торжественно протестуетъ противъ него именемъ короны». Послѣ этого министры встали и вышли изъ зала; 78 депутатовъ правой послѣдовали за ними.

Постоянныя превышенія власти Національнымъ собраніемъ, его нападки на королевскія прерогативы, искусственное раздуваніе мелочей до степени парламентскихъ вопросовъ и кокетничанье съ радикальными элементами начинали уже сильно возбуждать общественное мнѣніе. Слышались громкія требованія перевести собраніе куда-нибудь изъ Берлина, провинціальныя газеты упрекали въ недостаткѣ патріотизма этихъ

людей, выработавшихъ въ 90 засѣданіяхъ лишь *три* параграфа конституціи, между тѣмъ какъ они были созданы именно для составленія ея.

Въ залѣ засѣданій оставались 282 члена собранія. Они рѣшили оставаться въ Берлинѣ, заявляя, что правительство не имѣло никакого права произвольно переводить собраніе, отсрочивать его засѣданія или и вовсе его распускать, а министры тяжко нарушили свой долгъ относительно страны и самого собранія. Обнародовавъ эти заключенія, собраніе было увѣрено, что берлинское населеніе подтвердитъ ихъ, но оно ошиблось. Врангель возвѣстилъ о своемъ вступленіи въ Берлинъ 10-го ноября. Народъ заполнялъ улицы; гражданская стража была налицо; остававшіеся въ городѣ члены Національнаго собранія за сѣдали уже съ самаго ранняго утра въ театральномъ залѣ; для защиты ихъ расположился на Жандармской площади отрядъ гражданской стражи. Послѣ полудня уже показались войска, и нигдѣ не поднялось руки противъ нихъ. На Жандармской площади Врангелю былъ врученъ *приказъ* «президента Національнаго собранія» предоставить защиту собранія исключительно гражданской стражѣ. Старый генераль отвѣтилъ рѣзко, что онъ не знаетъ никакого президента и никакого собранія, такъ какъ послѣднее уже распущено, и занялъ всѣ входы въ театръ съ приказомъ: выпускать всѣхъ и не впускать никого. Собраніе объявило это открытымъ насиліемъ, уступая которому поневолѣ, оно удаляется изъ зданія.

Берлинское населеніе пришло въ крайнее возбужденіе не столько отъ того, что Врангель «разогналъ собраніе», сколько отъ его приказа гражданской стражѣ выдать оружіе. Чтобы отнять у правительства возможность провѣрять выдачу, статейные списки были сожжены, а оружіе рѣшено было удерживать

до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ отнято силою. Многие изъ состоявшихъ въ гражданской стражѣ предпочли, однако, выдать лучшее свое оружіе рабочимъ для дѣйствія противъ правительства, хотя это повело лишь къ тому, что рабочіе стали подвергаться обыскамъ.

Но фракція *Унру*, какъ называлась по имени президента собранія оставшаяся часть депутатовъ, продолжала дѣйствовать. Собравшись до полудня въ отелѣ Миліусъ, они двинулись къ зданію театра. Двери передъ ними остались, конечно, закрытыми. Тогда депутаты направились въ Егерштрассе, къ гостиницѣ Hotel de Russie, но послѣ полудня нашли себѣ пріютъ въ *Охотничьемъ домикѣ*, гдѣ для охраны ихъ явился отрядъ безоружной гражданской стражи. Надъ городомъ точно нависла какая-то туча: всѣ ждали въ страхѣ общаго возстанія.

Радикалы находили такое возбужденіе благоприятнымъ для своихъ плановъ. Они рѣшили вызвать въ городѣ всеобщее возстаніе и затѣмъ умертвить или, по крайней мѣрѣ, «сдѣлать безвредными» всѣхъ солдатъ, расположенныхъ постоемъ у горожанъ. Однако, эта гнусная мысль была оставлена, встрѣтивъ слишкомъ большое неодобреніе. Были только разставлены тайные караулы для наблюденія за военными и разсланы посланцы для подготовленія обывателей и рабочихъ къ тревогѣ. Большинство возвращалось съ извѣстіемъ о холодномъ или даже недружелюбномъ пріемѣ.

Вожаки возстанія рѣшили: поджечь съ нѣсколькихъ концовъ *Фридрихсштадтъ*, широкія улицы и большія площади котораго было бы трудно защищать, а тѣсно застроенный *Кенигсштадтъ* загородить баррикадами и держаться въ немъ до прибытія выручки изъ Силезіи и Польши. Національное собраніе должно было тѣмъ временемъ засѣдать въ зданіи театра и править дѣлами отсюда.

Ночь прошла въ этихъ мрачныхъ приготовленияхъ, которыя не остались безызвѣстными Врангелю. Онъ соизволи въ воскресенье, рано утромъ, повѣхъ солдатъ, расположенныхъ по городскимъ квартирамъ. Войско его, слишкомъ малочисленное для занятія всего города, было расположено имъ такъ, что прикрывало центръ города, не разъединяя своихъ силъ, но могло всегда двинуться въ требуемую сторону. Послѣ полудня Национальное собраніе, засѣдая въ Охотничьемъ домикѣ, стянуло сюда революціонную армію, числомъ до 3.000 ч., полагая, что Врангель направитъ сюда свою атаку. Но войска не показывались, а вечеромъ было объявлено въ Берлинѣ осадное положеніе. Этимъ воспрещалось ношеніе оружія и всякія народныя скопища. Надъ печатью устанавливался надзоръ.

Благодаря этому, волненіе тотчасъ-же улеглось, Берлинъ принялъ свой прежній мирный видъ; на улицахъ закипѣла обычная дневная суета. Было явно, что водворяется довѣріе и революціонное движеніе миновало.

Нѣмецкое Национальное собраніе во Франкфуртѣ все еще озабочивалось примиреніемъ прусской короны съ народнымъ представительствомъ. Съ этою цѣлью младшему государственному секретарю *Бассерману* было поручено вліять на короля Фридриха Вильгельма, отклоняя его отъ перенесенія Национальнаго собранія въ Бранденбургъ и указывая ему на всю пользу окружить себя министерствомъ, «которое обладало-бы довѣріемъ страны и умѣло-бы устранить всѣ опасенія общества насчетъ возвращенія реакціонныхъ мѣръ и стѣсненій народной свободы». Но попытки посредничества были встрѣчены несочувственно. Часть центра и вся лѣвая настаивали на арестъ министровъ и генерала Врангеля; они требовали даже, чтобы основою примиренія было заявленіе короля о томъ, что

онъ впредь будетъ подчиняться всѣмъ постановленіямъ Национальнаго собранія. Между тѣмъ, король, видя, до чего дошло дѣло, рѣшился продолжать борьбу до конца.

Такимъ образомъ, оставалось мало надежды на возобновленныя засѣданія въ Бранденбургѣ. Открытіе ихъ послѣдовало 27-го ноября, но на него явилось лишь 150 членовъ, болѣею частью членовъ правой,—численность недостаточная для голосованія. Черезъ нѣсколько дней прибавилось еще около 100 членовъ центра, тоже отчасти и лѣвой, что дѣлало собраніе уже способнымъ постановлять рѣшенія. Но, когда требованіе отложить выборы президента до 4-го декабря было отклонено, многіе прибывшіе члены опять удалились. Было предложено замѣщать отсутствующихъ ихъ кандидатами, но и это встрѣтило разныя протаводѣйствія. Всѣмъ этимъ безплоднымъ препирательствамъ былъ положенъ конецъ королевскимъ посланіемъ, которымъ собраніе распускалось и даровалась конституція.

Было естественно, что такой шагъ со стороны правительства возбудилъ большое волненіе въ странѣ; но, когда стало извѣстно, что дарованная конституція гораздо либеральнѣе, нежели того можно было ожидать послѣ побѣды монархической власти, въ общественномъ мнѣніи совершился быстрый и рѣшительный поворотъ. Всѣ поняли, что мѣра короля была актомъ политической необходимости, и стали ожидать съ довѣріемъ дальнѣйшаго развитія Пруссіи. Самымъ значительнымъ отклоненіемъ отъ проекта былъ параграфъ 105, который давалъ королю право, при отсутствіи палаты, издавать, при настоятельной нуждѣ, *предписанія, имѣющія силу закона*, но, во всякомъ случаѣ, подъ отвѣтственностью министровъ и съ предоставленіемъ палатамъ позднѣйшаго утвержденія этихъ мѣръ.

Обсужденіе конституціи, избраніе императора и
конецъ нѣмецкаго Національнаго собранія во
Франкфуртѣ.

Во Франкфуртѣ все еще засѣдало нѣмецкое *Національное собраніе*. Имѣя притязаніе быть собраніемъ *верховнымъ*, оно вырабатывало основныя права нѣмецкаго народа и обсуждало конституцію будущаго нѣмецкаго государства. Но осеннія событія низвели его на степень простой конституціонной комиссіи, заключенія которой подлежали еще одобренію другихъ учреждений. Въ обоихъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ государствахъ коронѣ приходилось отстаивать самой свои права противъ революціонныхъ замысловъ радикаловъ; какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ господствовало осадное положеніе, и посредническія попытки нѣмецкаго Національнаго собранія не имѣли успѣха. Такимъ образомъ, требованіе объявить и ввести «основныя права» въ государствахъ было исполнено лишь мелкими владѣтелями. Всѣ королевства, за исключеніемъ только Вюртемберга, отклонили требованіе, и Національное собраніе не имѣло никакихъ средствъ принудить ихъ къ исполненію его предписаній.

Всего непріязненнѣе было отношеніе нѣмецкаго Національнаго собранія къ *Австріи*. На вновь открытомъ въ Кремзирѣ австрійскомъ рейхстагѣ министерство Шварценбергъ, въ полное противорѣчіе съ постановленіемъ франкфуртскаго парламента отъ 27-го октября о томъ, что «лишь нѣмецкія владѣнія могли входить въ составъ государства», представило программу, по которой «дальнѣйшее существованіе Австріи въ государственномъ единеніи» было «не только нѣмецкою, но и европейскою необходимостью». Хотѣла-ли Австрія вступить въ составъ вновь созидаемаго нѣмец-

каго государства, или хотѣла выдѣлиться изъ Германіи? Первый изъ этихъ плановъ дѣлалъ невозможнымъ сплоченіе нѣмецкаго государства и вель неизбежно къ возвращенію прежняго союза; второй выдвигалъ Пруссію во главу нѣмецкаго государства. То и другое было нежелательно многимъ, и потому было важно найти средній путь.

Всѣ различныя фракціи Національнаго собранія сходились въ томъ, что болѣе подходящимъ лицомъ для подобнаго посредничества являлся *Гагернъ*; президентъ Національнаго собранія, и протекторъ Іоаннъ назначилъ его министромъ-президентомъ (16-го дек. 1848 г.). Но, по мнѣнію Гагерна, слѣдовало образовать нѣмецкое государство безъ Австріи, состоя съ нею лишь въ свободномъ союзѣ, «*унии*».

Этотъ австрійскій союзъ затрогивалъ такъ глубоко Національное собраніе, что онъ совершенно измѣнилъ прежнія партійныя комбинаціи. Австрійскіе депутаты сплотились въ отдѣльную фракцію, къ которой примкнули ультрамонтаны, а также и партикуляристы. Всѣ они вмѣстѣ именовали себя «велико-германцами», потому что вступленіе Австріи во всею ея объемъ въ нѣмецкое государство создало-бы, дѣйствительно, весьма большую Германію. Къ нимъ склонялись и демократическіе члены лѣвой, которые, вообще, нежелали какого-либо твердаго нѣмецкаго государства. Они называли въ насмѣшку «*мало-германцами*» своихъ противниковъ, надѣявшихся на созданіе крѣпко спаяннаго нѣмецкаго государства, съ Пруссіею во главѣ и съ исключеніемъ Австріи, и упрекали антагонистовъ въ томъ, что они хо-

тять вовсе вытѣснить Австрію изъ Германіи.

Подъ твердымъ и искуснымъ руководствомъ *Симсона*, обсужденіе конституціи нѣмецкаго государства было доведено почти до конца; оставалось лишь рѣшить вопросъ объ его главѣ. Предложеніе выбрать его изъ числа царствующихъ въ Германіи государей — причемъ могъ подразумеваться лишь прусскій король — было принято 19-го января 1849 г.; было заявлено согласіе и на то, чтобы этотъ глава носилъ титулъ *императора*. Но предложеніе сдѣлать этотъ санъ наследственнымъ было отклонено.

Послѣ того, какъ были установлены главныя основы конституціи, временное центральное управленіе препроводило (28-го января) всѣмъ правительствамъ приглашеніе представить ко второму чтенію проекта конституціи свои замѣчанія, добавленія или контръ-проекты. 3-го февраля закончилось первое чтеніе.

Уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 23-го января, прусское правительство обратилось съ подобнымъ-же приглашеніемъ ко всѣмъ нѣмецкимъ государствамъ, выражая свою увѣренность въ томъ, что Национальное собраніе обратитъ вниманіе на своевременно представленныя ей соображенія. Пруссія высказывалась при этомъ относительно Австріи въ томъ смыслѣ, что при обращеніи Австріи въ сплошное государство она можетъ соединиться съ Германіей лишь *дальнѣйшимъ* союзомъ. Естественнымъ образомъ, въ Австріи были весьма раздражены такимъ отказомъ отъ прежняго направленія.

При полученномъ двойномъ требованіи мелкіе германскіе владѣтели послѣдили признать конституцію (24-го февраля), сопровождая, конечно, это согласіе всевозможными проектами ея усовершенствованія; по четыре королевства: *Ганноверъ, Баварія, Саксо-*

нія и *Вюртембергъ* представили принципиальныя возраженія противъ учрежденія союзнаго нѣмецкаго государства, въ которомъ не участвовала-бы Австрія. Она-же торжественно протестовала (4-го февраля) «противъ подчиненія австрійскаго императора какой-бы то ни было центральной власти, находящейся въ рукахъ другого нѣмецкаго государя».

Слѣдствіемъ этого было то, что «мало-германцы» сплотились еще тѣснѣе. Около 200 членовъ Национальнаго собранія, собравшись въ *Вейденбушъ*, порѣшили, при второмъ и послѣднемъ чтеніи проекта конституціи, требовать наследственной императорской власти и вручить ее *прусскому* королю.

Австрія сама шла, повидимому, имъ на помощь. 7-го марта засѣдавшій въ Кремзирѣ австрійскій рейхстагъ былъ распущенъ, а вслѣдъ затѣмъ дарована народу конституція, помѣченная 4-мъ марта и основною чертою которой была строжайшая централизація всѣхъ принадлежащихъ австрійской коронѣ земель. Въ то-же время австрійское правительство препроводило во Франкфуртъ ноту, которою оно требовало вступленія *общей австрійской монархіи* въ составъ нѣмецкаго государства.

Второе чтеніе проекта конституціи началось 3-го марта, и 27-го было уже окончено. *Наслѣдственность императорской короны* была принята.

Началось засѣданіе 28-го марта 1849 г., посвященное *выбору императора*. Президентъ *Симсонъ* руководилъ голосованіемъ. 248 депутатовъ отказались отъ подачи голоса; остальные 290 подали его за *прусскаго короля* Фридриха-Вильгельма IV.

Депутація изъ 33 членовъ собранія, съ *Симсономъ* во главѣ, должна была поднести прусскому королю наследственную нѣмецкую императорскую корону. Но *Кельнъ* вовсе не желалъ слышать о ка-

комъ-то нѣмецкомъ императорѣ. Толпы черни, подстрекаемыя радикалами и ультрамонтанами, встрѣтили депутацію кошачьимъ концертомъ. Однако, 2-го апрѣля она прибыла въ Берлинъ и должна была на другой-же день въ полдень быть принятой въ аудіенціи королемъ.

Король принялъ депутацію 3-го апрѣля въ полдень, въ Кавалерскомъ залѣ берлинскаго дворца. Онъ стоялъ подъ троннымъ балдахиномъ, окруженный принцами, министрами и придворными чинами. Президентъ Симсонъ выступилъ впередъ, чтобы поднести ему отъ имени нѣмецкаго Національнаго собранія германскую императорскую корону и вручить самый протоколъ избранія, равно какъ и текстъ имперской конституціи.

Король въ своемъ отвѣтѣ признавалъ права, которыя даровало ему постановленіе Національнаго собранія, благодарилъ за довѣріе, но отказался отъ подносимаго сана.

Депутаты были поражены. Король далъ имъ понять въ своей рѣчи, что Національное собраніе не имѣетъ права избирать императоровъ, и выразилъ тоже справедливое опасеніе въ томъ, что, однажды принявъ ту конституцію, на основаніи которой онъ избранъ, онъ неминуемо будетъ вовлеченъ на революціонный путь и въ военныя осложненія. Если-бы онъ и не отвергъ короны, то вступилъ-бы на почву совершенно чуждую той, которой держалось Національное собраніе.

Депутаты покинули дворецъ въ большомъ волненіи. Они понимали, что разрывъ съ Пруссіей разрушаетъ все ихъ дѣло.

Вечеромъ депутація была приглашена къ принцу Прусскому (впоследствии германскому императору). Августѣйшая хозяйка, принцесса *Августа* (будущая императрица), заявляла, при бесѣдѣ со своими гостями, что дѣло де-

путаціи не могло такъ окончиться, потому что предметъ былъ слишкомъ насущенъ, слишкомъ значителенъ. Но принцъ высказалъ, со всею солдатскою откровенностью, что нельзя было требовать отъ Пруссіи вторженія въ Баварію съ 80.000 войска, для того чтобы принудить тамошняго короля признать и избраніе, и конституцію.

Однако, въ тотъ-же день была отправлена ко всемъ правительствамъ прусскаго юга съ приглашеніемъ послать своихъ уполномоченныхъ во Франкфуртъ, для того чтобы условиться между собою и съ Пруссіей насчетъ общаго соглашенія съ Національнымъ собраніемъ.

Не усматривая ничего предупредительнаго въ этой нотѣ, Національное собраніе рѣшило «держаться *неуклонно* принятой во второмъ чтеніи и обнародованной государственной конституціи, равно какъ и выборнаго закона». Заранѣе отклоняя такимъ заявленіемъ всякое измѣненіе какой-либо статьи конституціи, Національное собраніе ставило прусское правительство въ необходимость отвѣтить категорически: «да» или «нѣтъ». Къ этому случилось еще такъ, что 28 нѣмецкихъ правительствъ заявили до 14-го апрѣля свое согласіе на государственную конституцію, но Австрія рѣшительно протестовала 5-го апрѣля противъ какого-либо подчиненія своихъ законовъ чужимъ, а своего императора другому главѣ. Она отозвала при этомъ своихъ депутатовъ изъ Франкфурта, а королевства не отвѣчали даже ничего на прусскую ноту. Въ Берлинѣ бывший министръ *Родбертусъ* внесъ (21-го апр.) во вторую палату предложеніе признать государственную конституцію, что и было принято значительнымъ большинствомъ. Но король оставался при своей точкѣ зрѣнія, по которой императорское достоинство казалось ему несомвѣстнымъ

съ остающейся безъ измѣненія конституціей. Онъ распустилъ 27-го апрѣля палату, которая и безъ того объявляла осадное положеніе Берлина незаконнымъ, а 28-го заявилъ окончательно, что отвергаетъ и корону, и конституцію германскаго государства. Вмѣстѣ съ этимъ отказомъ Национальному собранію, король препроводилъ циркулярную ноту съ приглашеніемъ на конференцію въ Берлинъ тѣхъ правительствъ, «которые пожелали бы вступить въ дальнѣйшія совѣщанія съ Пруссіей относительно имѣющихъ быть принятыми мѣръ для развитія конституціоннаго дѣла». Это было шагомъ къ образованію особаго союза среди нѣмецкихъ государствъ.

Направленіе Пруссіи совершенно рознилось отъ принятаго Национальнымъ собраніемъ, которое и рѣшило (26-го апр.) поручить временной центральной власти употребить всѣ средства на проведеніе конституціи. По предложенію *фонъ Ваденбрука* отъ 4-го мая, всѣмъ правительствамъ, законодательнымъ учрежденіямъ и общинамъ въ каждомъ государствѣ было заявлено требованіе: признать и ввести въ населеніи объявленную Национальнымъ собраніемъ конституцію. Это вызвало волненія. Гражданская стража въ *Дрезденѣ* затѣяла парадъ въ честь конституціи; правительство запретило его. Тотчасъ-же возникло вооруженное возстаніе: въ улицахъ построились баррикады изъ заготовленнаго уже ранѣе матеріала; учредилось «временное правительство». Русскій эмигрантъ *Бакунинъ* принялъ на себя военное руководство. Изъ окрестностей нахлынули толпы народа. Король обратился за помощію къ Пруссіи. Нѣсколькихъ прусскихъ батальоновъ, подъ командою графа *Вальдерзее*, и немногочисленныхъ саксонскихъ отрядовъ оказалось достаточно для подавленія возстанія.

Извѣстіе о происходившемъ вы-

звало крайне бурныя сцены въ церкви св. Павла. Лѣвая неистово требовала защиты дрезденскихъ инсургентовъ.

Государственный министръ внутреннихъ дѣлъ, *Гагернъ*, сдѣлалъ еще послѣднюю попытку для проведенія государственной конституціи. Онъ находилъ необходимымъ, чтобы центральная власть взяла въ свои руки это дѣло, энергично подавляя анархію, но въ то-же время столь-же рѣшительно не допуская правительства подавлять народную волю. Но протекторъ *Юаннъ* былъ несогласенъ съ этимъ. Тогда *Гагернъ*, со всѣмъ министерствомъ, попросилъ увольненія и получилъ его безпрекословно. Но Пруссія, вообще глубоко оскорбленная, отозвала 14-го мая своихъ уполномоченныхъ изъ церкви св. Павла. Большинство членовъ правой партіи послѣдовало въ слѣдующіе дни за ними, благодаря чему лѣвая партія получила перевѣсъ.

Въ то-же самое время, какъ и въ *Дрезденѣ*, произошли народныя волненія и въ другихъ мѣстностяхъ, но были быстро подавлены прусскими войсками, подъ начальствомъ *Ганнекена*.

Национальное собраніе состояло теперь изъ прежней лѣвой партіи и крайней лѣвой; раньше оно придерживалось либеральнаго направленія, теперь-же измѣнило его на крайне-радикальное. Такимъ образомъ, понятно, съ какимъ презрѣніемъ оно отнеслось къ новому министерству, послѣ того какъ было распушено министерство *Гагерна*. Новое министерство состояло изъ людей умѣренныхъ и консерваторовъ, не обладавшихъ, однако, достаточной рѣшительностью, чтобы открыто вступить въ борьбу съ Национальнымъ собраніемъ.

Послѣднее, желая совершенно освободиться отъ вмѣшательства центральной власти и пріобрѣсти непосредственное вліяніе на мятежныя провинціи *Бадена* и

Пфальца, 30-го мая рѣшило перенести мѣсто своихъ совѣщаній изъ Франкфурта и избрало *Штуттгартъ*, въ надеждѣ побудить къ возстанію давно уже волновавшійся *Вюртембергъ*. Изъ Штуттгарта и его окрестностей Національнымъ собраніемъ была получена цѣлая масса адресовъ, общавшихъ ему помощь и поддержку противъ вюртембергскаго правительства. 30-го мая послѣдніе выборные покинули свои мѣста, и церковь св. Павла, бывшая цѣлый годъ живымъ центромъ Германіи, опустѣла.

6-го іюня начались засѣданія Національнаго собранія въ *Штуттгартъ*. Первымъ постановленіемъ собранія было учрежденіе «*государственнаго регентства*», состоявшаго изъ выборныхъ изъ ихъ среды уполномоченныхъ, которое тотчасъ же ясно показало свое отношеніе къ революціи. Оно приказало генераламъ фонъ Пейкеру и фонъ Миллеру, которые командовали войсками, назначенными для усмиренія мятежниковъ, немедленно прекратить всякія враждебныя дѣйствія противъ Пфальца и Бадена. Генераль Миллеръ отказался повиноваться, а потому былъ отставленъ. Государственное регентство потребовало отъ другихъ германскихъ правительствъ вспомогательное войско и кредита въ 5 милліоновъ талеровъ и издало воззваніе, призывавшее всѣхъ къ «борьбѣ противъ абсолютизма».

Вслѣдствіе этого вюртембергское правительство отобрало у Національнаго собранія залъ засѣданій, и вюртембергскій министръ-президентъ *Рэмеръ*, не смотря на то, что самъ былъ

членомъ Національнаго собранія, 13 іюня попросилъ «государственное регентство перенести свои засѣданія изъ Вюртемберга, что, однако, не было исполнено; тогда 17-го іюня онъ заявилъ Національному собранію, что его присутствіе не можетъ быть дольше терпимо въ Вюртембергѣ, и предложилъ ему перенести свои засѣданія въ Баденъ; но собраніе не пришло ни къ какому рѣшенію относительно мѣста засѣданій и постановило только исполнить настоятельное требованіе Рэмера покинуть городъ.

25-го іюня члены собранія рѣшили вновь собраться въ *Карлсруэ*, но въ тотъ самый день прусскія войска, усмиривъ возстаніе въ Баденѣ, заняли его столицу.

Тутъ нѣмецкому Національному собранію пришелъ конецъ. Какія большія надежды возлагались на него тринадцать мѣсяцевъ тому назадъ и какъ мало они оправдались! Созванное съ цѣлью ограничить развитіе революціи соответственными измѣненіями тогдашнихъ обстоятельствъ въ Германіи, оно, между тѣмъ, дало радикальной партіи время окрѣпнуть и усилиться, такъ что она не только уронила значеніе собранія, но и совсѣмъ забрала его въ свои руки. Это былъ самый тяжелый ударъ, нанесенный либерализму, который совершенно отнялъ у него политическое значеніе, пріобрѣтенное имъ въ началѣ бурнаго 1848 г. Побѣда надъ радикальной партіей, угрожавшей всей Германіи, осталась на сторонѣ реакціонеровъ, а не либераловъ, вотъ почему понятно, что первые надолго присвоили себѣ славу и плоды одержанной ими побѣды.

Паденіе Венгріи.

Венгерцы еще въ послѣднюю минуту хотѣли придти на помощь возставшей *Вѣнѣ*, но были разбиты, а Вѣна—взята. 7-го ноября 1848 г. императоръ Фердинандъ

издалъ манифестъ, которымъ осуждалъ «дерзкіе происки Людвигъ Кошута и его сообщниковъ».

Все управленіе Венгріи находилось, собственно, въ рукахъ «коми-

тета народной защиты», во главѣ котораго стоялъ *Кошутъ*; онъ уже давно старался привлечь иностранных державы на сторону Венгрии, но безуспѣшно. Кроме того, венгерское правительство стремилось завоевать симпатіи населенія другихъ національностей, находившихся въ странѣ. Однако, *словаки*, несмотря на всѣ обращенныя къ нимъ воззванія, оставались спокойными и даже образовалась партія, примкнувшая къ Австріи. *Сербы* также не могли отдѣлаться отъ своей застарѣлой вражды. Попытка Кошута въ ноябрѣ войти съ ними въ соглашеніе окончилась полной неудачей. Несмотря на несогласіе различныхъ партій, патриархъ *Раяичъ*, вождь старо-сербовъ, вошелъ въ соглашеніе съ вновь избраннѣйшимъ воеводой *Супликацомъ*, удаливъ предводителя противной партіи Стратимировича, отправивъ его ко двору въ Ольмюцъ, и рѣшительно отклонилъ предложеніе Кошута. Пограничная сербская дружина превратилась въ австрійско-сербскую армію. Война на южной границѣ Сербіи продолжалась. Венгерцы укрѣпились въ крѣпостяхъ Эссегъ и Петервардейнъ; положеніе ихъ было очень затруднительнымъ, такъ какъ впереди стояли сербы, которые отказались имъ помогать, а крѣпости Арадъ и Темешваръ были въ рукахъ австрійцевъ.

Положеніе дѣлъ въ Трансильваніи было еще хуже. Несмотря на то, что мадьяры-секлеры стояли на сторонѣ Венгрии, большинство остального населенія, румыны и саксы, и слышать не хотѣло о союзѣ Трансильваніи съ Венгріей, на который императоръ изъявилъ свое согласіе, и требовали восстановления прежнихъ порядковъ, вслѣдствіе чего возгорѣлась междуособная война.

Венгрія, такимъ образомъ, была вынуждена рассчитывать только на свои силы. Зерномъ венгерской арміи являлись 21 пѣхотный

полкъ, перешедшіе на ея сторону 35 батальоновъ гонведовъ (земское ополченіе) и 16 гусарскихъ полковъ. Артиллерія должна была сформировываться вновь, между тѣмъ какъ оружейные заводы стояли на совсѣмъ низкой ступени. Венгерская армія ни по числу, ни по организаціи и дисциплинѣ ни въ какомъ случаѣ не могла сравняться съ австрійской.

Благопріятнымъ для Венгрии обстоятельствомъ явилась перемѣна на престолѣ, происшедшая 2-го декабря 1848 г. въ Ольмюцѣ; такъ какъ теперь борьба шла за «коронованнаго» короля Фердинанда и за старыя права Венгрии, на утвержденіе которыхъ молодой императоръ Францъ Іосифъ не согласился, то многіе опытные въ бояхъ военные и уважаемые дворяне стали подъ знамена Кошута. Рейхстагъ въ Будапештѣ призналъ стремленіе Фердинанда незаконнымъ, а его прокламацію—вымысломъ камарильи.

Смѣна императоровъ повлекла за собой значительное передвиженіе австрійской арміи. Князь *Виндишгрецъ* выступилъ изъ ВВны, и 15-го декабря его армія перешла границы Венгрии, близъ Брука на Лейтѣ, съ баномъ *Теллачичемъ* во главѣ; съ сѣвера, изъ Галиціи, двинулся въ Венгрію графъ *Шлькъ*; съ запада, изъ Моравіи—графъ *Симоничъ*, изъ Штиріи—графъ *Нугэнтъ*. Виндишгреца встрѣтила венгерская дунайская армія, вытянувшаяся въ длинную линію, бывшая со времени сраженія при Швехатѣ подъ начальствомъ *Гергея* *)

*) Артуръ Гергей, потомокъ древняго дворянскаго рода, родился 5-го февраля 1818 г. въ Топпери. Онъ усердно занимался изученіемъ химіи въ Прагѣ, но лѣтомъ 1848 г. семейныя обстоятельства призвали его на родину, гдѣ онъ вступилъ въ національную гвардію. Его имя скоро приобрѣло всеобщую извѣстность, благодаря тому, что онъ приказалъ повѣсить, какъ шпіона, молодого графа Евгенія Зичи, у

Гергей самъ хорошо сознавалъ непригодность своихъ войскъ, и первая стычка съ врагомъ вполне оправдала его мнѣніе. При приближеніи австрійцевъ его баталіоны смѣшались. Пресбургъ былъ отданъ безъ боя, и Гергей, не обращая вниманія на приказанія Кошута, отступилъ къ Будапешту. Генераль *Перцель*, получившій отъ Кошута инструкцію дѣйствовать совместно съ Гергеемъ, отважился оказать австрійцамъ сопротивленіе, но былъ разбитъ наголову при *Мооръ* 31-го декабря. Тогда Кошутъ предложилъ рейхстагу перенести свои засѣданія изъ Будапешта въ болѣе безопасное мѣсто и, вмѣстѣ съ этимъ, послать депутацію къ фельдмаршалу Виндишгрецу, чтобы въ точности узнать его требованія.

Виндишгрець отвѣтилъ депутаціи, что онъ не желаетъ вести переговоры съ мятежниками и можетъ принять членовъ депутаціи только въ качествѣ частныхъ лицъ. 5-го января онъ занялъ *Офенъ*, а оттуда перешелъ въ *Пештъ*, гдѣ тотчасъ-же поднялъ черно-желтый флагъ.

Виндишгрець считалъ, что занятіемъ столицы мятежъ въ странѣ уже усмирень, и былъ, казалось, почти правъ. По плану графа *Латура*, австрійцы должны были одновременно со всѣхъ сторонъ проникнуть въ Венгрію. Венгерцы имѣли восемь армейскихъ корпусовъ для противодѣйствія имъ, но, въ сущности, только на словахъ, такъ какъ корпусъ *Гад-*

котораго была найдена охранительная грамота кроатскаго бана. Вскорѣ онъ былъ назначенъ маіоромъ гонведовъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ командованіе дунайской арміей. Этотъ въ высшей степени образованный человѣкъ отличался большимъ честолюбіемъ и держалъ себя самостоятельно и независимо. Кошута онъ считалъ „демократомъ“ и „диплетантомъ“; начальники относились къ нему недружелюбно и недоувѣрчиво, но солдаты были самоотверженно ему преданы.

дика стоялъ подъ Сегеддиномъ, противъ сербовъ; другой защищалъ Коморнъ, третій осаждалъ Арадъ, а въ Семиградіи оставались только жалкіе остатки арміи. Даже часть венгерской арміи, предназначенная для сопротивленія въ открытомъ полѣ, была въ очень печальномъ состояніи; способнымъ къ бою были только отрядъ Гергея, однако, послѣдній былъ въ сильно оостренныхъ отношеніяхъ съ комитетомъ народной защиты. По его предложенію, его офицеры подписали и обнародовали манифестъ, въ которомъ заявляли, что борются только за утвержденную королемъ Фердинандомъ конституцію и не желаютъ повиноваться никому, кромѣ назначеннаго имъ военнаго министра Мессароша.

Одновременно съ Виндишгрецомъ изъ Галиціи вторглась въ сѣверную Венгрію другая австрійская армія, подъ начальствомъ графа *Шлыка*. Онъ перешелъ Карпаты и нѣсколькими пушечными выстрѣлами разогналъ гонведовъ. 11-го декабря онъ расположилъ свою главную квартиру въ Кашау и подготовилъ армію къ зимнему походу. Комитетъ народной защиты выслалъ Шлыку навстрѣчу военнаго министра Мессароша. Шлыкъ далъ ему время получить подкрѣпленіе и снарядить свои войска; но, когда 4-го января 1849 г. послѣдній хотѣлъ выбить Шлыка изъ позиціи, онъ потерпѣлъ полное пораженіе; однако, Шлыкъ не воспользовался этою побѣдой и остался въ Кашау.

Это бездѣйствіе имѣло для Австріи роковыя послѣдствія. Начальство надъ разбитой арміей Мессароша было передано генералу *Клапкѣ* *).

Онъ быстро увеличилъ свою

*) Георгій Клапка родился 7-го апрѣля 1820 г. и былъ сыномъ бургомистра Темешвара. Онъ прекрасно окончилъ военную академію въ Вѣнѣ и прошелъ суровую школу подъ начальствомъ Гергея.

армію до 10.000 человекъ и сумѣлъ внушить надежду на побѣду. Шлыкъ съ изумленіемъ узналъ, что венгерцы собираются близъ *Токайн*. Онъ тотчасъ-же поспѣшилъ туда и хотѣлъ выбить ихъ изъ занятыхъ ими-высотъ, но былъ отбитъ. Второй штурмъ окончился такъ-же безуспѣшно. Тутъ приблизился Гергей, чтобы напасть на австрійцевъ съ тыла, послѣдніе быстро отступили и были-бы окончательно разбиты, если-бы комитетъ народной защиты не передалъ въ такую рѣшительную минуту командованіе надъ арміей Клапка и Перцеля генералу *Дембинскому*.

Послѣ паденія Вѣны, польскій генералъ *Бемъ* предложилъ Венгріи свои услуги. Кошутъ принялъ ихъ и отправилъ Бема въ Трансильванію. Между тѣмъ, графъ *Телеки* въ Парижѣ привлекъ на сторону венгерцевъ другого польскаго генерала, Дембинскаго, однако, венгерскіе офицеры были очень недовольны тѣмъ, что ими командуетъ иностранецъ; кромѣ того, Дембинскій не былъ знакомъ съ условіями страны и людьми и былъ очень грубъ; послѣдствія всего этого, конечно, не замедлили сказаться.

Дембинскій 26-го февраля встрѣтилъ армію Виндишгреца. Сраженіе произошло близъ *Каполны* 27-го февраля. Венгерцы были отбѣснены; Клапка и торопливо подошедшій Гергей умоляли Дембинскаго совместно напасть на австрійцевъ, но Дембинскій не двинулся. Виндишгрецъ тоже не нападалъ и отступилъ за *Тейссу*. Клапка и другіе съ отчаяніемъ заявили, что не желаютъ больше подчиняться Дембинскому. Послѣдній былъ отставленъ, и командованіе арміей было передано Гергею. Кошутъ, между тѣмъ, не довѣряя Гергею, назначилъ преемникомъ Дембинскаго генерала *Феттера*.

Побѣда австрійцевъ при Каполнѣ не имѣла рѣшающаго значе-

нія, но все-таки произвела извѣстный переворотъ въ планѣ ихъ дѣйствій.

Князь *Феликсъ Шварценбергъ* призвалъ въ составъ ноябрьскаго министерства не однихъ слѣпыхъ реакціонеровъ; оно сознавало насущную необходимость преобразованій въ Австріи. Носителемъ новыхъ идей въ министерствѣ являлся графъ *Францъ Стадіонъ*, министръ внутреннихъ дѣлъ. Новое министерство въ изданной имъ программѣ изложило, что стоитъ за конституціонную монархію и намѣрено встать во главѣ движенія. Своей важнѣйшей задачей оно ставило «соединеніе всѣхъ земель и народовъ монархіи въ одно цѣлое».

Рейхстагъ въ Кремзирѣ возобновилъ свои засѣданія, прерванныя событіями въ Вѣнѣ. Онъ продолжалъ обсужденіе «основныхъ правъ» австрійскаго народа, которыя должны были быть утверждены въ такомъ-же размѣрѣ, какъ и тѣ положенія, которыя были установлены во Франкфуртѣ для Германіи.

Въ это время въ Ольмюцъ пришло извѣстіе о битвѣ при Каполнѣ и произвело впечатлѣніе грандіозной побѣды, благодаря которой венгерская армія была совершенно разбита. Австрійское министерство уже давно хотѣло узаконить конституцію и рѣшило, что это какъ разъ самый подходящий моментъ для дѣйствій. 6-го марта графъ Стадіонъ пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ самыхъ почтенныхъ членовъ рейхстага и предложилъ имъ составленный министерствомъ проектъ конституціи; однако, никто не согласился его признать. Стадіонъ тотчасъ-же вернулся въ Ольмюцъ, чтобы довести до свѣдѣнія Шварценберга объ отказѣ. Однако, члены крайней лѣвой, не довѣряя ему, въ ту-же ночь бѣжали за границу. 7-го марта, когда остальные уполномоченные собрались на засѣданіе, то нашли залъ запертымъ и окружен-

нымъ стражей. На углахъ былъ расклеенъ манифестъ о закрытіи рейхстага и объ *узаконеніи новыхъ началъ конституціи* для всей Австріи.

Эта конституція, утвержденная 4-го марта 1849 г., была составлена по образцу бельгійской и утвержденной прусской конституціи. Главнымъ пунктомъ ея было то, что Австрія признавалась *самостоятельной, нераздѣльной, наследственной монархіей*, и отмѣнялись всѣ провинціальныя отличія и преимущества. Относительно Венгріи значилось слѣдующее: «конституція королевства Венгріи остается въ силѣ постольку, поскольку она не идетъ въ разрѣзъ съ государственными законами и равенствомъ національностей».

Такое ограниченіе не означало ничего иного, какъ *отмѣну* той конституціи, за которую боролась въ то время вся Венгрія съ оружіемъ въ рукахъ.

Бемъ нашелъ въ Трансильваніи всего нѣсколько тысячъ пригоднаго войска и не могъ отважиться на сраженіе въ открытомъ полѣ; но онъ хорошо умѣлъ пользоваться небольшими отрядами. Неожиданно нападавая на непріятеля, онъ принуждалъ его отступать и все больше и больше отдаляться другъ отъ друга. Онъ былъ разбитъ наголову при *Германштадтѣ*, но обманулъ австрійцевъ, неожиданно обойдя ихъ, и въ первый день Рождества 1848 г. вступилъ въ *Клаузенбургъ*.

Граждане Кронштадта и Германштадта послали депутацію къ *русскимъ*, стоявшимъ въ Валахіи, съ просьбой прислать къ нимъ русскія войска для охраны города. Генераль *Лидерсъ*, совмѣстно съ турками занятый водвореніемъ порядка въ мятежной Валахіи, наотрѣзъ отказалъ имъ. Когда-же австрійскій генераль Пухнеръ, не рассчитывая на свои силы, повторилъ ту-же просьбу, 3.000 русскихъ 2-го февраля 1849 г., подъ начальствомъ *Энгельгардта*,

вступили въ Кронштадтъ, а 2.000 человекъ, подъ командою *Скарятина*, заняли Германштадтъ. Тогда Пухнеръ 3-го марта напалъ на Бема и разбилъ его; послѣдній направился въ Германштадтъ и 11-го марта вытѣснилъ оттуда русскихъ. Отъ такой неожиданности Пухнеръ утратилъ всякое соображеніе; онъ сдалъ командованіе и бѣжалъ со своимъ штабомъ въ Валахію. Тогда русскіе сдали Кронштадтъ и также отступили въ Валахію; за ними послѣдовали и австрійцы. Вся Трансильванія, за исключеніемъ маленькой крѣпости *Карлсбургъ*, была теперь въ рукахъ венгерцевъ.

Эта побѣда сильно подѣйствовала на увлекающихся мадьяръ; кромѣ того, имъ удалось добиться значительнаго успѣха у сербовъ. Въ срединѣ марта 1849 г. Церцель былъ отправленъ на театръ военныхъ дѣйствій въ Сербію; освободилъ *Петервардеинъ*, оттѣснилъ сербовъ и, разбивъ при *Меленце*, заставилъ ихъ послѣдно отступить за Дунай. Бемъ въ это-же время удачно отразилъ нападеніе австрійцевъ, пытавшихся проникнуть въ Трансильванію изъ Валахіи.

Генералу *Феттеру* было поручено возмѣстить неудачу при Каполи. Онъ рѣшилъ вновь перейти Тейссу и напасть на Виндишгреца; Гергей согласился придти ему на помощь. Перейдя Тейссу и соединившись съ Гергеемъ, Феттеръ отказался отъ командованія и передалъ его Гергею. Теперь въ распоряженіи послѣдняго были около 50.000 человекъ и 182 орудія. Австрійцы въ началѣ апрѣля отступили къ *Гедделю* и *Инасегу*, гдѣ и произошло сраженіе. Австрійцы упорно держались, пока Гергей не двинулъ резервы. Виндишгрець потерпѣлъ полное пораженіе и отступилъ къ Пешту. На другой день послѣ сраженія Гергей созвалъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено прежде всего идти на выручку осажденному *Коморчу*.

ОСОБОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

изданій „Родина“ 1904 года

ДВѢ КАРТИНЫ-ОЛЕОГРАФІИ

исполненные въ 23 тона, каждая размѣр. $28\frac{3}{4} \times 19\frac{3}{4}$ дюйм., по оригиналамъ слѣдующихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ:

I.

„Въ морозный день на тройкѣ“

Съ картины профессора Н. Е. Сверцова.

II.

„Ялта съ моря“

Съ картины профессора Л. Ф. Лагоріо.

ОБѢ КАРТИНЫ **СТОЯТЪ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** для **ТОЛЬКО**
гг. подписчиковъ „Родины“

ШЕСТЬДЕСЯТЬ (60) КОПЕЕКЪ

(безъ пересылки).

Картины будутъ разсылаются въ плотной упаковкѣ, наверху на скалку и пересылка ихъ стоитъ 20 коп. (за обѣ). За вышеуказанную дешевую цѣну каждый подписчикъ имѣетъ право получить эти **ДВѢ КАРТИНЫ ВМѢСТѢ** только **ОДИНЪ** разъ. Желающіе получить **добавочныя** картины приплачиваютъ за **КАЖДУЮ КАРТИНУ** по **одному** рублю.

Для лицъ, не состоящихъ подписчиками журнала и газеты „РОДИНА“, **КАЖДАЯ КАРТИНА** стоитъ **ТРИ** рубля.

Требованія адресуются въ Главную контору редакціи изданій „РОДИНА“ (А. А. Каспари), С.Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., 114.

Гербовыя и почтовыя марки въ уплату **НЕ** принимаются. Наложенымъ платежемъ картины **НЕ** высылаются. При требованіяхъ просятъ обязательно **ПРИЛАГАТЬ** тотъ **АДРЕСЪ**, который наклеивается на оболочку журнала; деньги и требованія на картины можно высылать совместно съ подпискою на изданія «РОДИНА» 1904 г.